

A c t a
Universitatis
Lodziensis

FOLIA LINGUISTICA ROSSICA

22
2023

WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU
ŁÓDZKIEGO

A c t a Universitatis Lodzianis

FOLIA LINGUISTICA ROSSICA

22
2023

Współczesne perspektywy:
język, kultura, przekładoznawstwo

pod redakcją
Ivana Smirnova

 WYDAWNICTWO
UNIwersYTETU
ŁÓDZKIEGO

ŁÓDŹ 2023

 C O P E
Member since 2019
JM14477

REDAKCJA NAUKOWO-DYDAKTYCZNA

Agata Piasecka, Ija Tulina-Blumental

RADA NAUKOWA

Irina Barclay (Boone, USA), *Andrzej Charciarek* (Polska, Katowice), *Thomas Daiber* (Niemcy, Giessen), *Jelena Iwanian*, *Wiera Kartawienko*, *Julia Krawcowa* (Ukraina, Kijów)
Walerij Mokijenko, *Jelena Romaniczewa*, *Andrzej Sitarski* (Polska, Poznań)
Jelena Stojanowa (Bułgaria, Szumen), *Damina Szajbakowa* (Kazachstan, Ałmaty)

RECENZENCI

Irina Barclay (Boone, USA), *Ewa Komorowska* (Szczecin, Polska)
Agnieszka Krzanowska (Szczecin, Polska), *Jolanta Kur-Kononowicz* (Rzeszów, Polska)
Krzysztof Kusal (Łódź, Polska), *Julia Mazurkiewicz-Sułkowska* (Łódź, Polska)
Anna Rudyk (Rzeszów, Polska), *Kristiana Simeonowa* (Sofia, Bułgaria)
Radostina Stojanova (Sofia, Bułgaria), *Jarosław Wierziński* (Łódź, Polska)
Agnieszka Zatorska (Łódź, Polska)

REDAKCJA TOMU

Ivan Smirnov

REDAKTORZY JĘZYKOWI

Anna Iacovou (język angielski)
Agata Piasecka (język polski)
Ivan Smirnov (język rosyjski)

REDAKTOR INICJUJĄCY

Sylvia Mosińska

SKŁAD I ŁAMANIE

Munda – Maciej Torz

KOREKTA TECHNICZNA

Elżbieta Rzymkowska

PROJEKT OKŁADKI

efectoro.pl agencja komunikacji marketingowej

Publikacja bez opracowania redakcyjnego w Wydawnictwie UŁ

© Copyright by Authors, Lodz 2023

© Copyright for this edition by University of Lodz, Lodz 2023

Wydane przez Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego

Wydanie I. W.11259.23.0.Z

Ark. wyd. 11,5; ark. druk. 12,125

ISSN 1731-8025

e-ISSN 2353-9623

Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego

90-237 Łódź, ul. Jana Matejki 34A

www.wydawnictwo.uni.lodz.pl

e-mail: ksiegarnia@uni.lodz.pl

tel. (42) 635 55 77

Содержание

От редакции	9
-------------------	---

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Петр Червинский – <i>Тепло ли тебе девица?..</i> (мотивы «мороза» как сказочного сюжета)	15
Petr Chervinskii – <i>Are you Warm, Girlie? (The Frost Motif in the Fairytale Plot)</i>	15
Jarosław Wierzbiński – <i>Język bohaterów w utworach Michała Zoszczenki</i>	33
Jarosław Wierzbiński – <i>The Language of Heroes in the Works of Mikhail Zoshchenko</i>	33
Jadwiga Grunwald – <i>Pierogi kulinarną wizytówką „wędrownego ambasadora Polski” Władysława Grodeckiego</i>	49
Jadwiga Grunwald – <i>Pierogi as Culinary Business Card of the “Wandering Polish Ambassador” Władysław Grodecki</i>	49
Иван Смирнов – <i>Характеристика феминитивов в русскоязычном медийном дискурсе</i>	63
Ivan Smirnov – <i>Characteristics of Femitives in Russian-Language Media Discourse</i>	63
Тогжан Жапарова – <i>Синергетический анализ словообразовательных процессов как реакции на казахстанскую действительность</i>	73
Togzhan Zhaparova – <i>Synergetic Analysis of Word-forming Processes as Reactions to Kazakh Realness</i>	73
Петр Червинский – <i>Сорока-ворона в детской потешке</i>	85
Petr Chervinskii – <i>A Magpie/a Crow in the Nursery Rhymes</i>	85

ПЕРЕВОД И ДИДАКТИКА

- Ваня Иванова** – Перевод топонимов как проблема обучения художественному переводу (на материале переводов студентов и учеников старших классов) 105
Vania Ivanova – Translation of Toponimes as a Problem of Teaching Literary Translation (by the Material of Translations of Students and High School Pupils). 105
- Zoja Kuca, Elona Curkan-Dróžka** – Невербальная коммуникация в формировании межкультурной компетентности 121
Zoja Kuca, Elona Curkan-Dróžka – Non-Verbal Communication for Developing Intercultural Competence. 121
- Piotr Baleja** – О культурной памяти в переводе (теоретический аспект). . 137
Piotr Baleja – On Cultural Memory in Translation (Theoretical Perspective) 137

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- Agata Bunevich** – Развитие языка позитивных эмоций в русскоязычном интернет-пространстве (на основе исследования выбранного контента Instagram, VK и YouTube) 151
Agata Bunevich – Development of the Language of Positive Emotions in the Russian-Speaking Online Environment (Based on Research on Selected Content from Instagram, VK, and YouTube Platforms) 151
- Pawel Kmieć** – Odpowiedzialność jako odpowiedź na wartości 163
Pawel Kmieć – Responsibility as an Answer to Values 163
- Julia Kożuchowska** – Z rodziną wychodzi się najlepiej na zdjęciu. Relacje Raskolnikowów w powieści *Zbrodnia i kara* Fiodora Dostojewskiego . . . 171
Julia Kożuchowska – Family Looks Best in Photos. The Raskolnikov Family Relationships in Fyodor Dostoyevsky’s Novel, *Crime and Punishment* 171
- Erica Zacharova** – Психологическая символика сновидений в творчестве Ф.М. Достоевского 179
Erica Zacharova – The Psychological Symbolism of Dreams in the Work of F.M. Dostoevsky 179

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Elena Nevzorova-Kmech** – Слово о конференции. «Чувства и ценности, которые спасут мир» (в языке, литературе и культуре) 189
- Elena Nevzorova-Kmech** – A Word about the Conference. “Feelings and Values that Will Save the World” (in Language, Literature and Culture) . . 189

От редакции

Новый выпуск журнала – это в очередной раз событие для академического сообщества, это дыхание науки, которым самобытные живые тексты говорят сами за себя. Материалы настоящего выпуска охватывают важные аспекты языкознания, они проникнуты мыслями и ментальностью русского культурного пространства.

В журнале отдельным блоком представлены размышления, касающиеся структуры русских народных сказок и потешек. Фольклорный материал базируется на когнитивных установках, заложенных в глубокой древности. Наиболее важным аспектом, по мнению автора, являются основы превентивной педагогики, зашифрованные в алгоритме действий метафорически репрезентованных персонажей, которым в народных сказаниях присущи черты сакральности. Через представленные нарративы происходит идентификация персонажей и установление иерархических отношений, складывается концепция особого жизненного сюжета.

Особый интерес представляет статья, посвященная значению средств невербальной коммуникации в преподавании иностранного языка. Богатый опыт преподавательской работы предоставил возможность авторам публикации провести анкетирование польских студентов, выясняя значимость невербальных средств передачи информации. Эпистемологический подход, основанный на соотнесенности польской картины мира в противовес русским ментальным представлениям, дал неожиданные результаты, использование которых позволит дополнить методику изложения лекционного материала на занятиях с иностранными студентами.

В журнале традиционно представлены статьи, посвященные проблемам создания качественного перевода с максимальной содержательной общностью с текстом оригинала. Трудности в переводе урбанонимов с русского на болгарский язык подсказали автору статьи реализовать исследование на материале переводов студентов и учеников старших классов. Фреймирование лексического материала помогло установить изменчивость представлений о топонимах и определить частотные грамматические ошибки, возникающие при переводе.

Стоит также обратить внимание на статью, посвященную теории культурной памяти, которая основывается на кодировании внешнего мира и фик-

сируется авторами произведений в подлиннике. В переводе она разворачивается через призму индивидуальных смысловых конструкций.

Нетривиальность произведений классика русской и советской литературы Михаила Зощенко, подтекстовая глубинность его творчества до сих пор представляют интерес как для языковедов, так и литературоведов. Смысловой детерминантой является гротескное описание персонажей с целью завуалирования табуированных смысловых фигур. Общим универсальным знаменателем является чувство свободы героев, формально существующих в рамках государственного контроля, проиллюстрированного примерами из произведений.

Новый формат современного мира характеризуется объединением реального и виртуального коммуникативных пространств. Область современного состояния лексики русского языка затрагивает статья, посвященная феминитивам. Автор статьи доказывает, что процесс создания новых форм феминитивов имеет не стохастический характер, он связан с нарочитой интервенцией неологизмов в язык с целью захвата медийного пространства и нарушения конвенциональных устоев.

В 22-й номер журнала также вошли научные статьи студентов. Они являются результатом конференции, организованной руководителями двух научных кружков, функционирующих в Институте русистики Лодзинского университета. Научное руководство конференцией осуществлялось наставниками секций. Это чрезвычайно радостное событие дает надежду на развитие научного потенциала у молодых исследователей, а также иллюстрирует эрудицию авторов и бросает свежий взгляд на проблемы, связанные с чувствами и ценностями. Решение подобных вопросов в эпоху трудностей, с которыми сталкивается современный мир, представляется весьма своевременным.

Корпоративное окружение журнала создают не только редакционная коллегия, сотрудники и авторы публикаций, но и читатели, словом, сциентифическая атмосфера и интеллектуальный контент поддерживаются совместными усилиями.

Журнал открыт для публикаций, и путь к нему освещен звездой науки.

Иван Смирнов

From the Editorial Board

The new issue of the journal is, once again, an event for the academic community, a breath of science spoken through unique, living texts. The materials in this issue cover crucial aspects of linguistics, permeated with thoughts and the mentality of the Russian cultural space.

In a dedicated section of the journal, reflections are presented on the structure of Russian folk tales and nursery rhymes. Folklore materials are rooted in cognitive settings that date back to ancient times. According to the author, the fundamental aspects lie in the foundations of preventive pedagogy encrypted in the algorithm of actions metaphorically represented by characters possessing traits of sanctity in folk tales. Narratives facilitate the identification of characters, the establishment of hierarchical relationships, and the formulation of a concept of a distinctive life plot.

A particularly interesting article delves into the significance of non-verbal communication means in teaching a foreign language. The rich experience of teaching provided the authors with the opportunity to conduct surveys of Polish students, revealing the importance of non-verbal means of information transmission. The epistemological approach, based on the correlation of the Polish worldview in contrast to Russian mental representations, yielded unexpected results. Utilizing these results will enhance the methodology of presenting lecture material to foreign students.

Traditionally, the journal includes articles addressing the challenges of creating high-quality translations with maximum semantic coherence with the original text. Difficulties in translating urbanonyms from Russian to Bulgarian prompted the author to conduct research on translations by students and high school pupils. The framing of lexical material helped identify the variability of perceptions of toponyms and determine frequent grammatical errors that arise during translation.

Also noteworthy is an article dedicated to the theory of cultural memory, which is based on the encoding of the external world and is fixed by the authors of works in the original. In translation, it unfolds through the prism of individual semantic constructions.

The non-trivial nature of the works of the classic of Russian and Soviet literature, Mikhail Zoshchenko, and the subtextual depth of his creativity remain of interest to linguists and literary scholars. The grotesque descriptions of characters,

aimed at veiling tabooed semantic figures, serve as the semantic determinant. The universal common denominator is the sense of freedom of characters formally existing within the framework of state control, illustrated by examples from the works.

The new format of the modern world is characterized by the integration of real and virtual communicative spaces. The field of the contemporary state of the Russian language lexicon is addressed in an article dedicated to feminitives. The author argues that the process of creating new forms of feminitives is non-stochastic and is associated with intentional intervention of neologisms in the language with the aim of capturing media space and disrupting conventional norms.

In the 22nd issue of the magazine, there is also a space dedicated to student articles. They are a result of a scientific conference organized by members of two Scientific Circles associated with the Institute of Russian Studies at the University of Lodz. The scientific leadership of the conference was entrusted to the supervisors of the Circles. This exceptionally joyful initiative inspires hope for the development of new academic staff and also testifies to the broad horizons of Young Authors. It provides a fresh perspective on research problems related to emotions and values. Addressing such issues in the face of the difficulties that the contemporary world has to deal with seems very relevant.

The corporate environment of the journal is created not only by the editorial board, staff, and authors but also by the readers. In short, the scientific atmosphere and intellectual content are sustained through collective efforts.

The journal is open for publications, and the path to it is illuminated by the star of science.

Ivan Smirnov
†um. Anna Iacovou

Słowo od Redakcji

Nowe wydanie czasopisma to kolejne wydarzenie dla społeczności akademickiej, tchnienie nauki, którym autentyczne żywe teksty mówią same za siebie. Materiały tego wydania obejmują ważne aspekty językoznawstwa, są przeniknięte myślami i mentalnością rosyjskiej przestrzeni kulturowej.

W odrębnej rubryce czasopisma przedstawiono refleksje dotyczące struktury rosyjskich ludowych bajek i piosenek. Materiał folklorystyczny prezentuje nastawienie poznawcze osadzone w dalekiej przeszłości. Najważniejszym aspektem, zdaniem autora, są podstawy pedagogiki prewencyjnej, zaszyfrowane w algorytmie działań metaforycznie przedstawionych postaci, które w podaniach ludowych charakteryzują się cechami sakralnymi. Poprzez prezentowane narracje następuje identyfikacja postaci, ustalanie relacji hierarchicznych oraz kształtowanie się koncepcji szczególnej fabuły życia.

Szczególnie interesujący jest artykuł poświęcony znaczeniu komunikacji niewerbalnej w nauczaniu języka obcego. Bogate doświadczenie w pracy dydaktycznej dało autorom możliwość przeprowadzenia ankiety wśród polskich studentów, przybliżając znaczenie niewerbalnych sposobów przekazywania informacji. Podejście epistemologiczne, oparte na korelacji polskiego obrazu świata z rosyjskimi wyobrażeniami mentalnymi, dało nieoczekiwane rezultaty, których zastosowanie pozwoli uzupełnić metodologię prezentacji materiału wykładowego na zajęciach ze studentami obcokrajowcami.

W czasopiśmie tradycyjnie prezentowane są artykuły poświęcone problemom tworzenia przekładu o wysokiej jakości i maksymalnym podobieństwie merytorycznym z tekstem oryginalnym. Trudności w tłumaczeniu urbanonimów z języka rosyjskiego na język bułgarski skłoniły autora artykułu do przeprowadzenia badań w oparciu o materiał tłumaczeń studentów i uczniów szkół średnich. Struktura materiału leksykalnego pomogła ustalić zmienność wyobrażeń na temat toponimów i określić częstotliwość błędów gramatycznych pojawiających się podczas tłumaczenia.

Warto również zwrócić uwagę na artykuł poświęcony teorii pamięci kulturowej, która opiera się na kodowaniu świata zewnętrznego i jest utrwalona przez autorów dzieł w oryginale. W tłumaczeniu rozwija się przez pryzmat indywidualnych konstrukcji semantycznych.

Oryginalność dzieł klasyka literatury rosyjskiej i radzieckiej Michaiła Zoszczenki, subtekstowa głębia jego twórczości wciąż budzi zainteresowanie zarówno językoznawców, jak i literaturoznawców. Wyznacznik semantyczny to groteskowy opis postaci, który ma na celu zawołowanie figur semantycznych stanowiących tabu. Wspólnym uniwersalnym mianownikiem jest poczucie wolności bohaterów, formalnie istniejące w ramach kontroli państwowej, zilustrowane przykładami z dzieł.

Nowy format współczesnego świata charakteryzuje się połączeniem realnej i wirtualnej przestrzeni komunikacyjnej. Obszar aktualnego stanu słownictwa języka rosyjskiego porusza artykuł poświęcony feminitywom. Autor artykułu dowodzi, że proces tworzenia nowych określeń dotyczących kobiet nie ma charakteru stochastycznego, wiąże się z celową ingerencją neologizmów w język w celu zajęcia przestrzeni medialnej i naruszenia konwencjonalnych zasad.

W 22. numerze czasopisma znalazło się także miejsce dla artykułów studenckich. Stanowią one pokłosie konferencji naukowej, którą zorganizowali członkowie dwóch Kół Naukowych działających przy Instytucie Rusycystyki Uniwersytetu Łódzkiego. Kierownictwo naukowe konferencji przypadło Opiekunom Kół. To niezwykle radosne przedsięwzięcie napawa nadzieją na rozwój nowej kadry naukowej, a także świadczy o szerokich horyzontach Młodych Autorów, jest świeżym spojrzeniem na problemy badawcze związane z uczuciami i wartościami. Podjęcie takiej problematyki w dobie trudności, z jakimi przyszło borykać się współczesnemu światu, wydaje się bardzo aktualne.

Niniejszy periodyk tworzą nie tylko członkowie Redakcji i Autorzy publikacji, ale także Czytelnicy. Ich wspólny wysiłek buduje atmosferę naukową i prezentowane treści intelektualne.

Czasopismo jest otwarte na publikacje, a drogę do niego wyznacza jasna gwiazda nauki.

Ivan Smirnov
tłum. *Agata Piasecka*

Петр Червинский (Petr Chervinskii)

 <https://orcid.org/0000-0001-6575-5736>

Uniwersytet Śląski w Katowicach

Wydział Humanistyczny

41-206 Sosnowiec, ul. Grota-Roweckiego 5

chervinski.piotr@gmail.com

ТЕПЛО ЛИ ТЕБЕ, ДЭВИЦА?..
(МОТИВЫ «МОРОЗА» КАК СКАЗОЧНОГО СЮЖЕТА)

Are You Warm, Girlie?..
(The Frost Motif in the Fairy-Tale Plot)

Резюме

Опираясь на сюжет известной русской народной сказки о Морозе (Морозко) в двух его вариантах, помещенных в сборнике А.Н. Афанасьева № 95 и № 96, автор анализирует и выводит признаки действующих в ней персонажей – старухи (мачехи), старика, падчерицы и старухиных дочерей (родной дочери во втором варианте).

Выведенные признаки формируются в роли – доминирующей преследовательницы и распорядительницы для мачехи, покорного исполнителя ее воли для старика, преследуемой и обрекаемой к смерти для падчерицы, избалованных мачехиных дочерей. Позволяет это перейти ко всему дальнейшему – выведению и характеристике определяющих мотивов Мороза. По тексту сказки в обоих ее вариантах такими мотивами становятся: пограничное и чужое пространство (бор, лес, глушь, чисто поле); характерное для героя появление-приближение (сверху, по елкам или же подходя); моторика слышимых, но не обязательно видимых движений (потрескивание, пощелкивание, поскокивание, подпрыгивание); троекратное усиление морозящего воздействия на объект; богатство и вследствие этого способность одаривать; формы вежливого обращения, приветствие, «умные речи»; смерть в результате окостенения; брачный мотив; пение песенок на морозе (при неумирании) и т.п.

Полученные результаты сопоставляются с темами и мотивами, характерными для национальной культуры, что находит свое отражение в пословицах, поговорках, обычаях, обрядовой практике, а также в народных и не только народных, авторских песнях.

В завершение проделанного анализа выводится общая схема сюжета.

Ключевые слова: сказка, сюжетный мотив, роли и функции персонажей, семантика, предикатные характеристики.

Summary

A famous Russian folk tale about *Jack Frost* (*Морозко*) nos. 95 and 96 in the collection by A.N. Afanasyev is the starting point of the analysis by the author of this paper. He presents the features of the characters in this tale i.e. The Old Bat (Step Mother), the Old Man, Step Daughter and Step Mother's Daughters (her own daughter in the second variant).

These features are presented in the roles of Step Mother as the domineering persecutor and administrator, the Old Man as the obedient executor of her will, the Step Daughter as a tormented wretch who was later sentenced to death, The Step Mother's own daughters as the spoiled misshapen girls. The characteristic motifs of Frost are presented and described according to the tale in both variants. These are: 1. border and foreign space (forest, woods, wilderness, middle of nowhere); 2. the arrival of the main character (i.e. Jack Frost) from the sky, pine trees, getting closer; 3. the motor activity of audible but not visible movements (cracks, clangs, jumps); 4. the triple intensification of the freezing effect on the object; 5. the wealth and the possibility of giving due to it; 6. the kind of polite forms of addressing to Jack Frost, welcoming him, "wise speeches"; 7. the death caused by frost; 8. the wedding motif; 9. singing songs in the freezing cold weather (being still alive).

The obtained results are compared with the motifs and themes typical for the national culture and so this is reflected in proverbs, sayings, customs and folk rites as well as in author's songs.

In the summary the general outline of the plot is presented.

Keywords: fairy tale, plot motif, roles and functions of characters, semantics, predicates' properties.

Хорошо известный сюжет, о котором речь, в источнике *Народные русские сказки* (Афанасьев, 1957, 140–144) представлен в двух вариантах (№ 95 и № 96), открываясь в № 95 словами устойчиво-формульного зачина: «Жили-были старик да старуха, – и продолжаясь следующим, также довольно типическим образом: – У старика со старухой было три дочери». Второй вариант ситуацию представляет иначе, без упоминания старика (он появляется позже): «У мачехи была падчерица да родная дочка». То, что старшая дочь была падчерицей, имеется также и в первом случае, объясняя старухину к ней нелюбовь: «Старшую дочь старуха не любила (она была ей падчерица), почасту ее журила, рано будила и всю работу на нее свалила». Иными словами, знакомый Золушкин вариант. Задачей, впрочем, будет не столько это, сколько то, что следует, связываясь с отражением в тексте Мороза как персонажа активного действующего и говорящего лица, взаимодействующего с отправляемыми к нему девицами. Начнем, однако, не с этого, а с представления всех персонажей, с тем чтобы на основе приписываемых им по тексту характеристик определить функциональную сторону, находящую отражение в сюжете, а также поле передаваемого в нем субъектно-объектного взаимодействия. Определение будет касаться как одного, так и другого из упомянутых вариантов, что позволит представить картину в более полном объеме.

Первыми, следуя тексту варианта № 95, будут старик и старуха, как парно-совместный субъект (№ 96 такого не предполагает):

– Старик да старуха – жили-были; старик со старухой – [имеют] трех дочерей;

– Мачеха (№ 96) – падчерица да родная дочка.

В отношении *жили-были* можно ввести показатель существования, $S^1S^2(Exist)$, для пары субъектов. В отношении двух остающихся характеристик – обладания, $S^1S^2(Possess3SO)$, $S(PossessSO)$, где $3SO$, SO указывает на субъекта (трех субъектов) как на объект, совместный объект в первом случае обладания. Продвигаясь далее по порядку, можно вывести следующие, предикатно определяемые расположения (опустим подробности разворачивания сюжета, представив для краткости лишь проявляемые признаки):

– Старшая дочь (Марфуша) $Major(Filia)$ – старуха [ее] не любила (объект негативного отношения со стороны женского старого $O[(NegEmot)S(Femin.Senex)]$, или объект отчуждения-неприязни $O(Host)$ в обобщении, поскольку старшая дочь для старухи чужая; объект понуждения, помыкания и постоянного недовольства или объект притеснения $O(OpressS)$; субъектный агент исполнения всех желаний и требований старухи $Ag(EffectS)$, страдающий от всего этого, мизеративный объект $O(Miser)$. И это было бы на данном сюжетном этапе ее основным ролевым положением. Не распиная в подробностях, что заняло бы немало места и не так, чтобы существенным образом повлияло бы на поставленную задачу, все дальнейшее по двум текстам представим определяющими итоговыми предикатными характеристиками каждого персонажа (за исключением Мороза, о котором речь пойдет далее). Старшая дочь, или падчерица, выступает объектом постоянного подавления $O(OpressS)$ со стороны своей мачехи и ее дочерей. Во втором варианте подобная роль старухиной родной дочери не отмечается. Нет в конечном итоге подобного отношения к объекту изведения, удаления за пределы дома-двора $O(Extract)$ прямого по № 96: «Придумала мачеха падчерицу со двора согнать», и непрямого, укрытого, замещенного по № 95: «Отдадим Марфушу замуж», – с целью не просто избавиться от нее, но, отдав Морозу, лишить ее таким образом жизни $O(Mort)$. Тем самым происходит переходящее одно в другое растущее усиление, от неприятия и притеснения – к изведению и истреблению $O(Opress) > O(Extract) \rightarrow O(Mort)$. Это последнее реализует, должно себя реализовать в пределах не освоенного человеком пространства: старику предстоит увезти дочь в бор, к большой сосне, в глушь (№ 95) «во чисто поле на трескун-мороз» (№ 96).

Предикатно определяемые роли других персонажей, за исключением Мороза, а также до встречи с ним в обобщении выглядят следующим образом:

Старуха (№ 95), мачеха (№ 96) – преследовательница по отношению к падчерице и распорядительница по отношению к ней и старику – доминативно-персекутивный субъект $S(DominPersecut)$.

Падчерица (Марфуша, № 95) – в обобщении, как было раньше указано, страдающий, мизеративный субъект $S(Miser)$.

Старик. Его положение выводится на такой основе: «Старику жалко было старшей дочери; он любил ее за то, что была послушная (послушная) да работающая, никогда не упрячилась, что заставят, то и делала, и ни в чем слова не перекорила (не перечила); да не знал старик, чем пособить горю. Сам был хил, старуха ворчунья, а дочки ее ленивицы и упрямыцы» (№ 95). Согласно № 96 его позиция определяется из реакции на требование мачехи вывезти девицу «во чисто поле на трескун-мороз». «Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку на сани, хотел прикрыть попонкой – и то побоялся; повез бездомную во чисто поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочерниной смерти» (№ 96). В двух вариантах старик безвольный, слабый, не сопротивляющийся, боязливый объект, во всем поддающийся воле мачехи, действующий по сюжету как покорный во всем исполнитель $S(Exact)$.

Две старухиных дочери (№ 95), родная дочь мачехи (№ 96) представлены как избалованные любимицы своей матери и такие же преследовательницы дочери старика, как и их мать – фавор-персекутивный и парный по № 95 субъект $(2)S(FavorPersecut)$. Во втором варианте, как уже говорилось, подобная роль родной дочери мачехи не отмечается.

Оформляемое в персонажах действие до появления Мороза выглядит следующим образом. Старуха, она же мачеха, выступает инициатором избавления от падчерицы (старшей дочери, а также дочери старика), обрекая ее на смерть, под предлогом брака с Морозом. «Увези Марфутку к жениху и отдай ... за Морозка» – в первом случае и непосредственно во втором «во чисто поле на трескун-мороз». Понуждает она к этому действию старика, который, не сопротивляясь, покорно исполняет ее таковую волю. На этом этапе данное действие – избавление, ведущее к смерти объекта, экстрактив-мортуатив $ExtractMort(O)$ – предстает линейно: Субъект-инициатор > Агент-исполнитель > Объект > Целевой (финитный) субъект исполнения, реализации, осуществляемого действия, по формуле $S(I) > AgMed(Extract) > O(ExtractMort) > SFin(RealMort)$. Двойственность избавления-умерщвления разделяется между двумя ролевыми проекциями: $Extract$ – в отнесении к старику и $Mort$ – предполагаясь Морозу. При этом в первой проекции исполняется, во второй – нет, оборачиваясь в нечто иное.

В этом месте подходим к определяющей части повествования – взаимодействующей встрече с Морозом и получившегося из этого следствия. Мороз, в первом из вариантов Морозко, во втором, представляемый как Мороз красный нос, появляется, характеризуясь словами, «вдруг слышит: невдалеке Морозко на елке потрескивает, с елки на елку поскакивает да пощелкивает. Очутился он и на той сосне, под коей девица сидит, и сверху ей говорит» (№ 95). «Приходит Мороз, попрыгивает, поскакивает, на красную девушку поглядывает» (№ 96). Важным в обоих случаях становится: а) отсутствие обозначено-видимых признаков персонажа, неизвестно, что он собой пред-

ставляет и как выглядит; б) потрескивание, с елки на елку поскакивание, пощелкивание, попрыгивание-поскакивание – трясущаяся моторика, воспринимаемая на слух и визуально в движении, что характеризует его как мельтешащего и неустанно подвижного (вибрирующий флукуатив); в) заинтересованность оказавшимся в поле его проявления женским объектом, к которому он сразу же обращается либо с вопросом «Тепло ли те, девица?» (№ 95), либо с самопредставлением «Девушка, девушка, я Мороз красный нос!» (№ 96).

Обращаясь к первому варианту, можно отметить дополнительно следующее: приближение Морозко первоначально воспринимается только на слух, причем неизвестно, видит ли его девица или не видит, поскольку далее, как и во втором варианте, сразу же следует диалог. Для завязывания взаимодействующего контакта Морозко должен в своем приближении оказаться на той сосне, под которой находится девица (во втором варианте – Мороз должен прийти). Речь Морозко звучит сверху, что сопровождается действием замораживания, как следует из дальнейшего «Морозко стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать». Мороз спросил девицу (второй вопрос к ней), и замораживание это растет с его приближением, девица с каждым разом, а их было три, испытывает все больший холод. Далее следует самое важное, от чего зависит все остальное. В первом случае (№ 95) Морозко трижды задает один и тот же вопрос, и каждый раз с его большим формульным распространением – удвоением и утроением обращения: «Тепло ли те, девица? Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная? Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная? Тепло ли те, лапушка?» На что получает приязненно-благосклонный ответ, в таких же, устойчиво-организованных и содержащих в себе удвоения, вариантах: «Тепло, тепло, батюшко-Морзушко! Тепло, Морозушко! Тепло, батюшко! Ой, тепло, голубчик Морозушко». Последнее в предваряющем сопровождении словами «Девица окостеневала¹ и чуть слышно сказала». Полученные ответы подводят к тому, что «Морозко сжалился, окутал девицу шубами и отогрел одеялами». Но не только к этому, поскольку наутро, когда старуха, как принято по обычаю, отправляет старика будить молодых, тот «нашел ее живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую и короб с богатыми подарками».

Второй вариант (№ 96), более краткий и жесткий, описывает происходящее несколько по-другому. Дважды по тексту, при том, что Мороз приходит

¹ В связи с окостенением как умиранием от стужи, мороза внимания заслуживает такое важное замечание, касающееся значения близкого в семантическом отношении слова: «...одна из наиболее частых и убедительных семантических мотивировок обозначений льда связана с идеей сгущения, коснения, застывания, отвердения ... Эта идея часто реализуется как образ слабости, косности, усталости (но и лени, медлительности), истощенности, беспомощности, оцепенелости, короче говоря, – болезненного состояния и застывания = смерти» (Топоров, 1984, 412).

три раза, следует формула его представления девице без вариаций: «Девушка, девушка, я Мороз красный нос!». И это должно предшествовать тому, что, как следует из текста, «хотел ее тукнуть и заморозить». Иными словами, чтобы данное действие по природе своей совершить, ему необходимо жертве своей представиться, заявив таким образом о себе. Снимается предполагаемое действие тем, что следует из ее ответа на такое его представление: «Добро пожаловать, Мороз; знать, бог тебя принес по мою душу грешную». Желание тукнуть и заморозить уступает место тому, что «полюбились ему ее умные речи, жаль стало! Бросил он ей шубу». Тем самым важны эти «умные речи», следует знать, а если и не знать, то почувствовать, как и что отвечать в подобном случае.

Положительных разрешений из текстов двух вариантов по взаимодействию столкновению с Морозом, получается два, и оба они становятся следствием правильно выбранного вербального проявления. Первое разрешение предполагает не просто вежливость и приветливость обращения, но и укрывание своего замерзающего состояния, привычный для народной традиции отвод и обман² от действительного положения вещей при вероятном взаимодействии с потусторонним³. Девушка трижды повторяет Морозу, что ей тепло, в то время как ей не просто холодно, а в нарастающем прозябании она фактически замерзает. Первоначально до появления Мороза она «сидит да дрожит; озноб ее пробрал» Важно именно это «пробрал». Так пробрал, что «хотела она выть, да сил не было: одни зубы только постукивают». После второго подхода, когда «Морозко стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать, девушка чуть дух переводит, но еще говорит», а коль скоро «еще говорит» и «чуть дух переводит», то уже и недолго. И на третьем подходе, уже близком к смерти, «девушка окостенела и чуть слышно сказала». После чего только тот «сжалился, окутал девушку шубами и отогрел одеялами». Из этого объективно сложившегося для нее испытания, следует важ-

² По словам С.Ю. Неклюдова, «в данном случае мы встречаемся с ритуальным обманом. Мачехина дочка не знает этого приема, говорит правду, которая не может служить оберегом, Мороз ее замораживает. ... В сказках, в которых падчерица встречается в лесу с Морозом ... падчерица получает награду за знание некоторого этикета, умения вести ритуальный диалог. Мороз трижды спрашивает девушку, холодно ли ей. Е.И. Лутовинова справедливо выделяет три варианта ответа: правдивый, уклончивый и ложный (Лутовинова, 1991, 56)» (Неклюдов, доступ: 1.04.2023).

³ «... в народной культуре ритуальный обман (как вербальный, так и акциональный) часто служит магическим приемом для защиты от нечистой силы, болезней и других опасностей», что «объясняется тем, что в ритуале формальный адресат [...] не совпадает с «действительным» сакральным адресатом, которому предназначается ритуал. Таким «действительным» адресатом и прямым объектом обмана всегда является некая высшая сила, находящаяся за пределами «этого» мира» (Толстая, 1995, 109–110). О ритуальном обмане см., для примера: Усачева, 1996; Виноградова, Толстая, 1999; Толстая, 2002; Толстая, 2004. О разных видах такого обмана: Каспина, 2010.

ное обстоятельство, которое предполагает словами выраженное «тепло», в то время как очень и очень холодно⁴. Дело тут не только и не столько в обмане, сколько в том, что можно представить себе, как нечто подобное известной формуле взаимодействия с потусторонним либо чужим: «Ты и я, мы с тобой одной крови», снимающей вероятность губительного конфликта. Мне тепло, потому что и тебе, Морозу, не может быть холодно. Приводит это к тому, что в ответ Мороз принимает ее человеческую позицию, согревает шубами и одеялами, одаривает свадебными дарами, оставляя ей шубу хорошую, фату дорогую и короб с богатыми подарками. Ожидаемая и неминуемая смерть оборачивается сопровождаемыми брачным мотивом богатством и благоденствием. Второе возможное разрешение – полюбившиеся Морозу ее «умные речи», отчего ему «жаль стало» предполагает нечто иное. Само по себе приветливое, а точнее приветное приглашение⁵ «Добро пожаловать, Мороз» переходит в своем продолжении в упреждающее, по существу, заявление об ожидании смерти в виде назначенной высшей силой для исполнения Морозом судьбы «знать, бог тебя принес по мою душу грешную». Что повторяется без изменения дважды, после чего «он принес красной девушке сундук высокий да тяжелый, полный всякого приданого». И снова брачный мотив, развиваемый далее с третьим приходом Мороза. «Она его приветила, а он ей подарил платье, шитое и серебром, и золотом» (цвета и знаки потустороннего). Неминуемая смерть и в этом случае сменяется одариванием и ожидаемым благополучием. Мороз, таким образом, может и должен убить, заморозить, окостенить, но может также и одарить, смерть обратив в богатство. Богатство, в том числе в виде приданого к браку, не полярная и не противопоставляемая, а обратная к смерти и потустороннему сторона. Первоначально задуманная старухой, мачехой позиция целевого направления объекта (дэвицы) к Морозу, как субъекту реализации в смерти *SFin(RealMort)*, не случайна и в отношении двух ее дочерей. Для родной ее дочери оборачивается при правильности контактного вербального проявления со стороны объекта реализацией благополучия – субъект ожидаемого исполнения реализует значение фортунативного просперитива *SReal (FortunProsper)*.

⁴ Ср. представление, отраженное в эстонской сказке о трех братьях-морозах, которым было жарко в баньке, на печке и в доме у бобыля, в то время как сами они напустили такого холоду, что хозяин согреться никак не мог, при этом каждый последующий был сильнее, чем предыдущий (<https://estonskie-skazki.larec-skazok.ru/tri-sorvanca-deda-moroza>, доступ: 1.04.2023).

⁵ О приглашении к угощению Мороза с ласковым обращением к нему «Морозе-морозе», «Морозе-морозенько», с именованьем по отчеству «Мороз Васильевич», называя его «дедом», «паном», «дедом морозом», «паном морозом», прося его «на вечерю прийти», «кутью съесть» и пр. см.: Виноградова, 2004, 302. Те же сведения можно найти и в других источниках, см. для примера: Афанасьев, 1865–1869, I, 108, 318; Иванов, Топоров, 1982, 176; Новичкова, 1995, 389, 407–408; Власова, 1995, 89; Мадлевская, 2005, 91.

Далее следует предсказуемый оборот. Старуха, мачеха, желая того же и еще большего своим дочерям, своей родной дочери, отправляет старика с ними, с нею, руководствуясь на сей раз себя проявившей идеей благополучия *SReal(FortunProsper)*: «Увези-ка и моих-то дочерей к жениху; он их еще не так одарит!» (№ 95). «Старик, старик, запрягай других лошадей, вези мою дочь поскорей! Посади на то же поле, на то же место» (№ 96). Легко достижимое, казалось бы, в одном случае, становится не реализуемым в другом. То, что задумывалось и назначалось исходно для стариковой дочери, нашло свое воплощение в двух старухиных, мачехиной родной дочери, задуманное к повторению, удвоенному, поскольку для двух дочерей *SReal(FortunProsper)*, для них обращается в то, что закладывалось первоначально для падчерицы *SFin(RealMort)* по представленной формуле. Оставленные стариком под той же сосной старухиной дочери, как и следовало ожидать, в полной мере проявляют свою капризную избалованность, невоспитанность и гневливость, затевая исполненный неприязненными замечаниями разговор в адрес матери и ожидаемого жениха, обмениваясь такими же злостно-колючими репликами, грубо и без стеснения задевая и оскорбляя друг друга. То же ждет и постепенно спускающегося ниже Морозко. Формульный вид обращенных к ним его вопросов выглядит, в сравнении с вопросами к стариковой дочери, прямо наоборот, начинаясь с трехкратного построения «Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные? Тепло ли, мои голубушки?», переходя к двукратному «Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?» и завершая себя в одиночном «Тепло ли вам, девицы?». Старухиные дочки ведут себя откровенно и по нарастающему грубо, усиливая с каждым разом злобную неприязненность отношений. «Ой, Морозко, больно студено! Мы замерзли, ждем суженого, а он, окаянный, сгинул» (№ 95). В этом первом ответе «окаянным» представляется суженый, который к тому же «сгинул» (мотив того света). Во втором ответе озлобление оборачивается к Морозу: «Поди ты к черту! Разве слеп, вишь, у нас руки и ноги отмерзли». Морозко, хотя и по устойчивой формуле, но отправляется ими к черту, на тот свет, в преисподнюю, если прямо это воспринимать. Усиливается данное положение в третьем ответе, предполагая множественность чертей, обозначая место отправки к ним и «окаянным», называя на сей раз его самого. «Убирайся ко всем чертям в омут, сгинь, окаянный!». После чего тут же следует то, что «и девушки окостенели». Не случайно и важно в отношении Мороза и смерти, следующей от него, это самое «окостенели», обратившись в кости и заморозившись в кость. Тема, которая прозвучит также и во втором варианте (№ 96). Когда собачка под столом сообщает: «Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут», – мачеха, обращаясь к той, в стремлении спроецировать словами определенной формулы то, что желается, требует от нее совершенно иного. «Молчи, дура! На блин, скажи: старухину дочь женихи возьмут, а стариковой одни косточки привезут!» И та же собачка под столом в самом конце,

после состоявшейся смерти старухиной дочери от Мороза продолжает о ней то же, но уже как исполненное «Тяв, тяв! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут!»).

Второй вариант (№ 96) взаимодействия мачехиной дочки с Морозом после того, как по требованию старухи «вези мою дочь поскорей!», повез старик «на то же поле, посадил на то же место» выглядит неразвернуто, акцентируясь на хороших речах. «Пришел и Мороз красный нос, поглядел на свою гостью, попрыгал-поскакал, а хороших речей не дождал; рассердился, хватил ее и убил». Называется она, что опять не случайно, «гостьей» Мороза, с его позиции и с его стороны, а от гостьи, как известно, ожидают хозяева хороших речей. Коли гостья, то не у себя она и в чужом, но не потустороннем, а пограничном, открытом для контакта с потусторонним пространстве. Прямо указывает на это определение места – «чистó поле».

То же место чуждое для человека, им не освоенное и пограничное в тексте № 95 определяется как бор, «с прямой дороги, свернувши направо, прямо к той большой сосне, что на пригорке стоит, и тут отдай Марфутку за Морозка». Так это выглядит в наставлении старухи своему старику, что тот неукоснительно и исполняет. «Доехал до бору, своротил с дороги и пустился прямо снегом по насту; забравшись в глушь остановился и велел дочери слезать, сам поставил под огромной сосной коробейку и сказал: сиди и жди жениха, да смотри – принимай ласковее». Существенны эта «глушь» и бездорожье, поскольку «снегом по насту» и коробейка с нищим добром, и отсутствие у невесты приданого, и указание на свадебно-брачный мотив. Итак, большая сосна на пригорке в глуши без дороги – с одной стороны, и чисто поле – с другой, как еще одно отдаленное место встречи с Морозом и смертью. «Повез бездомную во чистó поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочерниной смерти» (№ 96). Существенно в данном случае то, что сразу же говорится о смерти, не о женихе. Вариант этот более откровенный, девица определяется в нем как бездомная, старик сваливает ее на су-гроб (соотношение с гробом, как собранный, подготовленный гроб⁶ через су-), прощается с ней (перекрестил), зная, что больше живой ее не увидит. Девица также знает, что ее ждет, произнося двукратно при встрече с Морозом фразу, ранее уже упомянутую «знать, бог тебя принес по мою душу грешную». Мачеха, в свою очередь, «по ней поминки справляет», для чего напекла блинов и прямо говорит старику: «Ступай, муж, вези хоронить свою дочь».

⁶ «Происходит от соединения приставки *су-* и глагола *грести, сгребать*, далее от праслав. **grebō, gre(s)ti*» (<https://ru.wiktionary.org/wiki/сугроб>, доступ: 1.04.2023). «О.-с. **гробь*. Старшее знач. – ‘яма’, отсюда ‘могила’ ... **grebō* ‘грести’, ‘сгребать’, ‘рыть’ ... Ср. рус. *погребать, погребение*» (Черных, I, 1999, 219). Тем самым, *сугроб* представляется изначально как нечто нарытое, собранное в кучу: «*Сугрѡбъ (сгребать)* м. бугоръ снѣга, гряда, ворохъ, нанесенный вьюгой, суметь, сувой. ... *Непроезжий сугробъ, могила*» (Даль, IV, 2000, 353).

Во втором варианте (№ 96) непосредственно обращенном к смерти, без брачного предназначения Морозу появляется не случайная тема упомянутой перед этим собачки⁷, которая из текста трижды, несмотря на задабривание со стороны старухи поминальным блином, затем блинами, и даже после битья упорно повторяет одну и ту же, имеющую утверждающий смысл, представленную ранее фразу. «Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не возьмут!». Старуха, сердчая, активно на нее реагирует, требуя от собачки обратного, потому что произнесенное в слове, проецируясь на действительное и отражая его, должно обернуться и стать в связи с этим реальным. Имеет данное положение как предсказательный, так и заклинательный смысл. Повторяется то же собачкой в обратном расположении, и все с теми же не случайными косточками, когда старик везет умершую мачехину дочь. «Тяв, тяв! старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут!». В мешке везут, не старик везет, из чего получается, что не он сам, но с теми, а может, и теми, кто отправляет и с кем отправляются на тот свет⁸. И опять же по представлению не холодное тело, которое позже появится в самом конце, поскольку везут не тело, а косточки в мешке, в закрытом, скрывающем и обращающем к потустороннему.

Посылая за ней старика, рассчитывала мачеха на богатство, в полной уверенности, что так это и произойдет. «Старик, ступай, мою дочь привези, лихих коней запряги, да саней не повали, да сундук не оброни!». И лихие кони для важности и для скорости, и сундук, а к этому та же желаемая формула, которую должна произнести собачка, а та упорно не делает этого. «Не ври! На пирог, скажи: старухину в злате, в серебре везут!». На сей раз пирог, не блин, поскольку праздничный, а не поминальный. Но «растворились ворота, старуха выбежала встретить дочь, да вместо ее обняла холодное тело». «Растворились ворота» следует понимать как в прямом непосредственном отношении, так и в том, которое предполагает появление, выход, возврат, с обращением к своему, домашнему, человеческому, от того что другое, противоположное, не человеческое и не свое. Ворота являются не то чтобы связью с нездешним и потусторонним, но когда растворяются, предвещающие появление чего-то оттуда, предполагая это как неожиданность иномирного объявления. То же самое с возвращением падчерицы представлено в этом втором варианте (№ 96) по-другому. «Скрипнули ворота, растворилися двери, несут сундук высокий, тяжелый, идет падчерица – панья паньей сияет!

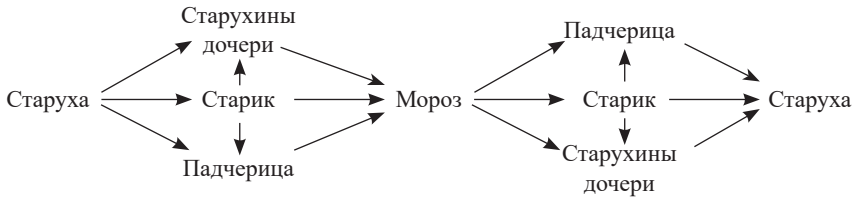
⁷ Как видящей то, что невидимо, и посредника с потусторонним. См. об этом, к примеру: Архангельская, 2020 (там же можно найти и литературу вопроса).

⁸ «Новую душу на «том» свете встречают ранее умершие родственники и соседи. Когда покойника несут на кладбище, его встречают все те, кого он при жизни провожал в последний путь. Те все души встречают возле кладбища. Эти души садятся на гроб нового покойника, когда его несут. Иногда умершие родственники и друзья приходят прямо к постели умирающего, и он видит их рядом с собой» (Левкиевская, 2004, 351–352).

Мачеха глянула – и руки врозь!». Ворота не растворились, а скрипнули, растворились двери (удвоение раскрываемого), несут сундук, а падчерица идет, не везут ее в санях с того света мертвую. Внимание следует обратить еще на два показательных места в тех же процитированных фрагментах. Старуха, выбегая встречать свою дочь, вместо нее обняла холодное тело. Дочери нет, есть холодное тело, поскольку смерть, насылаемая Морозом, ее с собой унесла. И второе: «Мачеха глянула – и руки врозь!» Глянула, чтобы увидеть то, что хотелось и ожидалось, а вместо этого видит то, что содержит в себе идею чего-то совсем другого. «Руки врозь» отображают отмеченную перед этим неожиданность иномирного объявления, увиделось не столько то, чего не ожидалось увидеть, сколько то, что являет собой возникшее на глазах положение не от мира сего.

Представленное в двух вариантах выбранного сказочного сюжета и связанное с его персонажами соотношение охарактеризовать можно следующим образом. Иницирующей происходящее, как отмечалось ранее в самом начале, будет старуха, которая сама при этом не действует, используя для этого старика, выступающего в этой связи проводником и агентом определяемого действия, ему от нее поручаемого и к нему обращаемого, по изгнанию, избавлению, отчуждению падчерицы, как объекта, с ее назначением в результате и следствии, смерти от «жениха» в первом случае (№ 95) и от Мороза без жениховства во втором (№ 96). Это было бы исходным актом происходящего взаимодействия. Следующим становится обращение полагаемых исходно значений – от смерти к богатству и благополучию для падчерицы. Далее снова старуха иницирует «благополучное» повторение того же для двух своих дочерей, для своей родной дочери, понуждая к осуществлению того же, но только по виду как отправление действия старика, не по изгнанию и избавлению, а по достижению, получению ими (ею) от Мороза богатства. С тем же исходным посылаем к жениху в первом случае «путь рано старуха деток своих накормила и как следует под венец нарядила и в путь отпустила» и обе дочери ждут, недовольные, полагая, что все не так просто. «Что это у матушки выдумано – вдруг обеих замуж отдавать? Разве в нашей деревне нет и ребят! Неровен черт придет, и не знаешь какой!». Существенно в данном случае «вдруг обеих замуж отдавать», что почти нереально и что «черт придет» и «неровен», т.е. не подходящий, тяжелый в общении, неизвестно чего от него ожидать, да к тому же, возможно, что и с того света, поскольку черт. Мачехины дочери, обе по первому варианту (№ 95) и одна по второму (№ 96), как и падчерица, выступают в роли объектов получения, приобретения богатства от Морозко, как жениха в первом случае, и от Мороза без брачного назначения – во втором. Тот в свою очередь должен действовать как агент умерщвления для падчерицы и как агент одаривания богатством для мачехиных дочерей. В реализации, вследствие негативного поведения объектов, назначаемая ему от старухи роль одаривателя

меняется. В результате агентом одаривания он выступает для падчерицы, агентом умерщвления – для мачехиных дочерей, исходно назначенные ему роли меняются. В предложенной схеме в свернутом виде, как замысел и состоявшаяся вневременная реализация, представлено все это следующим образом:

Мороз тем самым оказывается в центральной части симметрически организованной динамической схемы, как тот, кому назначается (слева) полагаемое в проявлении действие *Mort/FortunProsper*, и тот, кто его выполняет согласно своему назначению, но в обращенном, обратном виде с точки зрения объектов, реализует (правая часть). Старик, в свою очередь, становится валентностным центром действия, назначаемого к исполнению (слева), и таким же центром в его исполненном завершении (справа). Старухины дочери, назначаемые к действию *FortunProsper* (поэтому в левой части вверху), в правой части внизу выступают объектами действия умерщвления *Mort*. Для падчерицы это действует в обращенном порядке, назначаемая к смерти (слева), она становится той, которая приобретает богатство (правая часть). И наконец, старуха себя проявляет как открывающая и как замыкающая пространство акционального проявления, оказываясь, вследствие этого на двух его полюсах – преследующей распорядительной доминации *DominPersecut* и реализуемого получения *RealAccep*. Что хотела – не произошло, а получила то, чего не хотела. Не потому, что задуманное ею было недостижимо и нереально, напротив, а потому (опять же по схеме), что действие потусторонних сил, потому и потусторонних, обращает (если отвлечься от поучительно-назидательной стороны) желаемое человеком в противоположно-обратное, при несоблюдении им в том их иномирие правил, предполагающих контактное взаимодействие, регулируемое соответствующим обращением и представлением при встрече «хороших речей».

Интерес представляет, исходя из сказанного, последняя фраза из уст старика, после того, как старуха его обвиняет в смерти своих дочерей (№ 95), переводя тем самым его положение посредника в исполнителя умерщвления, что относится к роли Мороза. В ответ на бранное замечание «Что ты наделал, старый пес? Уходил ты моих дочек, моих кровных деточек ... Я тебя ухватом прибью, кочергой зашибу! – тот не молчит на сей раз, отвечая в таком же неприязненно-бранном тоне. – Полно, старая дрянь! Вишь, ты на

богатство польстилась, а детки твои упрямыцы! Коли я виноват? Ты сама захотела». С одной стороны, мотив богатства имеет свое отношение к браку – богатый жених. Брак при удачном выборе – выигрыш вместо смерти. С другой стороны, упрямыцы или те, которые своим несогласием и противодействием (жениху) не могут достичь желаемого⁹, для них замужество обрывается смертью (брак и смерть¹⁰ согласно народной традиции смежны).

И в заключение «Коли я виноват?» старик должен был выступить в роли виновника-исполнителя смерти, а это не так, смену ролей он на себя не берет и делает не вполне обычное заключение: «Ты сама захотела». Чего захотела? В контексте произошедшего, при жениховом богатстве, желаемом себе и обернувшимся смертью, при детках-упрямыцах, не способных своим ролевым положением это богатство по браку принять, при «виноватости» применительно к смерти для старика, «сама захотела» следует понимать как то, что ведущей, определяющей деятельностью выступает старуха, которая захотела и своим хотением и иницирующим воздействием на события, сама подвела всех к такому концу. Следует это со всей очевидностью из приведенной схемы. Пятикомпонентная, обращенная ось «Старуха – старик – Мороз – старик – старуха» в движении от начала к себе повторяющему, но в обратном порядке концу, имеет в этом самом начале и в этом самом конце все ту же старуху. Получила она себе то, что до этого «сама захотела», иницировав происходящее и в действие его запустив. В том же контексте сказанного, упрямыц следует понимать как тех, которые, сопротивляясь и противодействуя, обращают движение вспять, от благополучия к неблагополучию, от обретения и богатства к утрате и смерти.

Завершая выведенное и сказанное, подводя итог, имеет смысл указать на мотивы Мороза, нашедшие свое отражение в двух вариантах текста рассматриваемого сказочного сюжета. Не вдаваясь в подробности подтверждений и соотношений, только их перечислим в не организуемом специально порядке (часть из них уже ранее упоминалась):

– Пространство его (Морозко, Мороза) нахождения, активного проявления и контакта-встречи с ним определяет себя как нежилое, не освоенное человеком, глухое (бор, лес, глушь), открытое (чисто поле¹¹), пограничное, чужое, потустороннее, опасное, связанное с возможной смертью (су-гроб).

⁹ Средневековый мотив непокорной невесты, нашедший свое отражение в *Укрощении строптивой* Шекспира.

¹⁰ Ср. для примера мотив свадебных причитаний невесты в севернорусских, и не только севернорусских, брачных обрядах: «Был еще причет у часовни, в котором невеста просила себе «смертыньки скорые» («Заставай меня смертонька здесь, на здешной-то стороне»))» (Балашов, Марченко, Калмыкова, 1985, 49–50).

¹¹ Пространство, в котором замерзает приходится человеку. Подобный мотив нашел свое отражение в известной песне *Степь да степь кругом, Путь далек лежит, Там в степи глухой Замерзал ямицик*.

В связи с чем к нему едут в гости. «Ты, Марфутка, собери свое добро в коробейку да накинь белую исподку (чистую рубаху): завтра поедешь в гости!».

– Появление-приближение при вероятной встрече предполагает движение по верху и сверху, по елкам, соснам, все ближе и ниже, либо не отмечаемый и не исключено, что также и не замечаемый сразу приход.

– Моторика слышимо отмечаемых «телесных» движений предполагает вибрации, трясения и подскакивания, сопровождаясь любопытствующим интересом к объекту с его стороны. «Вдруг слышит: невдалеке Морозко на елке потрескивает, с елки на елку поскакивает да пощелкивает. Очутился он и на той сосне, под коей девица сидит, и сверху ей говорит... Приходит Мороз, попрыгивает, поскакивает, на красную девушку поглядывает». Неизвестно при этом, видим он или не видим, а только слышим.

– Трехкратное усиление постепенного охлаждающего действия, спускаясь все ниже и ниже. «Стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать; пуще затрещал и сильнее защелкал».

– Богатство и тем самым завидный «жених», но только вследствие сменяемой, замещаемой смерти. Если девица не умрет, замерзнув, то станет богатой, получит дары от него, ср. слова старухи, обращенные к падчерице: «Ну, что тут нюни-то распустила! Ведь жених-то красавец и богач! Мотри-ка, сколько у него добра: все елки, мянды (верхние части сосен) и березы в пуху; житье-то завидное, да и сам он богатырь!».

– Контактное при взаимодействии обращение с ним предполагает умные речи, ласкательную приветливость (Морозушко, батюшко, голубчик-Морозушко), приглашение (добро пожаловать), признательность, отмечающую умение и знание возможных его намерений. «Тепло», «Ой, тепло», «Знать, бог тебя принес по мою душу грешную».

– Окостеневание при смерти от замораживания (девица окостеневала; в мешке косточки).

– Брачный мотив, сопрягаемый с мотивом смерти, либо брак, либо смерть (жених, женихи – возьмут, не берут; собачка, поминальный блин, пирог). И в конце «Присватался сосед, свадебку сыграли, и Марфуша счастливо живет»¹² (№ 95).

– Мотив песенок на морозе от смерти и при избавлении от замерзания и смерти. Падчерица после того как «она его приветила, а он ей подарил пла-

¹² Тема мороза, смерти от замерзания не случайно ассоциируется, сопрягаясь в сознании, с темой брачной пары, любви и жены (либо брак, либо смерть). Ср. в упомянутой ранее песне (сноска 11), в ее продолжении, в котором ямщик, умирая, обращает к жене *Слово прощальное*, отдавая товарищу такой наказ: *Про меня скажи, Что в степи замерз, А любовь ее Я с собой унес*. Или, также в известной, песне *Ой мороз, мороз*, где появляется тема жены и коня, с обращением к морозу: *Ой, мороз-мороз, не морозь меня! Не морозь меня, моего коня! Моего коня белогривого. У меня жена, ох, ревнивая*. И далее: *Я приду домой на закате дня, Обниму жену, напою коня*.

тье, шитое и серебром и золотом. Надела она и стала какая красавица, какая нарядница! Сидит и песенки попевает»¹³ (№ 96).

Другие возможные мотивы¹⁴, связываемые с Морозом, поскольку не нашли своего отражения в двух затронутых нами текстах общего сказочного сюжета, не были предметом данного рассмотрения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архангельская, А.М. (2020). Собака как «нечистое» животное в традиционной народной культуре и языке. *Slavica slovaca*, 55 (1), 110–122.
- Афанасьев, А.Н. (1865–1869). *Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов*, т. 1–3. Москва: Изд-е К. Солдатенкова.
- Афанасьев, А.Н. (1957). *Народные русские сказки*. В 3 т. Москва: Государственное издательство художественной литературы.
- Балашов, Д.М., Марченко, Ю.И., Калмыкова, Н.И. (1985). *Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтоге (Тарногский район Вологодской области)*. Москва: Современник.
- Виноградова, Л.Н. (2004). Мороз. В: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 3 (302–303), Н.И. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения.
- Виноградова, Л.Н., Толстая, С.М. (1999). *Запреты*. В: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 2 (269–273), Н.И. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения.
- Власова, М.Н. (1995). *Новая АБЕВЕГА русских суеверий*. Санкт-Петербург: Северо-Запад.
- Даль, В.И. (2000). *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. Воспроизведено с изд. 1955 г., набранное и напечатанное со второго издания (1880–1882 гг.). Москва: Русский язык.
- Зеленин, Д.К. (1995, 1916). *Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки*. Москва: Индрик.

¹³ Ср. ту же тему в припеве известной песни (близость ассоциаций этнического сознания): *Холодно, холодно, холодно На морозе песни петь, Если милый не сумеет Лаской губы отогреть*, – тут же рядом *песни петь на морозе и милый с ласкою*.

¹⁴ Назовем только некоторые: семья Мороза, по сказкам (*Два мороза: Жил-был на свете старый Мороз Синий нос, и был у него молодой сын – Мороз Красный нос; Дети Деда Мороза: У Деда Мороза было три сына и одна дочка. Звали их Ветер, Лед, Иней и Снежинка*) и в приглашениях к угощению, в которых «мороза приглашали вместе с его «семьей»: *Мороз-мороз, иди кутти исти з детками и з женою, з маткою и з сестрою, з сватом и з братом!* (ПА [Полесский архив], киев., Копачи)» (Виноградова, 2004, 302–303); 12 плешей: *На двънадцати плъши морозъ лопається, повѣрьє* (Даль, II, 348) и о том же см.: Виноградова, 2004, 302; Мадлевская, 2005, 93; отморозенные, как умершие не своей смертью и потому заложные и потенциально опасные: Зеленин, 1995, 27, 64, 68, 100, 101, 118–119, 130, 176; Седакова, 1990, 55; с этим, видимо, косвенно связано *отморозок* и *отморозки* ‘человек без каких-либо моральных принципов’, с «отмороженной» совестью; и недалеко, отчасти, от этого *сморозить* ‘сказать глупость’ с морозу, ср. у Даля: *Такое прозвание, что с морозу не выговоришь. Это такъ, съ морозу сорвалось. *Полно тебѣ морозить*, лгать, врать или хвастать. [...] Экую сморозиль! совраль (Даль, II, 2000, 248).

- Иванов, Вяч.Вс., Топоров, В.Н. (1982). *Мороз*. В: *Мифы народов мира*, т. II (К–Я) (176), С.А. Токарев (гл. ред.). Москва: Советская энциклопедия.
- Каспина, М.М. (2010). *Столкновение закона и обычая в традиционной культуре евреев Восточной Европы: народный иудаизм*. Антропологический форум, 13, 39–54.
- Левкиевская, Е.Е. (2004). *Мифы русского народа*. Москва: АСТ (электронная книга).
- Лутовинова, Е.И. (1991). *Русские сказки о мачехе и падчерице. (Опыт описания и классификации)*. Дисс. ... канд. филол. наук, Москва.
- Мадлевская, Е.Л. (2005). *Русская мифология. Энциклопедия*. Москва: Мидгард, Эксмо (электронная книга).
- Неклюдов, С.Ю. *Сирота в фольклоре*, <https://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/TROFIM2.htm>, доступ: 2.04.2023.
- Новичкова, Т.А. (1995). *Русский демонологический словарь*. Санкт-Петербург: Петербургский писатель.
- Седакова, О.А. (1990). *Тема доли в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал)*. В: *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд* (54–63), Вяч.Вс. Иванов, Л.Г. Невская (ред.). Москва: Наука.
- Толстая, С.М. (1995). *Магия обмана и чуда в народной культуре*. В: *Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке* (109–115), Н.Д. Арутюнова (ред.), Москва: Наука.
- Толстая, С.М. (2002). *«Ако се деца не држе»: магические способы защиты новорожденных от смерти*. Кодовы словенских култура, 7, 55–87.
- Толстая, С.М. (2004). *Обман*. В: Н.И. Толстой (ред.), *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 3 (457–460). Москва: Международные отношения.
- Топоров, В.Н. (1984). *Прусский язык. Словарь*, т. 4 (К–Л). Москва: Наука.
- Усачева, В.В. (1996). *Ритуальный обман в народной медицине*. Живая старина, 1, 29–30.
- Черных, П.Я. (1999). *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. В 2 т. 3-е изд., стереотип. Москва: Русский язык.

- Afanas'ev, A.N. (1865–1869). *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predanii i verovanii v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov*, т. 1–3. Moscow: Izd-e K. Soldatenkova.
- Afanas'ev, A.N. (1957). *Narodnye russkie skazki*. V 3 t. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury.
- Arkhangel'skaya, A.M. (2020). *Sobaka kak «nechistoe» zhivotnoe v traditsionnoi narodnoi kul'ture i yazyke*. Slavica slovaca, 55 (1), 110–122.
- Balashov, D.M., Marchenko, Yu.I., Kalmykova, N.I. (1985). *Russkaya svad'ba. Svadebnyi obryad na Verkhnei i Srednei Kokshen'ge i na Uftyuge (Tarnogskii raion Vologodskoi oblasti)*. Moscow: Sovremennik.
- Chernykh, P.Ya. (1999). *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. V 2 t. 3-e izd., stereotip. Moscow: Russkii yazyk.
- Dal', V.I. (2000). *Tolkovy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*. V 4 t. Vosproizvedeno s izd. 1955 g., nabrannoe i napechatannoe so vtorogo izdaniya (1880–1882 gg.). Moscow: Russkii yazyk.
- Ivanov, Vyach.Vs., Toporov, V.N. (1982). *Mif y narodov mira*, т. II (К–Я) (176), С.А. Токарев (гл. ред.). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
- Kaspina, M.M. (2010). *Stolknovenie zakona i obychaya v traditsionnoi kul'ture evreev Vostochnoi Evropy: narodnyi iudaizm*. Antropologicheskii forum, 13, 39–54.

- Levkievskaya, E.E. (2004). *Mify russkogo naroda*. Moscow: AST (elektronnaya kniga).
- Lutovinova, E.I. (1991). *Russkie skazki o machekke i padcheritse. (Opyt opisaniya i klassifikatsii)*. Diss. ... kand. filol. nauk, Moscow.
- Madlevskaya, E.L. (2005). *Russkaya mifologiya. Entsiklopediya*. Moscow: Midgard, Eksmo (elektronnaya kniga).
- Neklyudov, S.Yu. *Sirota v fol'klore*, <https://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/TROFIM2.htm>, accessed: 2.04.2023.
- Novichkova, T.A. (1995). *Russkii demonologicheskii slovar'*. St. Petersburg: Peterburgskii pisatel'.
- Sedakova, O.A. (1990). *Tema doli v pogrebal'nom obryade (vostochno- i yuzhnoslavianskii material)*. V: *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoi dukhovnoi kul'tury. Pogrebal'nyi obryad* (54–63), Vyach.Vs. Ivanov, L.G. Nevskaya (red.). Moscow: Nauka.
- Tolstaya, S.M. (1995). *Magiya obmana i chuda v narodnoi kul'ture*. V: *Logicheskii analiz yazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke* (109–115), N.D. Arutyunova (red.), Moscow: Nauka.
- Tolstaya, S.M. (2002). «*Ako se detsa ne drzhe*»: *magicheskie sposoby zashchity novorozhdennykh ot smerti*. *Kodovi slovenskikh kultura*, 7, 55–87.
- Tolstaya, S.M. (2004). *Obman*. V: N.I. Tolstoi (red.), *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, t. 3 (457–460). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Toporov, V.N. (1984). *Prusskii yazyk. Slovar'*, t. 4 (K–L). Moscow: Nauka.
- Usacheva, V.V. (1996). *Ritual'nyi obman v narodnoi meditsine*. *Zhivaya starina*, 1, 29–30.
- Vinogradova, L.N. (2004). *Moroz*. V: *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, t. 3 (302–303), N.I. Tolstoi (red.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Vinogradova, L.N., Tolstaya, S.M. (1999). *Zaprety*. V: *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, t. 2 (269–273), N.I. Tolstoi (red.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Vlasova, M.N. (1995). *Novaya ABEVEGA russkikh sueverii*. St. Petersburg: Severo-Zapad.
- Zelenin, D.K. (1995, 1916). *Izbrannye trudy. Ocherki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoi smert'yu i rusalki*. Moscow: Indrik.

Jarosław Wierzbński

 <https://orcid.org/0000-0002-1351-4276>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki, Zakład Językoznawstwa

90-236 Łódź, ul. Pomorska 171/173

jaroslaw.wierzbinski@uni.lodz.pl

JĘZYK BOHATERÓW W UTWORACH MICHAIŁA ZOSZCZENKI

The Language of Heroes in the Works of Mikhail Zoshchenko

Streszczenie

Twórczość Michaiła Zoszczenki przenosi nas w lata socrealistycznej ortodoksji, kiedy względy ideologiczne odgrywały pierwszoplanową rolę w rozmaitych sferach życia. W języku jego bohaterów manifestują się takie zjawiska, jak upolitycznienie słownictwa, manipulacje semantyczne, przewrotna argumentacja, spiętrzenie absurdów, a także fikcyjna konwersacja graniczącą nierzadko z pustosłowiem.

Wśród przykładów spekulowania słownictwem znajduje się termin *идеология*, który nie powinien mieć zastosowania w rozmaitych konsytuacjach. Adresatom tego słowa imputuje się cechy o wydźwięku politycznym. Intencją jego użytkowników jest wykreowanie przeciwnika politycznego. Zdumiewa też łatwość, z jaką bohaterowie Zoszczenki poddają się manipulacjom językowym, nie popadając przy tym w najmniejsze zakłopotanie. Wręcz przeciwnie, akceptują swoje nielogiczne wywody, aprobują też niezrozumiałe wypowiedzi przedstawicieli władzy.

Zasygnalizowane w artykule zjawiska są symptomatyczne i znamienne dla języka, odzwierciedlającego czasy Zoszczenki. Zoszczenko ujawnił w ten sposób mechanizmy rządzące ludzką mentalnością w porewolucyjnej rzeczywistości. Jego utwory, jakkolwiek utrzymane w tonacji groteskowej, są swoistą formą protestu wobec politycznej manipulacji w języku. Fenomenowi Zoszczenki nie sposób rozpatrywać z pominięciem przedstawionego fragmentu rzeczywistości językowej czy też w oderwaniu od czasów, w których przyszło mu tworzyć.

Słowa kluczowe: Michaił Zoszczenko, rzeczywistość totalitarna, język propagandy, manipulacje semantyczne, dezinformacja i pustosłowie.

Summary

The work of Mikhail Zoshchenko takes us back to the years of socialist realist orthodoxy, when ideological considerations played a leading role in various spheres of life. The language of his characters manifests such phenomena as the politicization of vocabulary, semantic manipulation, subversive argumentation, accumulation of absurdities, as well as fictitious conversation often bordering on empty words.

Among the examples of vocabulary speculation is the term *ideology*, which should not be used in various situations. The recipients of this word are imputed features with political overtones. The intention of its users is to create a political opponent. It is also amazing how easily Zoshchenko's characters succumb to linguistic manipulation, without falling into the slightest embarrassment. On the contrary, they accept their illogical arguments, and they also approve of the incomprehensible statements of the authorities.

The phenomena indicated in the article are symptomatic and characteristic of the language reflecting the times of Zoshchenko. In this way, Zoshchenko revealed the mechanisms governing the human mentality in the post-revolutionary reality. His works, although grotesque in tone, are a kind of protest against political manipulation in language. The phenomenon of Zoshchenko cannot be considered without the presented fragment of linguistic reality or in isolation from the times in which he came to create.

Keywords: Mikhail Zoshchenko, totalitarian reality, the language of propaganda, semantic manipulation, disinformation and empty words.

WPROWADZENIE. PRZEDMIOT BADAŃ

Świat przedstawiony w dziełach Michaiła Zoszczenki (1895–1958) należy do jednych z najzabawniejszych wśród mimetycznych wizerunków porewolucyjnej rzeczywistości, chociaż często przebija z nich gorzka refleksja nad absurdami życia i przeróżnymi wypaczeniami. Przejawiają się one również w sferze językowych zachowań bohaterów pisarza.

Spuściźnie literackiej i językowej tego pisarza, w tym badaniach tekstologicznym poświęcono dotychczas szereg monografii, artykułów i innych prac studyjnych. Są to publikacje takich badaczy, jak Michaił Ardow (1992), Marietta Czudakowa (1979), Anatolij Starkow (1990), Andriej Siniawskij (1989), Dmitrij Mołdawskij (1987), Jurij Tomaszewskij (1988), Michaił Kreps (1986), Wasilij Suprun (2021), Nadieżda Grigorijewa (2022), Irina Zacharijewa (1989), Andrzej Drawicz (1974), Waclaw Mucha (1985), Aurelia Kotkiewicz (2012), Jarosław Wierziński (2017), Linda Scatton (1993) i wielu innych.

Przedmiotem zainteresowania w tym artykule są mechanizmy spekulowania słownictwem i manipulacje językowe, które manifestują się w języku bohaterów Zoszczenki¹. Nie ulega wątpliwości, że w sprzyjających warunkach jednostkom

¹ Artykuł koresponduje w tym względzie z naszym wcześniejszym tekstem (Wierziński, 1996). Niniejsze opracowanie w zestawieniu ze wspomnianym tekstem poszerza kontekst analityczny

leksykalnym można nadać zupełnie nową orientację, odmienną wartość znaczeniową. Drogą kolejnych przekłamań w semantyce leksemów można doprowadzić do całkowitego zafałszowania ich właściwego sensu. Takie procedury językowe są nadzwyczaj wyraziste w systemach totalitarnych, co znalazło swoje odzwierciedlenie w literaturze przedmiotu². Na szczególną uwagę w tym względzie zasługuje monografia Françoise Thom, *La langue de bois* (Thom, 1987), która ukazała się w polskim tłumaczeniu Izabeli Bielickiej pt. *Drewniany język*, Warszawa 1990. W obrębie polskiej literatury źródłowej zwracają uwagę m.in.: artykuł Stanisława Bala (1987), szkic Andrzeja Drawicza (1992), książka Michała Głowińskiego (1991), a także opracowanie Kamila Mirowskiego (2005). Wspomniane tu procedury zostały również poświadczone w wystarczającym stopniu w rozmaitych opracowaniach leksykograficznych o czym pisze m.in. Natalia Kupina (1995).

Zagadnienie manipulacji językowej poświadczają rozliczne teksty literackie Michaiła Zoszczenki. Z utworów tego pisarza, który wielokrotnie zmagał się z totalitarną rzeczywistością³, wylania się dość osobliwy styl wypowiedzi narracyjnej, swoista odmiana języka upolitycznionego i zbiurokratyzowanego, języka eksponującego określone treści propagandowe. W niniejszym artykule rozpatrzę kilka ważniejszych zjawisk językowych, które zarysowały się w języku bohaterów Zoszczenki.

BIUROKRATYCZNA RETORYKA I DEZINFORMACJA

Pustosłowie to jeden z zasadniczych elementów języka bohaterów Zoszczenki, którzy często operują ogólnikami, wykorzystują górnolotne określenia oraz posługują się zwrotami pozbawionymi treści. Na tekst zatytułowany *Uczciwy obywatel* (*Честный гражданин*) składa się pisemne doniesienie adresowane do policji, rozpoczynające się od słów:

Состоя, конечно, на платформе, сообщаю, что квартира № 10 подозрительна в смысле самогона, который, вероятно, варит гражданин Гусев и дерет окромя того с трудящихся три шкуры. А когда, например, нетути денег [...] пихает в спину (Зошенко, 1986, 1, 161)⁴.

i interpretacyjny prezentowanej problematyki w oparciu o kolejne materiały ilustracyjne i nowszą literaturę przedmiotu.

² W praktyce mownej totalitaryzm napotyka na różne społeczne i indywidualne formy sprzeciwu, w rezultacie czego rozwija się szczególny rodzaj kontaktów werbalnych oznaczający funkcjonowanie w tej samej przestrzeni kulturowej języka totalitarnego i antytotalitarnego. O relacjach tych pojęć pisze Anna Wierzbicka (1993).

³ Zob. na ten temat m.in.: Tomaszewskij (1988); Sarnow, Czukowskaja (1988); Granin (1988); Stepnowska, Wierzbiński (1993); Stepnowska, Wierzbiński (1993a).

⁴ Зошенко, М. (1989–1987). *Собрание сочинений в трех томах*, Ленинград: Художественная литература. Wszystkie cytaty pochodzą z tej edycji z podaniem tomu i strony.

W końcowej części tegoż doniesienia czytamy:

А еще, как честный гражданин, сообщаю, что девица Варька Петрова есть подозрительная и гуляющая. А когда я к Варьке подошедши, так она мной гнушается. [...] Теперича еще сообщаю, что заявление мной проверено, как я есть на платформе и против долой дурман, хоша и уволен по сокращению за правду (Зоценко, 1986, 1, 162–163).

Chodzi tu oczywiście o jakąś wymagowaną platformę ideologiczną, czyli działanie zgodne z oficjalną linią polityczną, z oczekiwaniami rządzącej partii. Przytoczony frazes w opowiadaniu *Wypróbowanie bohaterów* (*Испытание героев*) występuje w pełniejszym i bardziej rozwiniętym brzmieniu w następującej relacji Mikołaja Antonowicza:

– Я, говорит, хотя и не коммунист, но я в революцию кровь проливал. И я, говорит, всегда стоял на платформе советской власти и никогда не ожидал от дворянской власти ничего хорошего. И я, говорит, считаю своим долгом высказать свое мировоззрение, а вы как хотите (Зоценко, 1986, 2, 228).

Sloganowy styl manifestuje się również w noweli *Interesujące zdarzenie w pewnym urzędzie* (*Интересное происшествие в канцелярии*). Urzędnicy już od miesiąca nie mogą odnaleźć dokumentów petenta Kulkowa. Fakt ten narrator komentuje następująco:

Кульков, видите ли, в одну канцелярию ходил очень долго. По одному своему делу. И не то он месяц туда ходил, не то два. Ежедневно. И все никаких результатов. [...] С одной стороны, это было даже удивительно наблюдать к нему такое бюрократическое отношение. Поскольку канцелярия сейчас у нас находится на большой высоте (Зоценко, 1986, 3, 374).

Przytoczone ilustracje na pierwszy rzut oka egzemplifikują czcze, puste frazesy. Wypełnia je jednak określona treść propagandowa.

Motywację ideologiczną autor poświadcza również w felietonie pt. *Pożar* (*Пожар*). Mowa w nim o komendancie straży pożarnej, który nie podjął akcji ratowniczej, ponieważ pali się prywatny sklepik, a więc własność wroga klasowego. Uzmysławia ten fakt niedwuznacznie obywatelowi, który informuje o pożarze:

– А то! Кто горит? Балуев горит? А кто есть Балуев? Кооперация? Балуев есть частник. Ну и пушай его горит. Чище воздух будет. А вы, говорит, товарищ, не нарушайте тут классовой линии своими криками. Не то знаешь, чего бывает. Гражданин-любитель, конечно, сконфузился за свою отсталую идеологию и поскорее смылся (Зоценко, 1986, 1, 512).

Analogiczny sloganowy styl wypowiedzi i rozumowania według sztampy ideologicznej manifestuje się w wielu innych tekstach Zoszczenki. Oficjalny i pompatyczny styl, który przejawia się w biurokratycznej retoryce, ukazuje w groteskowej formie opowiadanie *Historia choroby* (*История болезни*). Kolej-

na nieprzyjemność, jaka spotyka pacjenta w szpitalu, ma związek z niefortunnym używaniem określeń przez pielęgniarkę:

Фельдшер удивился, что тяжелобольной так свободно с ним объясняется и, сразу замял разговор. И тут сестричка подскочила. – Пойдемте, говорит, больной, на обмывочный пункт (Зощенко, 1986, 2, 268).

Poirytowany pacjent na to:

Но от этих слов меня тоже передернуло. – Лучше бы, говорю, называли не обмывочный пункт, а ванна. Это, говорю красивой и возвышает больного. И я, говорю, не лошадь, чтоб меня обмывать (Зощенко, 1986, 2, 268).

W odpowiedzi usłyszał:

– Даром, что больной, а тоже, говорит, замечает всякие тонкости. Наверно, говорит, вы не выздоровеете, что во все нос суete. Тут она привела меня в ванну и велела раздеваться. И вот я стал раздеваться и вдруг вижу, что в ванне над водой уже торчит какая-то голова. И вдруг вижу, что это как будто старуха в ванне сидит, наверно, из больных (Зощенко, 1986, 2, 268–269).

Zachowanie językowe pielęgniarki nacechowane jest sztuczną powagą i jest raczej dosadne w tej konsytuacji, a także z uwagi na kolejne zdarzenia. Neutralne pod każdym względem słowo *ванна* zastąpiono tu drażliwym dla pacjenta wyrażeniem *обмывочный пункт*. Taka relacja, będąca odwrotnością eufemizacji, jest najwyraźniej nadużyciem wobec normy językowej.

Podjęty temat czy też jakiś problem przez bohaterów Zoszczenki niejednokrotnie rozplywa się w nagromadzeniu banalnych frazesów, w pustostłowi. Oto wyjątek z wystąpienia stróża szkoły lotniczej w opowiadaniu *Agitator* (*Ажитатор*), który w czasie swego urlopu ma zjednywać na wsi zwolenników na rzecz rozwoju lotnictwa:

– Так вот, этого... – сказал Косоносов, – авиация, товарищи крестьяне... Как вы есть народ, конечно, темный, то, этого, про политику скажу... Тут, скажем, Германия, а тут Китай. Тут Россия, а тут... вообще... – Это ты про что, милый? – не поняли мужички. – Про что? – обиделся Косоносов. – Про авиацию я. Развивается, этого, авиация... Тут Россия, а тут Китай.

Мужички слушали мрачно. – Не задерживай! – крикнул кто-то сзади. – Я не задерживаю, – сказал Косоносов. – Я про авиацию... Развивается, товарищи крестьяне. Ничего не скажу против. Что есть, то есть. Не спорю... (Зощенко, 1986, 1, 158).

W dalszym ciągu mówca agituje z nie mniejszą nieporadnością językową, a prezentowane przezeń treści przynoszą odwrotny skutek od zamierzonego. Zdezorientowani słuchacze po prostu rozchodzą się.

EKSPONOWANIE TREŚCI PROPAGANDOWYCH DEWIACJE SEMANTYCZNE

Opowiadania Zoszczenki są najlepszą i wymowną zarazem ilustracją powyższej kwestii. Sięgnijmy po klasyczny tekst pisarza. Osnowę opowiadania *Arystokratka* (*Аристократка*) stanowi relacja o zdarzeniu w teatrze niejakiego Grigorija Iwanowicza, który w antrakcie zafundował swojej wybrance ciastko. Ten gest narrator opisał następująco:

– Ежели, говорю, вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу. – Мерси, говорит. И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом и жрет. [...] Она кушает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег – с гулькин нос (Зощенко, 1986, 1, 171–172).

Bohater z nieskrywanym niepokojem przyglądał się, jak jego sympatia sięga po kolejne ciastka, aż przy czwartym zaprotestował:

Съела она с кремом, цоп другое. Я аж крякнул. [...] И берет третье. Я говорю: – Натощак – не много ли? Может вытошнить. А она: – Нет, говорит, мы привыкли. И берет четвертое. Тут ударила мне кровь в голову. – Ложи, – говорю, взад! [...] – Ложи, говорю, – к чертовой матери! (Зощенко, 1986, 1, 172).

Na początku opowiadania czytelnik otrzymuje lakoniczne podsumowanie odnoszące się do rzekomej arystokratki, którego dokonał sam bohater:

А в свое время я, конечно, увлекался одной аристократкой. Гулял с ней и в театр водил. В театре-то все и вышло. В театре она и развернула свою идеологию во всем объеме (Зощенко, 1986, 1, 170).

Zachowanie Grigorija Iwanowicza również podlega ocenie, ale replika „arystokratki” nie zawiera aluzji o charakterze politycznym.

Сели мы в театр. Досмотрели оперу. И домой. А у дома она мне и говорит: – Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег – не ездят с дамами. А я говорю. – Не в деньгах, гражданка, счастье. Извините за выражение. Так мы с ней и разошлись (Зощенко, 1986, 1, 173).

Opowiadacz zaś niedwuznacznie sugeruje swoim słuchaczom, że „arystokratka” swoim zachowaniem wykazała typowe cechy charakteryzujące przedstawicieli kręgów burżuazyjnych czy też wywodzących się z obozu reakcjonistów. Usiłuje się w ten sposób wytworzyć wśród odbiorców opowiadanego zdarzenia przekonanie, że ludzie typu „arystokratki” stwarzają określone zagrożenie.

Bohaterka opowiadania, wbrew tytułowej zapowiedzi, nie wywodzi się z kręgów arystokracji, a atrybuty zewnętrzne (*чулочки фильдековские, зуб*

золоченый, такая фря) nie zmieniają jej rzeczywistego statusu społecznego. Jednakże sugestie opowiadacza są w tym względzie dość przejrzyste.

W opowiadaniu *Ubranie robocze* (*Рабочий костюм*) również funkcjonuje ten termin. Konopatowa nie wpuszczają do restauracji, ponieważ ma na sobie robocze ubranie. Spowodowało to określoną reakcję bohatera:

Василий Степаныч Конопатов прямо в бешенство пришел. Прямо рыдает человек. – Товарищи, – говорит, – молочные братья! Да что ж это происходит в рабоче-крестьянском строительстве? Без манишечки, говорит, человеку пожрать не позволяют. Тут поднялась катавасия. Потому народ видит – идеология нарушена. Стали пишевиков оттеснять в сторону. Кто бутылкой машет, кто стулом... (Зощенко, 1986, 1, 302).

W tej konsytuacji wyrażenie *идеология нарушена* ma wskazywać, że pogwałcony został interes klasy robotniczej, której przedstawicielem jest Konopatow. Zauważmy też, że takie rozumowanie prezentuje tu już nie pojedynczy przedstawiciel wspomnianej warstwy społecznej, lecz bohater zbiorowy.

Opowiadanie *Mieszczaństwo* (*Мещанство*) ma również swoistą wymowę ze względu na użycie terminu *идеология*. Jeden z przykładów na mieszczaństwo według narratora dotyczy w tym tekście młodej dziewczyny, która odmawia mu spotkań. Jego wywody są następujące:

Ну, да когда старый паразит в мещанстве погрязши, это еще куда ни шло. А вот когда молоденькая в мещанство зарывается – это больно и обидно. Например, Катюша из трепального отделения. Довольно миленькая барышня, поленькая. По виду никогда не скажешь, что мещанка. Потому поступки видны, идеология заметна, ругаться по матери может (Зощенко, 1986, 1, 287).

Tak więc niechęć dziewczyny do bliższej znajomości z narratorem ma rzekomo dowodzić jakichś wyimaginowanych przez niego wypaczeń ideologicznych u bohaterki, odstępstw od proletariackich zasad współżycia między ludźmi.

We wszystkich tych przykładach mamy do czynienia z próbą upolitycznienia języka, jakkolwiek sposób rozumowania i argumentacji w każdym wypadku jest na takim poziomie, że w zasadzie uniemożliwia polemikę.

W związku z prezentowaną analizą warto odwołać się do materiałów słownikowych. Rzecz w tym, że oficjalna propaganda spolaryzowała semantykę terminu *идеология*, odnosząc jedne treści do kapitalistycznej formacji społecznej, inne zaś do ustroju socjalistycznego. Słownik encyklopedyczny pod red. Borysa Wwiedzińskiego z 1953 r. w artykule hasłowym *идеология* podaje m.in.:

Неотъемлемые черты современной бурж. И. – это отказ от науки, идеализм, поповщина и мракобесие, проповедь шовинизма и расизма, пропаганда космополитизма. Пролетарская, социалистическая И. [...] есть И. мира и творческого, созидательного труда, патриотизма и пролетарского интернационализма, дружбы народов [...]. Но в советском обществе еще Коммунистическая партия ведет решительную борьбу против пережитков капитализма в сознании людей [...] (Введенский, 1953, 1, 663).

Ten opis odbiega nieco od podstawowego zagadnienia, które nas zajmuje, ale pozwala w sposób oczywisty zrozumieć pewien mechanizm spekulowania językiem. W walkę z „przeżytkami”, o których jest mowa w cytowanym materiale, ślepo angażują się bohaterowie Zoszczenki, uczestniczący w zmaganiach z tzw. wypaczeniami ideologicznymi oraz w kampanii wymierzonej przeciw kreowanemu przeciwnikom politycznym.

Wyraz *ideologia* nie jest odpowiedni do żadnej z przedstawionych sytuacji w opowiadaniach. Za każdym razem jest użyty manipulacyjnie, jest pewną insynuacją. Intencją jego użytkowników jest ośmieszyć, zniesławić i zdyskredytować kogoś w oczach innych ludzi.

Mały słownik akademicki pod red. Anastazji Jewgienijewej opatruje hasło *идеология* następującym wyjaśnieniem:

Система идей, представлений, понятий, выраженная в разных формах общественного сознания – философии, политике, праве, морали, искусстве, религии, и отражающая коренные интересы классов, социальных групп (Евгеньева, ред., 1981, 1, 630).

W *Słowniku języka polskiego* pod red. Mieczysława Szymczaka znajdujemy porównywalny artykuł hasłowy terminu *ideologia*:

system poglądów, idei, pojęć politycznych, socjologicznych, prawnych, etycznych, religijnych, lub filozoficznych jednostki albo grupy ludzi, uwarunkowany czasem, miejscem, stosunkami społecznymi; pogląd na świat (Szymczak, 1978, 1, 767).

Tak więc wyróżniony tu termin oznacza całokształt zapatrywań człowieka w zakresie różnych ważkich zagadnień i nie powinien mieć zastosowania przy określaniu spraw błahych, o których mowa w przytoczonych przykładach. Użycie wyrazu *идеология* nie znajduje w nich jakiegokolwiek merytorycznego uzasadnienia. Występuje tu w rzeczy samej dezinformacja, nieuczciwa perswazja. Postaciom-adresatom tego słowa imputuje się cechy o wydźwięku politycznym, dopatruje się w ich działaniu złych intencji.

W opowiadaniach przedstawiających z pozoru niewinne, zabawne, humorystyczne scenki rodzajowe odczytać można głębszy sens. Ważne jest uświadomienie sobie faktu, że to m.in. poprzez zademonstrowany w opowiadaniach mechanizm spekulowania słowem w latach indoktrynacji, w okresie nacechowanym nietolerancją, donosicielstwem opartym na najmniejszej politycznej sugestii, tworzono wroga mitycznego, wmawiano jego wszechobecność, sięgając przy tym po nośne wówczas, „wielkie” słowa w najmniej oczekiwanych sytuacjach.

Bohater Zoszczenki nader często ucieka i do prymitywnej argumentacji o wydźwięku ideologicznym. Jest nim jeden z pasażerów pociągu w opowiadaniu *Wydarzenie (Пропущенное)*. Fabuła jest dość banalna. Młoda matka prosi podróżnych z przedziału o przypilnowanie jej dziecka. Sama zaś podczas krótkiego postoju pociągu chce udać się do bufetu mieszczącego się w budynku dworca ko-

lejowego. Brak gotowości wśród pasażerów do okazania kobiecie pomocy wspomniany już osobnik zreplikował jako sprzeniewierzenie się zasadom socjalizmu, wręcz jego odrzucenie:

[...] что вы за люди – я прямо дивуюсь! Нельзя, говорит, граждане иметь такой слишком равнодушный подход. Может, на наших глазах мать покушать затрудняется, ее малютка чересчур сковывает, а тут каждый от этих общественных дел морду отворачивает. Это, ну прямо ведет к отказу от социализма (Зоценко, 1987, 3, 432–433).

Z analogiczną argumentacją mamy do czynienia w felietonie *Nowe czasy* (*Новое время*). Dwaj podchmieleni młodzieńcy zaczepiali przechodzące dziewczęta. Jedna z nich za obraźliwe i niecenzuralne określenia użyła wobec nich siły. Wsparł ją przechodzący aptekarz. To on właśnie opowiedział całe zajście autorowi, który następnie poznał dziewczynę osobiście. Kiedy zachwalał jej odwagę odpowiedziała:

– Конечно, я понимаю, это нехорошо – бить человека. Но у меня не было другого выхода. Его поступок был настолько несоветский, что я не могла сдержаться. Я его била как врага советской власти, а не как мужчину (Зоценко, 1986, 2, 445).

Ma tu miejsce oczywiście nadużycie argumentacji. Chulikański występek chłopców bohaterka ocenia wyłącznie w kategoriach politycznych, upatrując w nich wrogów władzy radzieckiej.

I kolejny przykład. Oto relacja narratora w opowiadaniu *Wypróbowanie bohaterów* (*Испытание героев*) o jego pracy w sowchozie:

Вот потонуло у меня тридцать шесть утей, и, значит, дело дошло до высшего начальства. Вот начальство вызывает нас в управление, кричит и говорит разные гордые, бичующие слова, дескать, человек вы, без сомнения, в своем деле весьма опытный, ценный и понимающий, даже были ранены в начале гражданской войны, но поскольку, черт возьми, у вас утки стали тонуть, то это экономическая контрреволюция и шпионаж в пользу английского капитала (Зоценко, 1986, 2, 225).

Opowiadacz relacjonuje dalej o podstępnych i perfidnych praktykach komisarza Szaszmurina, który sprawdzał prawomyślność swoich pracowników. Komisarz zaaranżował upadek bolszewizmu i przejęcie władzy przez obóz „białych”. Deklaracjom lojalności wobec „nowego” gospodarza przysłuchiwał się osobiście z ukrycia. Jego podejrzeniom stało się zadość.

Omawianą kwestię zaświadcza również opowiadanie *Leczenie i psychika* (*Врачевание и психика*). Replika opowiadacza, że najwięcej chorych zgłasza się do neurologa, spowodowała ciąg wypowiedzi oczekujących pacjentów. Oto jedna z nich:

Такой толстоватый гражданин, наверное, бывший рыночный торговец или черт его знает кто, говорит: – Ну еще бы! Ясно. Человечество торговать хочет, а тут, извольте, глядите на ихнюю торговлю. Вот и хворают. Ясно... (Зоценко, 1986, 2, 229).

Inny zaś skwitował tę uwagę w sposób następujący:

– Ну, вы не очень-то распушайте свои мысли. А не то я позволю куда следует. Вам покажут – человечество... Какая сволочь лечиться ходит... Такой, с седоватыми ушишками, глубокий старик, лет пятидесяти, так примиряет обе стороны: – Что вы на них нападаете? Это просто, ну, ихнее заблуждение (Зоценко, 1986, 2, 229).

Sytuację konfliktową próbuje załagodzić starzec, który upatruje źródeł wielu zaburzeń neurologicznych w przeobrażeniach cywilizacyjnych. Jednakże ten sam oponent odpowiedział mu:

– Ах, вам цивилизация не нравится, строительство... Очень я слышу милые слова в советском учреждении. Вы, говорит, мне под науку не подводите буржуазный базис. А не то знаете, чего за это бывает (Зоценко, 1986, 2, 230).

Z ostrą reprimendą tegoż spotkali się również pozostali dyskutanci. Nie jest tajemnicą, że ludzie w omawianym okresie żyli w stałym strachu przed fałszywymi oskarżeniami, na które narażony był praktycznie każdy. Jak wiadomo, ofiarą rozlicznych pomówień był również niejednokrotnie sam Zoszczenko. Pisarz wprost uwypukla dewiacje semantyczne w zachowaniu językowym swoich bohaterów. Jego utwory, jakkolwiek utrzymane w tonacji groteskowej, są swoistą formą protestu wobec politycznej manipulacji w języku. Przechodzę do omówienia kolejnej kwestii.

POGWAŁCENIE ZASAD KOMUNIKACJI SPIĘTRZENIE ABSURDÓW

Tę kwestię rozpatrzmy na przykładzie dialogu zawartego w opowiadaniu *Język małp (Обезьянин язык)*. Przebieg rozmowy relacjonuje narrator skazowy Siniebriuchow:

Я вот на днях слышал разговор. На собрании было. Соседи мои разговорились. Очень умный и интеллигентный разговор был, но я, человек без высшего образования, понимал ихний разговор с трудом и хлопал ушами. [...] – А что, товарищ, это заседание пленарное будет али как? – Пленарное, – небрежно ответил сосед. – Ишь ты, – удивился первый, – то-то я и гляжу, что такое? Как будто оно и пленарное. – Да уж будьте покойны, – строго ответил второй. – Сегодня сильно пленарное, и кворум такой подобрался – только держись. – Да ну? – спросил сосед. – Неужели и кворум подобрался? – Ей-богу, – сказал второй. – И что же он, кворум-то этот? – Да ничего, – ответил сосед, несколько растерявшись. – Подобрался, и все тут. – Скажи на милость, – с огорчением покачал головой первый сосед. – С чего бы это он, а? Второй сосед развел руками и строго посмотрел на собеседника, потом добавил с мягкой улыбкой: – Вот вы, товарищ, небось не одобряете эти пленарные заседания... А мне как то они ближе. Все как-то, знаете ли, выходит в них минимально по существу дня... Хотя я, прямо скажу, последнее время от-

ношусь довольно перманентно к этим собраниям. Так, знаете ли, индустрия из пустого в порожнее. – Не всегда это, возразил первый. – Если, конечно, посмотреть с точки зрения. Вступить, так сказать, на точку зрения и отсюда, с точки зрения, то – да, индустрия конкретно. – Конкретно фактически, – строго поправил второй. – Пожалуй, – согласился собеседник. – Это я тоже допускаю. Конкретно фактически. Хотя как когда... – Всегда, – коротко отрезал второй. – Всегда, уважаемый товарищ. Особенно, если после речей подсекция заварится минимально. Дискуссии и крику тогда не оберешься...

На трибуну взошел человек и махнул рукой. [...] Первый сосед никак не мог помириться с тем, что подсекция заваривается минимально. Ему казалось, что подсекция заваривается несколько иначе. [...] – Это кто ж там такой вышедши? – Это? Да это президиум вышедши. [...] Завсегда остро говорит по существу дня.

Оратор простер руки вперед и начал речь. И когда он произносил надменные слова с иностранным, туманным значением, соседи мои сурово кивали головами (Зощенко, 1986, 1, 264–266).

Wydawać by się mogło, że uczestnicy dialogu zademonstrują umiejętność poprawnego wysławiania się. Do takiej recepcji rozmowy przygotowuje odbiorcę tekstu stwierdzenie opowiadacza: „Очень умный и интеллигентный разговор был”, jakkolwiek podaje w wątpliwość wiarygodność takiej oceny, co tłumaczy brakami w swoim wykształceniu. Tymczasem dialog nie jest popisem elokwencji ze względu na nagromadzenie w nim słownictwa o pozaliterackiej proveniencji; rozmówcy wykorzystują formy nienormatywne, jak gminne *завсегда* (zamiast *всегда*), przestarzałe i gminne *али* (zamiast *или*) w pytaniu *али как?*, czy też inne formy gwarowe bądź wyrazy w zniekształconej postaci fonologicznej: *оттуда* (zamiast *отсюда*), *допущаю* (zamiast *допускаю*), *кто вышедши?* (zamiast *кто вышел?*).

Niemal cały tekst zaskakuje nas serią bezsensownych wyrażen: *сильно пленарное* (o zebraniu); *минимально по существу дня*; *вступить на точку зрения*; *подсекция заваривается минимально* i inne. W wypowiedziach uczestników dialogu nie sposób dostrzec żadnej logiki, nie sposób uchwycić żadnych treści. Zachowania językowe rozmówców są wręcz irytujące. Ich dialog pozbawiony jest jakiegokolwiek ładu semantycznego.

Dialog jest w większości niezrozumiały dla samych rozmówców. Jest on właściwie zerwany od samego początku. Proces komunikacji blokuje posługiwanie się przez uczestników rozmowy niezrozumiałym dla nich słownictwem obcego pochodzenia, jak np. *кворум*, *пленарный*, *перманентно*, *индустрия*. Rozmówcy błędnie identyfikują semantykę tych zapożyczeń w języku rosyjskim. Prezentowany przez nich typ wypowiedzi przypomina po części makaronizowanie, które polega wprawdzie na dodawaniu wyrazów z innych języków, ale w tekstach Zoszczenki – co należy podkreślić – obce jednostki leksykalne często występują w zdeformowanej postaci lub w niewłaściwych kontekstach.

W przytoczonym dialogu mamy do czynienia ze zmieszaniem różnych pojęć, a w konsekwencji i z brakiem skorelowania semantycznego i gramatycznego

leksemów. Takie pogwałcenie zasad komunikacji uniemożliwia skuteczne porozumiewanie się. Uczestnicy dialogu łączą w jedną całość nieprzystające do siebie jednostki językowe; dokonują połączeń wyrazów, które normalnie nie wchodzą ze sobą w syntagmatyczne relacje, przez co składnia jest zupełnie nieuporządkowana. W dialogu naruszone zostały podstawowe kryteria poprawności strukturalnej. W tej jakże niedorzecznej konfiguracji językowej nie ma ani spójności, ani koherencji⁵.

Ową niedorzeczność potęguje ten fragment dialogu, w którym jeden z rozmówców „precyzuje” wypowiedź drugiego: *конкретно фактически*. Występująca tu zbitka przysłówków-latynizmów jest niepoprawna składniowo, nadto w planie treści nic nie precyzuje. W rozpatrywanej konsytuacji takie kategoryczne wnioskowanie złożone z pojęć synonimicznych jest karykaturalne.

Rozmówcy najwidoczniej są pozbawieni zdolności postrzegania wypowiedzi dewiacyjnych. Jest oczywiste, że prezentowane w tekście nieskładne konstrukcje werbalne są zamierzonymi przez pisarza w osiągnięciu celu, który sprowadza się nie tylko do uwypuklenia komizmu językowego rozmówców. W potoku pustych pojęć, które składają się na dialog, zdumiewa łatwość, z jaką rozmówcy poddają się manipulacjom językowym, nie popadając przy tym w specjalne zakłopotanie czy w zmieszanie. Wręcz przeciwnie, akceptują przecież swoje nielogiczne wywody. Aprobują też niezrozumiałe dla nich wystąpienie przedstawiciela władzy, co w sposób obrazowy i symboliczny zarazem ujmuje sformułowanie: „соседи мои сурово кивали головами”.

Komunikacja językowa wymaga wzajemnego dopasowania i powiązania jednostek leksykalnych. W przeciwnym wypadku może być ona w różnym stopniu osłabiona lub zakłócona. U Zoszczenki szereg wypowiedzi jego bohaterów układa się w przedziwne konfiguracje. Pisarz prezentuje w ten sposób różne postawy nadawcze i odbiorcze tekstu. Porównajmy z tego punktu widzenia wystąpienie towarzysza Fioletowa, zwolennika emancypacji kobiet, o którym mowa w opowiadaniu *Jasny geniusz* (*Светлый гений*):

Он стукнул кулаком по столу, топнул ногой, откинул назад свои волосы и громко закричал: – Гражданки! Вы которые эти белые рабыни плиты и тому подобное. И которые деспот муж элемент несознательно относится. И кухня которая эта и тому подобное. Шитье одним словом. Довольно этих про этих цепей. Полное раскрепощение, к свету нога об руку с наукой и техникой (Зощенко, 1986, 1, 267).

⁵ Używam tych terminów w znaczeniu zdefiniowanym przez Roberta-Alaina de Beaugrande’a i Wolfganga Ulricha Dresslera (Beaugrande, Dressler, 1990). W *spójności* chodzi o zachowanie zależności gramatycznych wyrazów w tekście, o ich wzajemne powiązania, zaś w *koherencji* – o ciągłość sensów w tekście. Autorzy podkreślają, iż „konieczne jest rozróżnienie między spójnością powierzchni a spójnością treści leżącej u jej podstaw”, a także „analogiczne rozróżnienie między składnią tekstu i semantyką tekstu” (przypis 5 na s. 21). Szczegółowo rozpatrują te kryteria na s. 20–25 oraz 72–151.

Po tej wypowiedzi

– восторженные гражданки [...] наперерыв жали ему руки, восхищаясь симпатичной его речью. Какая-то немолодая гражданка в байковом платке подошла к Фиолетову и, потрясая его руку робко сказала: – Вы этот, как его, светлый гений человечества в окне женщины (Зощенко, 1986, 1, 267).

Trudno oczywiście tak ukształtowane konstrukcje językowe nazwać spójnymi wypowiedziami. Brakuje tu zupełnie harmonii między poszczególnymi częściami zdań, jak też między zdaniami. Sformułowania bohatera nie zachowują związku logicznego. Tymczasem dla słuchaczek jego wystąpienie wcale nie jest niedorzeczne. Zresztą replika jednej z nich zupełnie naśladuje styl wypowiedzi towarzysza Fioletowa. Zasygnalizowane zjawisko jest symptomatyczne dla języka propagandy. Wszak należy odróżniać tak bezsensowną frazeologię i podobne jej deformacje językowe od tych zniekształceń, które pisarz wprowadził do tekstów dla celów stylizacji na mowę potoczną.

UWAGI KOŃCOWE

Utwory Zoszczenki są odwzorowaniem ściśle określonej, bo porewolucyjnej rzeczywistości społecznej, kulturowej i językowej. Jego bohater jest wpisany w trudną codzienność. Egzystuje on w nieładzonym i pełnym sprzeczności świecie. Autor nie stronił od różnych trudnych w owym czasie tematów. Obnażył przejawy wszelkiego zła objawiającego się w życiu społecznym. Uwypuklił je w zachowaniu językowym swoich bohaterów. Ujawnił pewne mechanizmy rządzące ludzką mentalnością w totalitarnej rzeczywistości. Ukazał różne przejawy i reperkusje upolitycznienia języka w tych warunkach. Ta sfera jego twórczości była stale prowokującym policzkiem dla władzy.

Pisarz przedstawił swoich bohaterów głównie poprzez ich język w groteskowym ujęciu, a w satyrze nie sposób uniknąć chwytów karykaturalnego wyjaskrawienia, do czego twórca ma zresztą prawo określane mianem *licentia poetica*, tym bardziej że jego bohater funkcjonuje w realiach, które same w sobie częstokroć były komiczne czy też tragikomiczne. Stąd w jego utworach – jak w teatrze absurdu – jest miejsce na swoistą grę sensu i bezsensu oraz różnorodność pojęć, które wzajemnie się wykluczają.

BIBLIOGRAFIA

- Ardov, M. (1992). *Fenomen Zoshchenko*. Stolitsa, 8, 56–60.
Bal, S. (1987). *Poetycka dywersja w nowomowie*. Brulion, 2–3, 115–132.

- Beaugrande de, R.-A., Dressler W.U. (1990). *Wstęp do lingwistyki tekstu*. Tłum. A. Szwedek. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Chudakova, M.O. (1979). *Poetika Mikhaila Zoshchenko*. Moscow: Nauka.
- Drawicz, A. (1974). *Aż do kresu ironii (Michał Zoszczenko)*. W: Drawicz, A. *Zaproszenie do podróży. Szkice o literaturze rosyjskiej XX wieku (46–73)*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- Drawicz, A. (1992). *Język zwycięzców. O sowieckiej nowomowie*. W: Drawicz, A. *Spór o Rosję (113–128)*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Interim.
- Evgen'eva, A. (red.). (1981–1984). *Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh*. Moscow: Russkii yazyk.
- Głowiński, M. (1991). *Marcowe gadanie. Komentarze do słów 1966–1971*. Warszawa: Wydawnictwo Pomost.
- Granin, D. (1988). *Mimoletnoe yavlenie*. *Ogonek*, 6, 9–11 i 29.
- Grigorieva, N. (2022). *Oshibka i zabyvanie v smekhovom kontekste (ot Zoshchenko do YouTube)*, *Die Welt der Slaven*, Bd. 67, 2, 199–211.
- Kotkiewicz, A. (2012). *Nowy człowiek Michaila Zoszczenki. Trylogia: „Przywrócona młodość”, „Niebieska księga”, „Przed wschodem słońca”*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego.
- Kreps, M.B. (1986). *Tekhnika komicheskogo u Zoshchenko*. Benson: Shalidze Publications.
- Kupina, N.A. (1995). *Totalitarnyi yazyk: slovar' i rechevye reaksii*. Ekaterinburg–Per'm: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Mirowski, K. (2005). *Nowomowa – marzenie totalitaryzmu, przestroga dla demokracji*. *Dialogi Polityczne*, 5–6, 75–83.
- Moldavskii, D.M. (1987). *Prevyshavshii obychnuyu meru*. *Zvezda*, 12, 177–184.
- Mucha, W. (1985). *Opowiadania satyryczne i humorystyczne Michaila Zoszczenki (1921–1932). Z zagadnień poetyki i komunikacji literackiej*. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź: Wydawnictwo Ossolineum.
- Sarnov, B., Chukovskaya E. (1988). *Sluchai Zoshchenko (Povest' v pis'makh i dokumentakh s prologom i epilogom 1946–1958)*. *Yunost'*, 8, 69–86.
- Scatton, L.H. (1993). *Mikhail Zoshchenko. Evolution of a writer*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sinyavskii, A. (1989). *Mify Mikhaila Zoshchenko*. *Voprosy literatury*, 2, 50–67.
- Starkov, A.N. (1990). *Mikhail Zoshchenko. Sud'ba khudozhnika*. Moscow: Sovetskii pisatel'.
- Stepnowska, T., Wierziński J. (1993). *Zmiażdżony prześmiewca, czyli słów kilka o Michaille Zoszczenko*. *Przekrój*, 19, 18–19.
- Stepnowska, T., Wierziński J. (1993a). *Michail Zoszczenko – burzyciel stalinowskiego 'sacrum'*. *Literatura na Świecie*, 10, 196–207.
- Suprun, V. (2021). *Onomasticheskii mir Mikhaila Zoshchenko*. *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica*, 20, 121–131.
- Szymczak, M., red. (1978–1980). *Słownik języka polskiego*, t. 1–3. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Thom, F. (1990). *Drewniany język*. Tłum. I. Bielicka. Warszawa: Wydawnictwo CDN.
- Tomashevskii, Yu. (1988). „...Pisatel's perepugannoi dushoi – eto uzhe poterya kvalifikatsii”. *M.M. Zoshchenko: pis'ma, vystuplenie, dokumenty 1943–1958 godov*. *Druzhba narodov*, 3, 168–189.
- Vezhbin'ski, Ya., Wierziński, J. (2017). *Mikhail Zoshchenko. Tekstologicheskie issledovaniya i analizy, semantika i stilistika*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.
- Vezhbitskaya, A. (1993). *Antitotalitarnyi yazyk v Pol'she: mekhanizmy yazykovoi samooborony*. *Voprosy yazykoznaniiya*, 4, 107–125.
- Vvedenskii, B. (red.). (1953–1955). *Entsiklopedieskii slovar' v trekh tomakh*. Moscow: Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya.

- Wierzbński, J. (1996). *Manifestowanie się nowomowy w tekstach Michaiła Zoszczenki*. Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica, 35, 87–98.
- Zacharieva, I. (1989). *Rasskazy Mikhaïla Zoshchenko*. Bolgarskaya rusistika, 1, 9–19.
- Zoshchenko, M. (1989–1987). *Sobranie sochinenii v trekh tomakh*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.

- Ардов, М. (1992). *Феномен Зоценко*. Столица, 8, 56–60.
- Введенский, Б. (ред.). (1953–1955). *Энциклопедический словарь в трех томах*. Москва: Большая советская энциклопедия.
- Вежбиньски, Я., Wierzbński, J. (2017). *Michaïł Zożenko. Tekstologiczne badania i analizy, semantika i stylistyka*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.
- Вежбицкая, А. (1993). *Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны*. Вопросы языкознания, 4, 107–125.
- Гранин, Д. (1988). *Мимолетное явление*. Огонек, 6, 9–11 и 29.
- Григориева, Н. (2022). *Ошибка и забывание в смеховом контексте (от Зоценко до YouTube)*. Die Welt der Slaven, Bd. 67, 2, 199–211.
- Евгеньева, А. (ред.). (1981–1984). *Словарь русского языка в четырех томах*. Москва: Русский язык.
- Захариева, И. (1989). *Рассказы Михаила Зоценко*. Болгарская русистика, 1, 9–19.
- Зоценко, М. (1989–1987). *Собрание сочинений в трех томах*. Ленинград: Художественная литература.
- Крепс, М.Б. (1986). *Техника комического у Зоценко*. Venson: Chalidze Publications.
- Купина, Н.А. (1995). *Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции*. Екатеринбург–Пермь: Издательство Уральского университета.
- Молдавский, Д.М. (1987). *Превышавший обычную меру*. Звезда, 12, 177–184.
- Сарнов, Б., Чуковская, Е. (1988). *Случай Зоценко (Повесть в письмах и документах с прологом и эпилогом 1946–1958)*. Юность, 8, 69–86.
- Синявский, А. (1989). *Мифы Михаила Зоценко*. Вопросы литературы, 2, 50–67.
- Старков, А.Н. (1990). *Michaïł Zożenko. Судьба художника*. Москва: Советский писатель.
- Супрун, В. (2021). *Ономастический мир Михаила Зоценко*. Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica, 20, 121–131.
- Томашевский, Ю. (1988). „...Писатель с перепуганной душой – это уже потеря квалификации”. *М.М. Зоценко: письма, выступление, документы 1943–1958 годов*. Дружба народов, 3, 168–189.
- Чудакова, М.О. (1979). *Поэтика Михаила Зоценко*. Москва: Наука.

Jadwiga Grunwald

 <https://orcid.org/0000-0003-2483-1258>

badacz niezależny

jadwiga82@poczta.onet.pl

PIEROGI KULINARNĄ WIZYTÓWKĄ „WĘDROWNEGO AMBASADORA POLSKI” WŁADYSŁAWA GRODECKIEGO

**Pierogi as Culinary Business Card
of the “Wandering Polish Ambassador”
Wladyslaw Grodecki**

Streszczenie

Pierogi – kawałki cienkiego, elastycznego i dobrze ciasta napełnione słonym lub słodkim nadzieniem i ugotowane we wrzącej wodzie – to jedno z najstarszych, a jednocześnie niezwykle popularnych dań kuchni polskiej. Niektórzy postrzegają je jako swego rodzaju polską „wizytówkę” i ważny element przybliżający walory polskiej kultury i tradycji. Podobny pogląd wyrażał w swojej twórczości znany polski podróżnik Władysław Grodecki (1942–2018). W jego portfolio znajduje się ponad sto wyjazdów zagranicznych, w tym trzy samotne podróże dookoła świata. Niezwykle osiągnięcia Grodeckiego zapewniły mu powszechne uznanie i szacunek, choć jego droga do sukcesu przebiegała przez wiele trudnych etapów.

W związku z jego działalnością na rzecz promocji polskiej kultury i historii za granicą, w polskiej prasie zaczęto określać go mianem „wędrownego ambasadora Polski”. Gotowanie pierogów dla gospodarzy i przyjaciół było często integralną częścią jego podróży. Spuścizna Grodeckiego obejmuje ponad 250 artykułów prasowych i 300 wpisów autobiograficznych na jego stronie internetowej. Wiodącymi tematami jego twórczości są: biografie wielkich Polaków, losy Polaków za granicą, spotkania z Janem Pawłem II, a także historia miejsc i pomników charakterystycznych dla Krakowa. W dziennikach podróży i artykułach prasowych Grodeckiego znaleźć można również liczne relacje o tym, jak trudnym zadaniem było zdobywanie składników i przygotowanie pierogów w różnych częściach świata. Z analizy dzienników podróżniczych Grodeckiego wynika, że popularność pierogów wynika nie tylko z ich walorów estetycznych i smakowych.

Słowa kluczowe: kuchnia, tradycje, dziedzictwo narodowe, podróże, promocja.

Summary

Pierogi – filled dumplings made by wrapping unleavened dough around a savoury or sweet filling and cooking in boiling water – is one of the oldest as well and endearingly popular dishes of Polish cuisine. Some people perceive them as a kind of Polish “business card” and a significant means of introducing the merits of Polish culture and tradition. The same attitude can be observed in works of a famous Polish traveller, Władysław Grodecki (1942–2018). His portfolio includes over one hundred trips abroad, among them three solo trips around the world. Grodecki’s extraordinary achievements earned him general recognition and respect, although his path to success went through many difficult phases.

Due to his actions in promoting Polish culture and history abroad, the Polish press came to label him as the “wandering Polish ambassador”. Cooking dumplings for and with his hosts and friends was often an integral part of his travels. Grodecki’s legacy includes over 250 press articles and 300 autobiographical entries on his website. The leading topics of his work include: biographies of great Poles, the fate of Poles abroad, meetings with John Paul II, as well as the history of places and monuments highlighting Kraków. Grodecki’s travelogues and newspaper articles also give numerous accounts of how challenging it was to get the ingredients and prepare pierogi in different parts of the world. Analysis of Grodecki’s travel journals shows that pierogi are popular for more than their aesthetic value and taste.

Keywords: cuisine, traditions, cultural heritage, travels, promotion.

WPROWADZENIE

Kuchnia danego kraju jest istotnym elementem tożsamości kulturowej jego mieszkańców. W kulturze polskiej również zajmuje ona szczególne miejsce. Nawiązania do kulinariów odnaleźć można w wielu dziedzinach sztuki. Potrawy polskie dają świadectwo obfitości naszego kraju we wszelkie gatunki zwierząt i ryb oraz bogate plony ziemi: Morze Bałtyckie oraz liczne rzeki zaopatrują nasze stoły w rozmaite gatunki ryb, żyzne pola dostarczają rozmaitych zbóż i warzyw, sady – owoców, natomiast lasy obdarzają nas smaczną dziczyzną i mnogością wielu gatunków jagód oraz grzybów. Dzięki niezwykle urodzajnym glebom kuchnia polska obfituje w ogromne bogactwo rozmaitych potraw warzywnych oraz mięsnych, smacznych nabiaków, fantazyjnych wypieków i deserów oraz niezliczonej ilości zdrowych i smacznych napojów. Poza warunkami klimatycznymi, dania kuchni polskiej odzwierciedlają również wpływy krajów sąsiadujących oraz coraz większą różnorodność składników zaimportowanych z dalekich krajów. Jednak pomimo wzrastającego zainteresowania potrawami egzotycznymi, w Polsce nadal niezwykle popularnością cieszą się dania tradycyjne.

Do najpopularniejszych dań dawnej kuchni polskiej, obok potraw mięsnych, zup, kasz i klusek, należą pierogi. Niezwykle ważną rolę pełniły one również dla Władysława Grodeckiego (1942–2018) – globtrotera i dziennikarza – który

wiele lat swego życia spędził na podróżach po całym świecie. Odbił on ponad sto wycieczek zagranicznych oraz trzy wielomiesięczne samotne wyprawy dookoła świata. Jego podróżom przyświecała idea promowania kultury i historii polskiej za granicą, a relacje z nich publikowane były na łamach prasy i Internetu. Po jego śmierci przez prasę lokalną i branżową przewinęła się fala artykułów o odejściu człowieka legendy, Kustosza Pamięci Narodowej, „Podróżnika Prawdziwego”, „Wędrownego Ambasadora”, „Ambasadora Polski i Krakowa”, czy też „Ambasadora Polskości”. Jednym z najbardziej atrakcyjnych sposobów prezentowania za granicą walorów rodzimej kultury było dla Grodeckiego częstowanie pierogami. W ten sposób zaznajamiał on z kulturą polską mieszkańców różnych krajów i kontynentów, m.in. Argentyny, Laosu, Tanzanii, Stanów Zjednoczonych oraz Australii. Nabywanie odpowiednich składników, a następnie lepienie oraz podawanie pierogów stanowiło dla Grodeckiego swoisty rytuał kulturowy.

Celem niniejszego artykułu jest zbadanie, w jaki sposób pierogi w twórczości Władysława Grodeckiego stawały się z jednej strony nośnikiem polskiej pamięci kulturowej, z drugiej zaś, jak wykorzystywał je Grodecki do kreowania pozytywnego wizerunku Polaków i Polski. To właśnie rozświetlenie wkładu Podróżnika do promowania Polski, kultury polskiej i służba Kościołowi katolickiemu – a nie przedstawienie fenomenu pierogów na tle europejskiej, światowej kultury kulinarnej – jest zadaniem tego zarysu. Materiał badawczy stanowią będą artykuły Grodeckiego drukowane w prasie i publikowane w Internecie, jak również notatki i wspomnienia przygotowywane w czasie jego licznych podróży. Podróżnik pozostawił po sobie ponad 250 artykułów, które ukazały się na łamach magazynów, dzienników, tygodników oraz miesięczników. Najwięcej artykułów napisał Grodecki do czasopism będących patronami medialnymi jego wypraw: do katolickiego „Naszego Dziennika” (42), do katolickiego miesięcznika dla młodzieży „Wzrastanie” (40) oraz do miesięcznika dla dzieci i młodzieży „Płomyczek” (40). W wyniku czasowej współpracy z innymi magazynami ukazywało się kilka do kilkunastu artykułów m.in. w prasie katolickiej („Salwator”, „Brat”, „Źródło”, „Droga”), lokalnej („Dwunastka”, „Tygodnik Małopolska”), branżowej („Przegląd Geodezyjny”, „Magazyn Podróżników Globtroter”) i innych. Stopniowo coraz więcej tekstów publikowanych było na portalach internetowych, a ponad trzysta wpisów accessednych jest na stronie internetowej Podróżnika. Teksty te pochodzą z czasu od końca pierwszej wyprawy dookoła świata w 1994 r. aż do śmierci Grodeckiego.

Z wyżej wymienionych tekstów wyekscerpowane zostały fragmenty, zawierające wzmianki o głównych atutach polskiej kuchni, a w szczególności o pierogach. One to bowiem uosabiały dla Grodeckiego niezapomniane smaki dzieciństwa, a poza walorami smakowymi posiadały również właściwości metafizyczne.

1. PIEROGI W KUCHNI I KULTURZE POLSKIEJ

Pierogi, czyli kawałki ciasta makaronowego nadziane farszem słonym lub słodkim, a następnie ugotowane w wodzie lub upieczone czy usmażone, należą do najstarszych dań kuchni polskiej. Współcześnie uważa się, że ojczyzną pierogów są Chiny, do Polski zaś przywędrowały one za pośrednictwem Jacka Odrowąża (1182–1257), który próbować ich miał podczas swojego pobytu w Kijowie. Najstarsze źródło pisane, zawierające wzmiankę o ich obecności na naszych ziemiach, stanowi dzieło pt. *De vita miraculis sancti Jacchonis* z połowy XIV w. autorstwa lektora Stanisława z klasztoru św. Trójcy w Krakowie. Zgodnie z tradycją kanoniczną potrawą tą mieli gościć w lipcu 1238 św. Jacka mieszkańcy wsi Kościelec z wdzięczności za ocalenie przed nieurodzajem. Inna legenda, podkreślająca rolę świętego w spopularyzowaniu pierogów na ziemiach polskich, dotyczy najazdu Tatarów na Kraków w roku 1241. Wtedy to św. Jacek miał karmić mieszkańców, wyczerpanych i zgłodniałych po splądrowaniu miasta przez najeźdźców, pierogami własnej roboty (Światała-Trybek, 2016, 154).

O niesłabnącej popularności pierogów na przestrzeni kolejnych wieków świadczy obecność przepisów publikowanych w książkach kucharskich. W pierwszej, zachowanej i wydanej w 1682 r. w Krakowie książce kucharskiej autorstwa Stanisława Czerneckiego pt. *Compendium ferculorum, albo zebranie potraw*, znajduje się ich aż kilkanaście. Są to przepisy na pierogi z różnymi rodzajami nadzienia słodkiego i słonego. Z badań historyka Zbigniewa Kuchowicza (1975, 20) wynika również, że pierogi, obok barszczu, rosółu, sztuki mięsa, bigosu, kielbasy z kapustą i rozmaitych kasz, należały do ulubionych potraw stołów XVII i XVIII w. Ogromny popyt na pierogi utrzymywał się na ziemiach polskich przez kolejne wieki i nie zmalał aż do dzisiaj. Powstawanie zarówno w Polsce, jak i za granicą coraz to nowych restauracji specjalizujących się w przygotowywaniu tego dania jest dowodem na to, że złoty wiek pierogów trwa nadal. O tym, że zajmują one centralną rolę również w kulturze Polaków, świadczą tytuły publikacji książkowych (*Quarks, elephants & pierogi: Poland in 100 words*) bądź internetowych (*Mówisz Polska – myślisz pierogi*). Dostrzeżone jest również znaczenie tego sędziwego dania dla promocji kultury polskiej za granicą. Temat ten porusza artykuł opublikowany na łamach internetowego wydania „Naszego Dziennika” o znamienym tytule *Pierogi mogą być polską wizytówką*.

2. KULINARIA W TWÓRCZOŚCI WŁADYSŁAWA GRODECKIEGO

Szczególne miejsce zająć miały pierogi również w życiu urodzonego w 1942 r. w Brzeźnicy na Podkarpaciu w rodzinie rolniczej Władysława Grodeckiego. Po odbyciu pierwszych wypraw dookoła świata zaliczony on został w po-

czet najbardziej znanych podróżników polskich. W rankingu stworzonym w roku 2015 przez serwis krajoznawczy *travelin.pl* uplasował się na 9. miejscu. W jego portfolio znajdowało się ponad sto wycieczek zagranicznych oraz trzy wielomiesięczne samotne wyprawy dookoła świata. Nadrzędną kwestią dla Grodeckiego było promowanie kultury i historii polskiej za granicą oraz prezentowanie pozytywnego wizerunku Polski i Polaków. Swoją postawą starał się on dawać jak najlepsze świadectwo swojemu krajowi pochodzenia, a pochwałę ojczyzny uważał za swoją powinność. Niezmiennie afirmował wszelkie aspekty i przejawy polskości. Jego misją było zarówno szerzenie wiedzy o Polsce i Polakach, polskiej kulturze i tradycji, jak i krzewienie postaw patriotycznych w duchu chrześcijańskim. Szczególnie zachęcał do pielęgnowania takich tradycyjnych polskich wartości jak uczynność i gościnność. W uznaniu jego zasług w prasie polskiej zaczęto nazywać go „wędrownym ambasadorem Polski”. Określenia tego po raz pierwszy użyła Jolanta Grzelak-Hodor (1998, 17) w artykule „Gazety Krakowskiej”, relacjonującym przebieg odbytej przez Grodeckiego w latach 1997–1998 wyprawy przez Europę, Azję i Afrykę pod hasłem „Szlakiem Polaków w świecie”. Za swoje zasługi Grodecki został odznaczony również różnymi nagrodami, m.in. Srebrnym Medalem Opiekuna Miejsc Pamięci Narodowej (1997) oraz odznaką „Honoris gratia” za zasługi dla Krakowa (2006). W ostatnim roku życia uhonorowano go własnym dębem na otwartej w 2017 r. w Krakowie Alei Podróżników, Odkrywców i Zdobywców. Zostały tam zaprezentowane biogramy wielkich Polaków oraz ich godne naśladowania postawy. Zdaniem organizatorów było to przedsięwzięcie szczególnie ważne w dzisiejszym świecie, w którym pędzący w maratonie życia człowiek stopniowo gubi sens i wzorce. W ten sposób osiągnięcia i postawy życiowe odznaczonych osób powinny służyć jako podstawa do budowania dobrego, uczciwego i odważnego społeczeństwa.

Grodecki był człowiekiem instytucją, dążącym do stałego rozwijania swoich talentów oraz poszerzania horyzontów myślowych. Wszechstronne zainteresowania znajdowały odzwierciedlenie w twórczości Podróżnika. Grodecki angażował się również społecznie i patriotycznie, a do jego pasji obok sportu i kolekcjonerstwa należało także gotowanie. Od najmłodszych dni kulinaria odgrywały w życiu przyszłego podróżnika ważną rolę. Widoczne się to staje w jego wspomnieniach z dzieciństwa. Opisy potraw oraz ich przygotowania wplecione zostają w opowieść o codziennym życiu:

Wówczas Wielopolka była niewielką rzeką o łagodnych brzegach. Przed popołudniowym pasieniem krów było trochę wolnego czasu, który wykorzystywaliśmy na kąpiel w Wielopolce lub Wisłoce, lub zbieraliśmy się w kilka osób chłopcy i dziewczyny i udawaliśmy do lasu na grzyby lub czarne jagody. [...] Chyba po ojcu **odziedziczyłem zamiłowanie do gotowania. Poza pierogami z czarnymi jagodami lubiłem gotować pierogi z wiśniami** [...], a z pobliskiego pola przynosiłem ziemniaki [...], ogórki, pomidory, koper, buraki ćwikłowe. Botwinka, **pierogi z borówkami** i młode ziemniaki z masłem, koperkiem i kwaśnym mlekiem to były **najbardziej ulubione moje potrawy** (Grodecki, 2013d, 4).

Pomimo wielu obowiązków i niedostatków materialnych swoje dzieciństwo określał Grodecki jako szczęśliwe. Jednak i ono skończyło się, gdy w wieku dwunastu lat stracił matkę, która zmarła na białaczkę. Trzy lata później Władysław wyjechał na naukę do odległego o 100 km Jarosławia. Miało tam wówczas swoją siedzibę renomowane Technikum Geodezyjne, w którym Grodecki pragnął rozwijać swoje zainteresowania naukami przyrodniczymi. Po ukończeniu szkoły średniej kontynuował naukę na Politechnice Warszawskiej, studiując kierunek geodezja i kartografia. Pracę magisterską obronił w roku 1968, następnie zaś podjął zatrudnienie w Krakowskim Przedsiębiorstwie Geodezyjnym. Po kilku latach pracy w swoim zawodzie udało mu się zrealizować największe marzenie: wyjechać na kontrakt za granicę, a konkretnie do Iraku. Półtora roku spędzone na pustyni stanowiło dla młodego geodety prawdziwą szkołę życia. Po powrocie do kraju nie wrócił już do wykonywania pracy zawodowej, lecz zajął się przewodnictwem miejskim, a później również pilotażem wycieczek zagranicznych. Podróżował coraz więcej i coraz dalej, a w 1992 wyruszył na swoją pierwszą wyprawę dookoła świata.

Warto podkreślić, że wyprawy Grodeckiego nie miały charakteru turystyki kulinarnej, wręcz przeciwnie – Podróżnik w czasie ich trwania zazwyczaj przygotowywał posiłki sam. Wyjaśnienie takiego podejścia znaleźć można w jego relacji z pobytu w Meksyku:

Nie zawsze była możliwość znalezienia taniej restauracji, a przecież kuchnia meksykańska, choć słusznie uchodzi za jedną z lepszych na świecie, jednak dla mnie jest zbyt ostra. [...] Inna sprawa to cena posiłków. **Przy wielomiesięcznej wyprawie nawet najtańsze są dość kosztowne**. Na szczęście w Meksyku i innych krajach tego regionu owoce, pomidory, ogórki, cebula, marchew, kapusta, mięso i liczne owoce tropikalne [...] są bardzo tanie i można samemu sobie gotować. Co prawda, Dada nie lubiła zajmować się kuchnią, ale **mnie gotowanie (nie tylko pierogów) zawsze sprawiało dużą przyjemność**. Już następnego dnia po jej przyjeździe do Mexico City kupiłem czajnik na prąd i udanie uczyniłem eksperyment gotując zupę jarzynową z mięsem, a później fasolkę i kukurydzę [...]. „Własna” kuchnia **pozwoliła zaoszczędzić trochę pieniędzy**, a i była **bardziej bezpieczna**, nigdzie nie mieliśmy kłopotów żołądkowych! (Grodecki, 2013a, 114).

Ponadto gotowanie, zwłaszcza wspólne, jak przekonuje Grodecki, należy do najpiękniejszych zajęć towarzyskich na równi ze śpiewem. Jediną wadą zdaje się być to, że jest to zajęcie dosyć czasochłonne, o czym przeczytać możemy w tekście pt. *Plusy i minusy trampingu*:

Wyprawy trampingowe wiążą się z ogromnym trudem przygotowań, wyjazdem i licznymi niewygodami podróży. Do tego rozbijanie i składanie namiotów, **gotowanie**, mycie naczyń, **spożywanie posiłków na otwartej przestrzeni**, często na trawie, spanie w ciasnym pomieszczeniu itp. Ale tramping to **wspólne gotowanie**, **degustacja potraw**, wielogodzinne wieczorne dyskusje, to spanie na ziemi i bliski z nią kontakt, to aromat traw, to śpiewy świerszczy, ptaków i cykad. Tramping jest wyrazem tęsknoty za pustynią i koczowniczym trybem życia! Można to polubić! (Grodecki, 2010, 1).

Podróżowanie wynajętym autobusem z noclegami w namiotach stanowiło dla Grodeckiego ulubiony sposób podróżowania zwłaszcza w latach osiemdziesiątych oraz dziewięćdziesiątych. Po powrocie ze swojej pierwszej wyprawy dookoła świata w 1994 r. podjął on dodatkowo szeroko zakrojoną działalność publicystyczną. W swoich tekstach relacjonował swoje niezwykle przygody, popularyzował wiedzę o świecie i zachęcał do podróżowania. Często twierdził, że dzięki podróżom może „spojrzeć z zewnątrz na Polskę, a na świat z bliska” (RB, 2002, 19)¹. Zaskakujące mogą wydawać się wnioski z tych obserwacji. Grodecki przyznawał bowiem, że w jego oczach „Polska wygląda nieco lepiej, a świat dużo gorzej” (RB, 2002, 19). Dlatego nie ograniczał się do publikowania artykułów krajoznawczych o dalekich krajach, ale sławił również piękno krajobrazu Polski, jej bogatą kulturę i ciekawą historię. Artykuły Grodeckiego ukazują naszych rodaków oraz dzieje Polski niezmiennie w pozytywnym świetle. Podróżnik pisze o chwalebnych czynach, zwycięskich bitwach, wybitnych naukowcach i pełnych charyzmy duchownych. W twórczości Grodeckiego wyrażone jest ponadto przekonanie, że Polacy to naród gościnnie, szlachetny i zdolny. Jaskrawym przykładem artykułów o tej tematyce jest seria artykułów publikowanych w „Naszym Dzienniku” w latach 2001–2002. Cykl ten otwiera Grodecki znamienym tytułem *Cudze chwalicie, swego nie znacie...* Pozytywnie przedstawione zostają w nim wszelkie aspekty życia w Polsce. Naturalnie należy do nich również nasza rodzima kuchnia. Z artykułu o Krakowie, który z uwagi na swą długą historię, piękne zabytki oraz miłych i gościnnych mieszkańców godnie reprezentuje również inne polskie miejscowości, można się dowiedzieć, w jaki sposób jesteśmy postrzegani przez przybyszów z zewnątrz. Wśród wymienionych w artykule licznych przymiotów znajduje się również opinia dotycząca polskiej sztuki kulinarnej: „[...] wszyscy podkreślają, [...] że jest tu **dobra i zdrowa kuchnia** [...]” (Grodecki, 2001b, 3).

Z reportaży Grodeckiego wynika ponadto, że podczas podróży po świecie do szczególnie miłych należały sytuacje, w których Podróżnik miał styczność z polską kuchnią. Wydarzenie takie miało miejsce przykładowo w Iraku w roku 1974, kiedy po kilku miesiącach pracy na pustyni jego zespół przyjmował gości z Polski. Spotkanie to umilone zostało posiłkiem, o którym wyraża się Grodecki za pomocą silnie nacechowanego emocjonalnie słownictwa: „Była to prawdziwa **uczta królewska**: kasza gryczana z fasolką, groszkiem, sosem pieczarkowym i gulaszem. Ponadto zupa jarzynowa, kompot z wiśni i ciastko. **Wszystko to przywieziono z Polski**” (Grodecki, 2018b, 4).

Nie tylko dla Grodeckiego kuchnia stanowi nieodzowny element tożsamości i kultury. Świadczą o tym rozmaite, urządzone na całym świecie festiwale kultury. Jeden z takich festiwali odwiedził Grodecki w 2002 r. w Winnipegu (w Kana-

¹ Cytowana wypowiedź pochodzi z wywiadu przeprowadzonego z Władysławem Grodeckim przez Roberta Bodnara. W pracy będę używać w odniesieniu do wywiadów inicjałów poszczególnych autorów.

dzie): „Niezwykła to rywalizacja ok. 35 różnych nacji, których przedstawiciele prezentują **tradycje i kulturę** kraju przodków. Tu nie ma zwycięzców, nie ma pokonanych, a jednak wszyscy starają się, by wypaść jak najlepiej” (Grodecki, 2011, 98). Tematem przewodnim pawilonów polskich były legendy Krakowa oraz Wieliczki. W tekście Grodeckiego, obok informacji dotyczących kultury i sztuki, znajduje się również pochwała kuchni polskiej:

Poza występami artystycznymi była też **wyborowa kuchnia polska** gdzie można było zjeść m.in. Kraków-combo, barszcz, kielbaski, bigos myśliwski, gołąbki, pierogi, golonko, flaczki (Pawilon Kraków) czy naleśniki, i placki ziemniaczane (Pawilon Warszawa). Sokół prezentował też ciekawą wystawę sztuki ludowej i rzemiosła artystycznego; obrazy, pisanki, hafty, biżuteria, i wycinanki (połączone z pokazem), a SPK [Stowarzyszenie Polskich Kombatantów – przyp. J.G.] – wystawę „Pałace w Polsce” (Grodecki, 2011, 98).

Wzmianki na temat potraw wplatanie są w teksty Grodeckiego niezależnie od podejmowanej tematyki. Kulinaria stają się częstym tematem wspomnień, w których Grodecki relacjonuje swoje powroty w rodzinne strony. Do Brzeżnicy udawał się regularnie pomiędzy swymi wielkimi wyprawami, by dzielić się z bliskimi swoimi przeżyciami. Ze szczególną nostalgią wspomina siostrę swego ojca, która w dzieciństwie zastępowała mu matkę. Pozytywny obraz cioci Janiny spotęgowany zostaje poprzez skojarzenie z wyśmienitym jedzeniem:

Z reguły zostawiałem plecak i od razu udawałem się do położonego w pobliżu domu cioci Janiny, siostry ojca. Choć miała trójkę dzieci, mnie przyjmowała jak swoje, a **jej kuchnia, palce lizać**. Pamiętam te **przepyszne pierogi z serem, zupy owocowe, placki i kluski ziemniaczane z serem**. Ciocia (...) przynosiła koszyk **bardzo smacznych i aromatycznych sztetyn** – jabłek i całymi godzinami słuchała moich opowieści. Bardzo gościnnie i lubiany człowiek, w długie zimowe wieczory jej dom był pełny gości (Grodecki, 2013d, 14).

O niezwykle wyczulonym zmysle smaku świadczą również nazwy publicznych wystąpień Grodeckiego. Ich tytuły często metaforycznie nawiązują do doświadczenia poznawania świata za pomocą zmysłu smaku, por. *Smakowanie świata*, *Smak wielkiej przygody*. Podobnymi metaforami operował również w swoich tekstach podróżniczych:

Kocham życie, bo dało mi okazję do walki i poznałem **smak nie tylko porażek, ale i tyłu zwycięstw**. Odwiedziłem najpiękniejsze miejsca naszej planety [...]. Byłem gościem wielu „możnych tego świata”, m.in. Ojca Św. Jana Pawła II, [...] wielu ambasadorów Polski i innych państw, wielu poetów, polityków i misjonarzy. Cieszy mnie fakt, że uzyskałem jakże zaszczytny tytuł „Ambasadora Polski i Krakowa”... Jeśli tego jeszcze jest mało, to dodam, że właśnie podróże uświadamiają mi, jakim szczęściem jest mieć rodzinę, przyjaciół i swój dom nad Wisłą! (Grodecki, 2002, 194).

W swoich tekstach Grodecki porusza również temat praktycznych aspektów pożywienia. Ze sformułowanych przez Podróżnika wytycznych, znanych pod

nazwą *Dekalogu podróżnika*², aż trzy dotyczą pożywienia. Przykazanie IV: *Być uczciwym, koleżeńskim i przyjaznym* porusza kwestię dzielenia się z towarzyszami podróży wodą i żywnością. W komentarzu do przykazania V: *Mieć umiejętności i wierzyć w siebie*, opowiada Grodecki o umiejętnościach, dzięki którym mógł zdobywać pieniądze na dalsze podróże; z artykułu w „Globtroterze” (09/10, 2006) dowiadujemy się, że w Australii pracował przy zrywaniu owoców, w USA w fabryce urządzeń odpylających, w Laosie przycinał drzewka oraz sadił nowe, w Afryce natomiast wykorzystał mógł swoje zamiłowania i zdolności kulinarne: „jeden z misjonarzy zaproponował mi, żebym został jego kucharzem i gotował mu pierogi z kapustą!” (Grodecki, 2007b, 112). Przykazanie VIII: *Chcieć żyć, czyli opanować sztukę przetrwania*, mówi zaś o tym, w jaki sposób zdobyć można wodę oraz pożywienie w warunkach ekstremalnych.

3. PIEROGI KULINARNĄ WIZYTÓWKĄ WŁADYSŁAWA GRODECKIEGO

Oprócz podróży wielką pasją Grodeckiego było gotowanie, najbardziej prominentną specjalnością jego kuchni były natomiast pierogi. Ogromną przyjemność sprawiało Podróżnikowi wielogodzinne wykrajanie placuszków, wkładanie do nich rozmaitych rodzajów nadzienia i lepienie wielkiej ilości pierogów na raz. Czynność tę chętnie wykonywał w towarzystwie innych osób. Oprócz wyśmienitego smaku do atutów pierogów należała również ich dekoracyjność, dlatego danie to znakomicie nadawało się również na wszelkiego rodzaju przyjęcia.

W wielu rejonach świata, do których udawał się Grodecki, nie było możliwości nocowania w hotelach. Dlatego istotny element przygotowania wyprawy stanowiło wcześniejsze nawiązanie kontaktów oraz otrzymanie zaproszenia na nocleg. Będąc już na miejscu Grodecki szukał możliwości zrewanzowania się swoim gospodarzom na gościnę. Sprawdzoną metodą wyrażania wdzięczności było przygotowywanie pierogów. W twórczości Grodeckiego znajdują się liczne wzmianki o przygotowywaniu tego dania dla gospodarzy w ramach podziękii:

Z rana był wyjazd z ks. Franciszkiem na zakupy do pobliskiego kompleksu handlowego. **Kupiliśmy trochę mąki, ziemniaki, kapustę, truskawki, czarne australijskie jagody, dżem i lody.** Wiele lat tułaczki po świecie i kiepskie odżywianie sprawiło, że ks. Franciszek miał ogromne problemy z żołądkiem; nie mógł spożywać surowych owoców, mięsa i niczego smażonego! W tej sytuacji już od pierwszego dnia pobytu w Rowville **z braku gospodyni i kucharki zająłem się kuchnią!** Ponieważ mogły być tylko posiłki jarskie i gotowane, **najczęściej były pierogi;** z truskawkami, kapustą, śliwkami, jagodami! Tym razem były z truskawkami! (Grodecki, 2013c, 14).

² Wytyczne te sformułował Grodecki na życzenie uczniów jednej z odwiedzonych szkół (PS, 2009, 13).

Dzienniki podróży obfitują w zapiski o drobnych zajęciach, podejmowanych przez Grodeckiego w celu odwdzięczenia się za gościnę podczas pobytu u misjonarzy czy znajomych:

Piątek, 15 stycznia 1993 r. Wstaliśmy dość wcześnie, gdyż przybył miły gość p. Kielbowski, który sporo pomagał przy różnych pracach koło kościoła. Wypiliśmy wspólnie herbatę i zjedliśmy śniadanie, a później skosiłem trawę koło kościoła i **zrobiłem kilkadziesiąt ulubionych przez księdza pierogów z czarnymi jagodami** (Grodecki, 2013c, 13).

Niejednokrotnie zdarzało się, że w czasie podróży w latach dziewięćdziesiątych Grodecki udawał się do kogoś z czyjegoś polecenia, nie mając możliwości uprzedniego zapowiedzenia swojej wizyty. Stawał się w ten sposób niezapowiedzianym, niestety nie zawsze mile widzianym, gościem. Przygotowanie smacznego posiłku często zjednywało mu jednak serca. Tak było w przypadku odwiedzin w Australii: „Chociaż p. Tadeusz początkowo nie był zachwycony naszym przyjazdem, gdy **przygotowałem mu pierogi ze śliwkami**, zrobiło mu się milej” (Grodecki, 2018a, 10).

Zdarzało się również i tak, że umiejętności Grodeckiego okazywały się doceniane, a nawet pożądane: „[W Zambii] bardzo serdecznie przyjął mnie proboszcz katedry [...] o. Józef – misjonarz ze Słowacji! W dzień i w nocy słuchał mych opowieści o świecie. Gdy się dowiedział, że potrafię jeszcze coś ugotować, **zapropował mi bym pozostał tu na stałe**” (Grodecki, 2013c, 22).

Relacje z podróży obrazują rozmaite trudności, z którymi niejednokrotnie wiązało się przygotowywanie pierogów w krajach innych niż Polska:

W niedzielę 27 czerwca [1999 r.] postanowiłem [...] zostać z Elą i jej dziećmi [...]. **Postanowiłem „zabawić się” w kucharza i ugotować pierogi**. Przecież te dzieci od kilku dni nie jadły nic gotowanego. Z Celiną udaliśmy się do sklepu, kupiliśmy mąkę, trochę truskawek i jagody amerykańskie. [...] Zabrałem się za gotowanie. **Kiepska, wilgotna mąka** sprawiała, że okropnie się namęczyłem nim sklepiełem trochę pierogów. Nie byłem usatysfakcjonowany, ale dało się zjeść (Grodecki, 2013a, 50).

Innym razem Grodecki natrafił na trudności zgoła innej natury:

Przed końcem spotkania pojawił się Leszek i wróciliśmy do domu na „obiecane” pierogi. Gdy nie ma sera, kapusty kiszzonej dobre są i pierogi z owocami. [...] W domu, gdzie z pół roku nie było kobiety, **nie było mąki, walka, stolnicy, margaryny** [i dlatego] wszystko, prawie wszystko trzeba było kupić. Była tylko sól, woda i butelka zamiast walka. Sporządziłem listę zakupów i wysłałem chłopców na zakupy. Gdy wrócili, okazało się, że **wyczerpał się gaz w butli**, zdążyłem tylko zagotować trochę wody do mąki. Zarobiłem ciasto, rozwałkowałem, sklepiełem pierogi i znużony długim czekaniem, tym razem na gaz, zasnąłem! Gdy Leszek przywiózł butlę, było już ciemno. Gdy ugotowałem pierogi była już 8 p.m. i zamiast obiadu mieliśmy wieszczkę! (Grodecki, 2013a, 106).

Wspomniane trudności z brakiem składników, w tym w szczególności sera i kiszzonej kapusty, pojawiały się niemal we wszystkich odwiedzanych przez Gro-

deckiego krajach. Wymieniając brak składników koniecznych do tradycyjnych, znanych przez Grodeckiego pierogów, porusza on również inną kwestię, mianowicie sprawę odmiennych gustów smakowych kuchni regionalnych. Wynika z tego, że Grodecki często gotował bądź to z konieczności, bądź to z powodu tęsknoty za ulubionymi daniami:

Mnie mamalyga też nie smakowała i zamarzyły mi się polskie pierogi. Ale z czym? **W Afryce nie rosną jabłka, wiśnie, borówki i inne owoce o kwaskowym smaku nadające się do pierogów, nie ma sera by przyrządzić ruskie, ale wszędzie jest mięso i kapusta.** Udało się znaleźć dwie niezbyt dorodne główki na bazarze, pokroiłem, wymieszałem z mielonym mięsem i przygotowałem ponad dwieście b[ardzo] smacznych pierogów. Chyba były smaczne bo następnego dnia na obiedzie zjawił się nie tylko ks. Stanisław i pracownicy Kurii, ale sam biskup (Grodecki, 1998, 21).

Przez ostatnie zdanie powyższego ekscerptu przebrzmiewa duma Podróżnika. Pisząc o pierogach, często nie silił się on na udawanie fałszywej skromności:

Termin mojego wyjazdu zbiegł się z urodzinami Jadwigi [...]. Kupiłem po kilka kilogramów ziemniaków, winogron i jabłek, Jadwiga dała mąkę, a pp. Zalescy, mieszkający w pobliżu – biały ser. **Prawie pół dnia przygotowywałem blisko 300 pierogów** ruskich i z winogron, które są tu zupełnie nieznanne. Wieczorem gospodarze wydali wielkie przyjęcie [...]. Niczego co najlepsze na argentyńskim stole, nie brakowało [...] ale ponoć **najlepsze były ruskie pierogi!!!** (Grodecki, 2003c, 16).

Czekała na nas Ewa, [...] która przygotowywała już przyjęcie. **Jak zwykle «gwoździem programu» miały być moje pierogi.** Tym razem udało mi się kupić niezłą mąkę i dwa kg. borówek amerykańskich (Grodecki, 2013a, 109).

W niektórych opisach widoczny jest silny kontrast pomiędzy naszą rodzimą kulturą, reprezentowaną poprzez obecność pierogów, a obcą, odzwierciedlającą się w egzotycznych elementach otoczenia. Kontrasty ten jednak nie różnią, a łączą; wspólne przygotowywanie i spożywanie posiłków odgrywa w poniższym ekscerpcie podobną rolę jak jednocząca narody muzyka czy wspólna religia:

Następnego dnia po wizycie u A. Kardynała Kozłowieckiego [w Zambii], zaprosili mnie do siebie salezjanie w Kabwe, na rekonwalescencję po przebytej malarii. O. Jan b. dobrze gotował i znakomicie przyrządzał mięso. Salezjanie kupili przed świętami na jednej z pobliskich farm pół wieprza i przygotowali z niego: kielbasę, kaszanekę, salceson, golonko i szynkę. Na święta też przygotowano zupełną ćwikłową, bigos z kiszzonej kapusty, a ja **tradycyjnie zrobiłem pierogi.** Tym razem z kapustą i mięsem. **Gdy przyrządzano różne potrawy w cieniu pobliskich drzew, młode dziewczęta murzyńskie całymi godzinami przy dźwiękach tam-tamów ćwiczyły tańce i śpiewy** przed uroczystościami Wielkiej Niedzieli (Grodecki, 1998, 18).

Paradoksalnie, przez twórczość Grodeckiego, obfitującą w niezwykle przygody i opisy zapierającej dech w piersiach pięknej przyrody, nieustannie przewijają się motyw chęci powrotu do domu i ojczyzny. W opisywanych przez Podróżnika peregrynacjach, straszliwa samotność i tęsknota za „domem nad Wisłą”,

bywa często jedynym towarzyszem wędrówek polskich misjonarzy (Grodecki, 2003b, 16) oraz niejednokrotnie – podróżnika. Przebywając długo poza Polską, Grodecki odczuwa dotkliwie brak polskiej mowy (JSz, 2000, 10), widoku zielonych łąk i lasów (Kruszyńska, 2008, 21) oraz polskiej żywności:

[...] przypominałem sobie [...] jedno z moich dawnych marzeń: gdy wrócę do Polski, kupię 20 bochenków chleba, beczkę kapusty i 2 worki ziemniaków i będę tak długo siedział przed tą górą jedzenia, aż to wszystko zjem... (Grodecki, 2003a, 16).

Fragment ten świadczy o tym, jak silnie dla Grodeckiego kulinaria łączą się z mentalnym obrazem ojczyzny. W ekscerpcie tym polski chleb, polskie ziemniaki i kapusta kiszona stają się jej synonimem. Mimo, iż pragnień tych niepodobna zaspokoić w podróży, okazuje się, że chociaż po części moc taką mają pierogi. Są one zdolne do przywoływania bardzo silnych skojarzeń z domem rodzinnym:

Do najbardziej polskich potraw należą pierogi. W naszym kraju mogą być z serem, ruskie, z mięsem, z różnymi owocami i kapustą. Tu poza kapustą nic nie rośnie, zaproponowałem więc pierogi z kapustą i mięsem. Pierogi pod palmą kokosową nad brzegiem Mekongu na pięknie przystrojonym kwiatami tarasie **przenosiły nas myślami nad Wisłę!** (Grodecki, 2006, 40).

Jednak przede wszystkim służą pierogi jako narzędzie promocji Polski. Delektując się ich smakiem, można sobie wyobrażać piękne krajobrazy Polski oraz jej serdecznych i otwartych mieszkańców. Stają się one równocześnie symbolem słowiańskiej pracowitości i fantazji. Wkładanym w ich przygotowanie trudem daje Grodecki żywe świadectwo swoich wszechstronnych umiejętności i przysłówiowej polskiej gościnności.

Równocześnie zdaje sobie Grodecki sprawę z tego, że częstowanie tym niezwykle smacznym posiłkiem może okazać się bodźcem niewystarczającym do nakłonienia napotkanych cudzoziemców do odwiedzenia kraju nad Wisłą. Dlatego w swoich tekstach porusza również temat konieczności wprowadzenia licznych udogodnień w infrastrukturze naszego kraju. Zmiany te polegać miałyby między innymi na uaccessednienu niedrogich i łatwo accessednych usług kulinarnych:

Myśląc zaś o tym, by jak najwięcej cudzoziemców odwiedzało nasz kraj i mogło się o tym przekonać [w jaki cudownym żyjemy kraju], musimy wzorem Zachodu **stworzyć w centrach miast sieć tanich** hoteli, **restauracji** i sklepów z pamiątkami. Trudno uwierzyć, że przeciętny hotel np. w Krakowie jest droższy niż w Las Vegas czy na Hawajach! (Grodecki, 2001a, 3).

Jak wynika z badań opublikowanych przez Polski Instytut Ekonomiczny w 2020 r., propozycje przedstawione w cytowanym artykule były przez Grodeckiego do czasów pandemii stale realizowane, przyczyniając się do wzrostu liczby turystów (Czernicki, Kukołowicz, Miniszewski, 2020, 4). Warto zauważyć, że nie mała rolę w reklamie naszego kraju odgrywają przy tym lokale gastronomiczne, na czołówek najpopularniejszych potraw wysuwają się natomiast nieśmiertelne pierogi.

4. PODSUMOWANIE

Jednym z najpopularniejszych dań kuchni polskiej są pierogi. Mimo, że za ich ojczyznę uważa się Chiny, danie to obecne jest w Polsce już od ponad ośmiu wieków i nadal cieszy się ogromną popularnością. Liczne publikacje książkowe oraz prasowe wskazują na niebagatelne znaczenie tego dania także dla kultury polskiej. Są one obecne zarówno w literaturze oraz sztuce, jak i podczas wszelkich imprez o charakterze kulturalnym. Dostrzegany jest ponadto ich potencjał jako istotnego elementu służącego do reprezentowania kultury polskiej za granicą. Pierogami jako narzędziem promocji Polski za granicą posługiwał się również znany krakowski podróżnik Władysław Grodecki (1942–2018). Z powodu licznych zasług w promowaniu kultury i historii polskiej za granicą prasa krakowska nadała mu miano „wędrownego ambasadora Polski”. Kulinaria odgrywały dla Grodeckiego dużą rolę, a jego metaforyka często nawiązuje do postrzegania świata za pomocą zmysłu smaku. Relacje z licznych podróży po świecie obfitują w opisy przygotowywania pierogów, nadarżających się niejednokrotnie trudnościach ze zdobyciem odpowiednich składników oraz przyjemnościami związanymi z ich degustacją. Poprzez pożywienie Grodecki mógł wyrażać swoją wdzięczność, dumę z bycia Polakiem oraz tęsknotę za Krajem. Niezapomniane smaki dzieciństwa zdolne były przenosić go zarówno w czasie, jak i przestrzeni.

BIBLIOGRAFIA

- Bętkowska, T. (1999). *Smakowanie świata*. Przekrój, 14 marca, 14–15.
- Bętkowska, T. (2002). *Smakowanie świata*. Gazeta Krakowska, 14 kwietnia, 7.
- Czernicki, Ł., Kukołowicz, P., Miniszewski, M. (2020). *Branża turystyczna w Polsce: Obraz sprzed pandemii*. Warszawa: Polski Instytut Ekonomiczny.
- Czerniecki, S. (1682). *Compendium ferculorum, albo zebranie potraw*. Kraków: Drukarnia Ierzego y Mikołaja Schedlow.
- Gliński, M., Davies, M., Żuławski, A. (2018). *Quarks, elephants & pierogi: Poland in 100 words*. Warsaw: Adam Mickiewicz Institute.
- Grodecki, W. (1998). *Afryka*, http://grodecki.eu/frutki.net/aktualnosci/20100503_Afryka, dostęp: 26.06.2021.
- Grodecki, W. (2001a). *Cudze chwalicie, swego nie znacie... (2)*. Nasz Dziennik, 27 marca, 3.
- Grodecki, W. (2001b). *Kraków – perła wśród polskich miast*. Nasz Dziennik, 30 kwietnia – 1 maja, 3.
- Grodecki, W. (2002). *Choć dziwny jest ten świat – to kocham go całym sobą*. W: *Zrozumieć Świat 1. Podręcznik do kształcenia literackiego i kulturowego dla zasadniczej szkoły zawodowej (194–197)*, E. Nowosielska, U. Szydłowska (red.). Poznań: Arka.
- Grodecki, W. (2003a). *Meksykanie kochają Polaków*. Płomyczek, 1, 16–17.
- Grodecki, W. (2003b). *Boliwia*. Płomyczek, 9, 16–17.
- Grodecki, W. (2003c). *Polskie drogi w Argentynie*. Płomyczek, 11, 16–17.
- Grodecki, W. (2006). *Nad Mekongiem*. Płomyczek, 4–6, 40–41.
- Grodecki, W. (2007a). *Dekalog Grodeckiego. IV. Być uczciwym, koleżeńskim i przyjaznym*. Magazyn Podróżników Globtroter, 08 (09), 96.

- Grodecki, W. (2007b). *Dekalog Grodeckiego. V. Mieć umiejętności i wierzyć w siebie*. Magazyn Podróżników Globtroter, 09 (10), 112.
- Grodecki, W. (2007c). *Dekalog Grodeckiego. VIII. Chcieć żyć, czyli opanować sztukę przetrwania*. Magazyn Podróżników Globtroter, 12 (13), 110.
- Grodecki, W. (2010). *Wycieczki szkoleniowe*, http://grodecki.eufrutki.net/niezapomniane_wyprawy/19780102_Wycieczki%20szkoleniowe, dostęp: 2.07.2021.
- Grodecki, W. (2013a). *Ameryka Północna*, http://grodecki.eufrutki.net/aktualnosci/20100502_Ameryka_P%C3%B3%C5%82nocna, dostęp: 26.06.2021.
- Grodecki, W. (2013b). *Dzieciństwo – wspomnienia*, http://grodecki.eufrutki.net/aktualnosci/20100501_Dzieci%C5%84stwo_wspomnienia, dostęp: 26.06.2021.
- Grodecki, W. (2013c). *1500 dni samotnych wędrówek po świecie*, http://grodecki.eufrutki.net/aktualnosci/20100504_1500_dni_samotnych_w%C4%99dr%C3%B3wek_po_%C5%9Bwiecie, dostęp: 26.06.2021.
- Grodecki, W. (2013d). *Moje dzieciństwo i młodość*, http://grodecki.eufrutki.net/aktualnosci/20100505_Moje_dziecinstwo_i_mlodosc-wspomnienia_2013, dostęp: 26.06.2021.
- Grodecki, W. (2018a). *Australia – kontynent zagubiony wśród mórz*. Śląski Kurier WNET, 44, 10.
- Grodecki, W. (2018b). *Doświadczenie pustyni (IV)*. Śląski Kurier WNET, 49, 4.
- Grzelak-Hodor, J. (1998). *Wędrowny Ambasador*. Gazeta Krakowska, 26 czerwca, 17.
- Kosenko A., Kusyk K. (2017). *Władysław Grodecki*. W: *Wielcy Polscy Podróżnicy, Odkrywczy i Zdobycy (70–74)*, M. Apollo, R. Lasyk, R. Rettinger (red.). Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego.
- Kruszyńska, A. (2008). *W 30 lat z Brzeźnicy dookoła świata*, Obserwator Lokalny, 19 stycznia, 21.
- Kuchowicz, Z. (1975). *Obyczaje staropolskie XVII–XVIII wieku*. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie.
- Skrężyna, K. (2012). *Pierogi mogą być polską wizytówką*, <https://dziennikpolski24.pl/pierogi-moga-byc-polska-wizytowka/ar/3171156>, dostęp: 26.06.2021.
- Światała-Trybek, A. (2016). *Salatki mnicha, pierogi św. Jacka, kielbaski z refektarza... na szlaku „świętych” smaków*. Zeszyty naukowe. Turystyka i rekreacja, 1 (17), 147–166.
- Tomaszewska-Bolałek, M. (2018). *Polish culinary paths*. Przeł. M. Gendźwiłł, A. Rosiak. Warszawa: Hanami.
- [Brak autora] (2016). *Mówisz Polska – myślisz pierogi*, <https://prostehistorie.com.pl/blog/mowisz-polska-myslisz-pierogi/>, dostęp: 26.06.2021.

WYWIADY

- (RB) Bodnar, R. (2002). *Wszędzie na świecie są Polacy...*, Nasza Polska, 24 (347), 19.
- (PS) Skrobisz, P. (2009). *Idąc wśród burz i zrzucających z nóg wichrów*, Nasz Dziennik, 28–29 marca, 13–15.
- (JSz) Szarek, J. (2000). *W 300 dni dookoła świata*, Droga, 23 kwietnia, 10–12.

Иван Смирнов (Ivan Smirnov)

 <https://orcid.org/0000-0003-3066-5591>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki

90-236 Łódź, ul. Pomorska 171/173

i.smirnow.edu@gmail.com

ХАРАКТЕРИСТИКА ФЕМИНИТИВОВ В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ¹

Characteristics of Feminitives in Russian-Language Media Discourse

Резюме

В статье представлены предварительные комментарии, объясняющие популярность феминитивов, и аргументация, касающаяся причин появления новых форм в русском языке.

В русскоязычном медийном пространстве функционирует ограниченное количество лексических единиц, которые активно используются и критикуются коммуникантами. Новоявленные модели феминитивов репрезентируют женщин, деятельность которых связана с масс-медиа, сферой искусств, образованием. Отсутствуют профессионализмы, относящиеся к рабочим специальностям, успешно освоенным женщинами. Непродуктивность морфологических трансформаций новых лексем является результатом использования небольшого числа приемлемых суффиксов, находящихся в распоряжении участников дискурса.

Феминитивы новой волны, как средство борьбы участников феминистического движения и действенных представителей блогосферы за русскоязычное медийное пространство, указывают не только на присущность субъекта к определенной профессиональной деятельности, но и участвуют в маркировании гендерной принадлежности человека. Фактором, тормозящим процесс распространения феминитивов в различных медиаконтентах, является нарушение системности в языке, например, влияние акцентологических правил русского языка на создание новых лексических вариантов активными участниками феминистских движений были заложены концептуальные рамки, позволяющие использовать лимитированное количество возможных моделей феминитивов.

Ключевые слова: феминитивы, словообразование, русский язык, медийный дискурс, медиапространство.

¹ Статья публикуется с целью дискуссии.

Summary

The article presents preliminary comments explaining the popularity of feminitives, and arguments regarding the reasons for the emergence of new forms in the Russian.

In the Russian-language media space there is a limited number of lexical units that are actively used and criticized by communicants. Newly emerged models of feminitives represent women whose activities are related to the media, the arts, and education. There are no professional qualifications related to working specialties successfully mastered by women. The unproductiveness of morphological transformations of new lexemes is the result of the use of a small number of acceptable suffixes at the disposal of discourse participants.

Feminitives of the new wave, as a means of struggle by participants in the feminist movement and active representatives of the blogosphere for the Russian-language media space, indicate not only the subject's affinity for a certain professional activity, but also participate in marking a person's gender. A factor slowing down the process of dissemination of feminitives in various media contents is a violation of consistency in the language, for example, the influence of accentological rules of the Russian on the creation of new lexical variants. Active participants in feminist movements laid down a conceptual framework that allows the use of a limited number of possible models of feminitives.

Keywords: feminitives, word building, Russian, media discourse, media space.

Свободный доступ к Глобальному информационному универсуму и вербальное столкновение ментальных лексиконов индивидов провоцируют возникновение в социальных медиа различных дискурсов, наиболее популярным из которых является медиадискурс. Современные сетевые коммуникации, открытый доступ к различным медиаплатформам позволяют пользователям интернета первыми реагировать на появление неологизмов в русском языке. Таким образом, появление феминизмов, новых языковых высказываний не проходит незамеченным для участников массовых коммуникативных событий, неравнодушных к стихийному засорению языка.

Исходя из определения массовой коммуникации, которая «не является фактом культуры, потому что произведения ее не хранятся или хранятся в отдельных материалах» (Жеребило, 2010, 188), участники в ходе медийного дискурса выясняют, активно ли используется в языке тот или иной феминизм, и поскольку массовый адресат социально разносторонен, то корректный вариант использования лексемы осмысливается и утверждается коллективно. Характерной чертой медийного дискурса является минимальное присутствие в нем фатической составляющей, которая не подразумевает использование языка только для установления и поддержания психологического контакта участников речемыслительной деятельности. Нарраторами медиатекстов, содержащих новые формы феминитивов, зачастую выступают активисты феминистических движений, общественные деятели, журналисты. Как правило, вербально оформленная мысль мгновенно подхватывается большинством участников медиадискурса и подвергается аргументированному раз-

бору и рекомендациям по корректному использованию ее в текстах с целью воздействия на общественное мнение.

История развития феминистского движения XIX нач. XX вв. ознаменовалась тем, что женщинам Европы удалось добиться определенных прав, в частности, получить доступ к образованию. Как отмечает исследователь Валери Брайсон, первоначально феминист (ка) был человек, поддерживающий «равные юридические и политические права женщин с мужчинами» (Брайсон, 2001, 7). Исходя из данной трактовки получается, что феминисткам изначально было безразлично, отстаивают их права мужчина или женщина. В России в результате Великой Октябрьской социалистической революции к власти пришла партия большевиков. Она законодательно закрепила равные права мужчин и женщин на участие в политической жизни; избирательное право в органы государственной власти; фиксированный рабочий день; доступ во все высшие учебные заведения и др. (Волкова, 2017, 275). В 30-е годы XX века в европейских странах на фоне трансформации экономики, создания предприятий по выпуску новой продукции центральной проблемой становится отсутствие женщин в сфере производства, политических и административных структурах. Все больше европейских женщин вступают в борьбу и отстаивают свои права за равенство с мужчинами в политической, юридической и социальной сферах. В 60-е годы получает развитие либеральный феминизм, который характеризуется пересмотром социальной роли женщины-матери, ведь рождение детей по сути является главным маркером принадлежности к женскому полу. В данный период, собственно, и были заложены предпосылки создания современной гендерной теории со стиранием половой принадлежности. В контексте феминистской политики Брайсон отмечала, что либеральный феминизм характеризуется смешением идей, которые, с одной стороны, охватывают политическую деятельность женщин, а с другой – сконцентрированы на ее роли в бытовой жизни (Брайсон, 2017, 161). Таким образом, транслируемое равенство заключалось в уничтожении женских ценностей с устоявшимся укладом существования. По мнению американского философа Джудит Батлер, минусом является то, что женщины сконцентрировались на своей сексуальности, осознании гендера и лесбийской проблематике (Батлер, 2022, 88). В данный период возникают противоречия и разделения взглядов внутри феминистских направлений, получает развитие радикальный феминизм (радфем), определивший своей целью борьбу женщин за равные права с мужчинами на политическом поле. По сути, как выяснилось, это было последнее активное политическое движение, основанное на отстаивании прав женщин. С критикой патриархальной системы и существующей терминологией можно ознакомиться в обзорной статье см. I. Smirnov 2021, I. Smirnov 2022.

В последнее десятилетие в медийном дискурсе активно обсуждаются феминитивы, заполнившие контент массмедиа. Вербальная коммуникация

не случайным образом была выбрана в качестве инструмента донесения феминистских идей. Данное предположение подтверждается тем, что активность феминисток не нашла отражения в таких сферах как «язык изобразительного искусства», «язык музыки» и т.д., даже современной поэзии не удалось уловить тональность ситуации и времени. Собственно говоря, поэтому дискуссии и разгорелись в медийном пространстве, неограниченность которого позволяет оперативно доносить идеи и привлекать к их обсуждению огромное количество участников. Феминисткам удалось с помощью новой лексики привлечь к себе внимание, но не получилось в полной мере донести информационный продукт до большинства адресатов целевых аудиторий, рассеянных в разных каналах коммуникации.

Причины быстрого взлета и упадка интереса к феминитивам можно связать со следующими факторами:

1. Ограниченное количество лиц, вовлеченных в борьбу за феминистическое движение, поэтому новые словообразовательные модели касаются узких сфер деятельности, например, *блогерка*, *режиссерка*, *кураторка*, отсутствуют феминитивы, маркирующие принадлежность к рабочим, «нетворческим» специальностям.

2. Отсутствие единой повестки, PR-стратегии, способной объединить вокруг себя единомышленников для обеспечения более эффективного диалога с обществом.

3. Изолированность участников феминистического движения, как пример – кафе в Санкт-Петербурге, куда вход мужчинам был запрещен; недопуск к публичному обсуждению представителей неформальных социальных групп, геев, трансгендеров, небинарных личностей.

4. Упадок активности участников «квир-революции» в Европе.

5. Солидарность женщин в уничтожении «женских ценностей».

6. Навязывание бинарной позиции: за и против новых вариантов феминитивов.

7. Изменение политической повестки в РФ.

Гипотетически можно предположить, что механизм соучастия с представителями феминистского движения не сложился в силу вышеизложенных факторов, а чтобы позиция феминисток была более результативной, необходимо вовлечь в процесс обсуждения феминитивов, возможно, большее количество участников блогосферы. В первую очередь это показательно продемонстрирует, как новые формы феминитивов, еще не ставшие литературными версиями слов, служат инструментом для единственной цели: завоевать место в медийном пространстве и донести до социума феминистские идеи. Одной из причин утраты интереса к новой лексике также мог стать одобренный Советом Федерации и принятый в России пакет законов о запрете «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений или предпочтений, педофилии и смены пола», распространения материалов, которые

«пропагандируют нетрадиционные сексуальные отношения или предпочтения» в рекламе, книгах, кино и массмедиа. Авторы поправок назвали их законами «О запрете ЛГБТ-пропаганды»².

Аналогичный процесс, связанный с упадком интереса к новой лексике, происходил в русском языке в период с 2003 по 2007 годы, когда в интернет-пространстве в переписке люди активно использовали так называемый «олбанский язык» (падонкаффский, «олбанский йезыг»). В тот период времени были популярны следующие устоявшиеся лексические формы: *я плакаль, споки, чмоки, привет медвет, ржунимагу, аффттар жжжот, баян, креведко* и т.д. Это была осознанная игра людей со словами, которая в последующем привела к тому, что данные лексемы перестали использоваться в языке и попали в категорию пассивных слов и выражений.

ХАРАКТЕРИСТИКА НОВЫХ ФОРМ ФЕМИНИТИВОВ

Большинство статей, касающихся новых форм феминитивов, было опубликовано в массмедиа в период с 2019 по 2021 год. В данный отрезок времени русскоязычное медийное пространство накрыла огромная волна неологизмов, такое количество новых слов участникам медиадискурсов оказалось очень сложно «переварить». Предположительно в 2021 году популярность феминистической лексики пошла на убыль, однако только после фиксации падения активности запросов в русскоязычном сегменте интернета допустимо делать первоначальные выводы. На примере слова *блогерка* можно проиллюстрировать шкалу запросов в поисковой системе Google, т.е. предположительно 2 года назад люди были вовлечены в процесс оценки и обсуждения новых форм феминитивов.

Рис. 1. Динамика популярности слова «блогерка»

² <https://journal.tinkoff.ru/news/zapret-lgbt/>, доступ: 30.08.2023.

Фонд «Общественное мнение» проводил опрос об отношении к феминитивам. Согласно результатам опроса, более 60% респондентов не принимают феминитивы, 68% никогда не слышали современных феминитивов «авторка», «блогерка». При этом 74% отметили неготовность к реформам языка в этом направлении³.

Наиболее продуктивным вариантом образования новых лексем оказался суфф. *-к-*. Можно привести ряд феминитивов, образованных с помощью суфф. *-к-*: *авторка, блогерка, дизайнерка, президентка, режиссерка, кураторка, поэтка, дизайнерка, организаторка, волонтерка, операторка, комментаторка, дикторка, профессорка*. Российский исследователь Мазикина, автор *Малого справочника феминитивов*, также отмечает продуктивность словообразования с данным суффиксом и подчеркивает его явное доминирование при образовании новых версий слов (Мазикина, 2019, 40). С одной стороны, суфф. *-к-* является универсальным морфологическим элементом, с которым не возникает трудностей при образовании феминитивов, с другой – складывается впечатление о нарочитом акцентировании именно на этом суффиксе. Связано это с тем, что данный суффикс является признаком «новой» волны феминитивов, значит, наделяет субъект определенными характеристиками, и даже может указывать на приверженность к феминистскому движению или на гендерную ориентированность.

Часть новых феминитивов включена в общую смысловую парадигму (семантическое поле), условно обозначенную активными интернет-пользователями. В частности можно привести следующие дериваты: *стримерша, тиктокерша, ютуберша, лайфхакерша*. В данном случае в феминитивах заложены паттерны поведения, отвечающие следующим характеристикам:

1. Стримерша – человек, способный долгое время вести стримы.

2. Ютуберша – человек, имеющий свой ютуб-канал.

3. Тиктокерша – активный пользователь тик-тока.

4. Лайфхакерша – человек, дающий ценные советы в интернете на разные темы.

В продолжение темы приведем еще несколько примеров феминитивов с суффиксом *-ш(a)*: *капитанша, директорша, парикмахерша*, где также характеризуется род занятий, исключением является лексема *генеральша* (жена генерала) (Лопатин, Улукханов, 2016, 694). По всей видимости, причиной ограниченного использования феминитивов с суффиксом *-ш-* является существование фамильярного, пренебрежительного контекста. Автор Гузарева в своих исследованиях подтверждает, что суфф. *-ш-* менее частотен по сравнению с суфф. *-к-*, однако феминитивы с суфф. *-ш-* в медийном пространстве не имеют идеологических оснований, ср. например, *блогер – блогерка – блогерша*. Однако стоит внести уточнение, что новых феминитивов с суфф.

³ <https://donstu.ru/news/intervyu/avtorka-bloggerka-strimersha-kak-feminitivy-prizhivayutsya-v-russkom-yazyke/>, доступ: 25.08.2023.

-ш- очень мало, т.е. пейоративностью или маркированностью к мужскому полу они все-таки обладают (Гузаерова, 2019, 111).

Стоит обратить внимание на варианты лексических единиц, в которых суффиксы *-ш-* и *-к-* не конкурируют между собой, а используются в зависимости от того, какой характеристикой должен быть наделен субъект.

5. Петербургская *депутатка* может стать ректоркой московской «Шанинки»⁴.

6. Две пьяные омские *депутатши* выбили дверь в квартиру узбекской семьи⁵.

Схожим образом выглядит ситуация с примерами: *врачина*, *педиатрина*, *психологиня*, *онкологиня*, где данные слова условно объединены профессиональной принадлежностью к врачебному делу. Между тем в русском языке уже существует подобный ряд словообразовательных синонимов: *врач* – *врачиха* – *врачина*.

Молодая *врач* поставила мне укол.

Я запомнил эту *врачиху* на всю жизнь!

К нам устроилась работать молодая *врачина*.

В профессиональной сфере *врач* является гендерно-нейтральным словом, однако сохраняет черты мужской принадлежности и не воспринимается феминистками как подходящий вариант. Приведенный выше феминитив *врачиха* характерен пренебрежительным оттенком, стало быть, предполагает скверный нрав человека, а также его низкий профессиональный уровень. В противовес этому феминитив *врачина*, с одной стороны, маркирует человека по женским признакам, а с другой – стирает уничижительные черты, навязанные словом *врачиха*.

Очередным примером привязанности к персоналиям и гендеру может служить следующий лексический ряд: *поэт* – *поэтесса* – *поэтка*. При использовании слова *поэт*, требуется дополнительный лексический и грамматический инструментарий, указывающий на женский фактор, например:

Она *поэт* огромного масштаба!

Феминитив *поэтесса* однозначно соотносится с женским полом, но задает уровень корреляции, при котором женщине приходится конкурировать на одном поле с мужским поэтическим творчеством. Наиболее релевантным в этом смысле представляется слово *поэтка*, активно используемое в медийном дискурсе, оно является более мягким вариантом, без ареола конкуренции и ответственности. Следовательно, утверждение, что процесс образования новых форм феминитивов имеет стохастический характер, является ошибочным (см. Лаппо и Малиновская, 2020).

⁴ <https://paperpaper.ru/papernews/2023/3/9/peterburgskaya-mundepka-mozhet-stat-r/>, доступ: 30.08.2023.

⁵ <https://baikal24.ru/text/17-09-2022/007/>, доступ: 30.08.2023.

ВЫВОД

В настоящее время в науке не представлены фундаментальные исследования актуальных феминитивов, в силу этих причин выстраивание предикторов, объясняющих снижение интереса участников медиадискурса к появлению новых словообразовательных моделей, не представляется возможным. Важным пунктом исследования феминитивов является сохранение нейтральности, которое позволяет выявить недостатки аргументации каждой из сторон. Если исходной позицией в исследовании языкового материала является мужчина, то в противовес должны быть актуальные языковые данные с женскими характеристиками (Anchimiuk, 2020, 262). По всей видимости, словообразовательные модели были основаны как на общей «наивной» мотивации сторонников феминистского движения, так и на грамматических закономерностях, регулирующих словообразовательный процесс в русском языке. Отношение к процессу выстраивалось по линии поляризации мнений на почве принятия и отторжения новой лексики.

На данный момент процесс атомизирован и не вызывает активных дискуссий в русскоязычном медийном пространстве. Стоит учесть, что данная тенденция затронула не только устную речь, но и письменную. Адресант при использовании феминитивов маркирует не только профессиональную принадлежность личности, но также идентифицирует субъекта по сексуальной принадлежности. Данный словообразовательный процесс оказался притягателен, так как способствовал созданию ранее не зафиксированных словообразовательных моделей феминитивов, с помощью которых актуализировалось создание новых нарративов. По всей видимости, компромиссом в данной ситуации является вариант гендерно-нейтральной лексики – *врач, доктор, риелтор, юрист*, нейтральность которой в перспективе может быть достигнута путем размывания семантической составляющей профессионализмов.

В русском языке успешно функционируют феминитивы, образованные от существительных с конечным ударным слогом, например: *студэнт – студэнтка, магистрант – магистрантка, пассажир – пассажирка*. Альтернативные варианты с ударным начальным или вторым слогом, видимо, создают трудности коммуникантам и не соотносятся с привычной акцентологической моделью. К данной категории относятся слова: *блóгер – блóгерка, курáтор – курáторка, дирéктор – дирéкторка*.

Удивление вызывает огромное количество статей, посвященных использованию феминитивов в медиадискурсе, с прогнозами внедрения в русский язык новых слов феминистской субкультуры без каких-либо подтверждающих факторов, что является некорректным и преждевременным. Однозначно можно сказать, что практическая рациональность представленных морфологических трансформаций феминитивов дополняет семантику слов, следова-

тельно, данные дефиниции можно кодировать, т.е. включать их в возможные трактовки слова. Феминитивы ставят адресанта перед выбором и заставляют выстраивать более эффективные стратегии общения. Можно представить 3 возможных варианта:

1. Использование новых форм феминитивов в любой ситуации.
2. Использование новых вариантов слов выборочно, предварительно изучив существенные характеристики субъекта (адресата).
3. Консервативно придерживаться «старой» нормы.

При этом необходимо учитывать, что человек в подобной ситуации будет вынужден выстраивать демаркации, исходя из ситуативности и своих этических взглядов. В заключение можно сказать, что интерес к феминизмам в русскоязычном медиадискурсе вызван потребностью и стремлением социума к более полному отражению реалий современной жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анчимиук, О. (2020). *Речевой этикет в произведениях русской литературы XIX века*. Белосток.
- Батлер, Д. (2022). *Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности*. Москва.
- Брайсон, В. (2021). *Политическая теория феминизма*. Москва.
- Волкова, Е.Ю. (2017). *Что дала революция 1917 года в России?* Вестник КГУ, 4, 275–277.
- Гузаерова, Р.Р. (2019). *Блогер или блогерша: русские феминитивы с формантом ш(а) в современном медиaprостранстве*. Ученые записки Казанского университета, 105–116.
- Жеребило, Т.В. (2010). *Словарь лингвистических терминов*. Назрань.
- Лаппо, М.А., Малиновская, Н.И. (2020). *Параметризация базы данных узуальных и незуальных феминитивов*. Вопросы лексикографии, 18, 52–72.
- Лопатин, В.В., Улуханов, И.С., (2016). *Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка*. Москва.
- Мазикина, Л. (2019). *Малый справочник феминитивов*. Екатеринбург.
- Смирнов, И. (2021). *Метафора как механизм разрушения гендерных стереотипов*. Вопросы семантики и стилистики текста: лингвистический дискурс, 61–70.
- Смирнов, И. (2022). *Проблема гендерной идентичности в новелле «Легкое дыхание» И. Бунина*. Slavia Centralis, 15, 249–262.
- Смирнов, И. (2022). *Специфика языка миров Ивана Бунина*. Lodz.

- Anchimiuk, O. (2020). *Rechevoy etiket v proizvedeniyakh russkoy literatury XIX veka*. Belostok.
- Batler, D. (2022). *Gendernoye bespokoystvo: feminizm i podryv identichnosti*. Moskva.
- Brayson, V. (2021). *Politicheskaya teoriya feminizma*. Moskva.
- Guzayerova, R.R. (2019). *Bluger ili bloggersha: russkiye feminitivy s formantom sh (a) v sovremennom mediaprostanstve*. Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta, 105–116.
- Lappo, M.A., Malinovskaya, N.I. (2020). *Parametrizatsiya bazy dannyykh uzual'nykh i neuzual'nykh feminitivov*. Voprosy leksikografii, 18, 52–72.

- Lopatin, V.V., Ulukhanov, I.S., (2016). *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka*. Moskva.
- Mazikina, L. (2019). *Malyj spravochnik feminitivov*. Yekaterinburg.
- Smirnov, I. (2021). *Metafora kak mekhanizm razrusheniya gendernykh stereotipov*. Voprosy semantiki i stilistiki teksta: lingvisticheskiy diskurs, 61–70.
- Smirnov, I. (2022). *Problema gendernoy identichnosti v novelle Legkoye dykhaniye I. Bunin*. Slavia Centralis, 15, 249–262.
- Smirnov, I. (2022). *Spetsifika yazyka mirov Ivana Bunina*. Lodz.
- Volkova, E.U. (2017). *Chto dala revolyutsiya 1917 goda v Rossii?* Vestnik KGU, 4, 275–277.
- Zherebilo, T.V. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. Nazran'.

Тогжан Жапарова (Togzhan Zhaparova)

 <https://orcid.org/0000-0003-4381-0743>

Казахский национальный педагогический университет им. Абая

Кафедра русского языка и литературы

пр. Достык, 13

050010, Алматы

t.zhaparova@gmail.com

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ КАК РЕАКЦИИ НА КАЗАХСТАНСКУЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Synergetic Analysis of Word-Forming Processes as Reactions to Kazakh Realness

Резюме

В статье язык описывается не просто как способ общения, а как сложная и открытая система, способная реагировать на происходящую действительность. Подвергаясь влияниям извне, система языка утрачивает равновесность. Этот процесс усложняется в связи с перманентным потоком информации и ее обменом с внешней средой. В центре внимания находятся периоды переходного момента, замена на новое, обусловленная неупорядоченностью, образованием диссипативной системы, сопровождающаяся энтропией, периодом образования нового – бифуркационным процессом, а также притяжением (аттрактором) динамической системы, что приводит к частотным употреблениям и развитию словообразовательных форм. Это способствует формированию коррекции нормы или приобретению иных черт. Мы наблюдаем, как новые элементы укореняются в языке и в процессе функционирования двух языков – казахского и русского. Актуальность исследования заключается в анализе процесса возникновения словообразовательных явлений во время январских событий 2022 г. в Казахстане, показанных в современных средствах массовой информации.

Весь процесс рассматривается с позиции синергетики. В данном случае синергетика дает возможность видеть в ней подходы для анализа изменений в языке посредством достижения точки равновесия, адаптации и принятия языковых элементов.

Цель данной статьи – определить и изучить синергетический аспект адаптации словообразовательных форм в иноязычной среде, где определяется выбор из множества того, что

является признанным в настоящее время. В статье отражаются базовые понятия данного направления в современной лингвистике.

Ключевые слова: синергетика, диссипативность, энтропия, хаос и порядок, бифуркация, флуктуация, словообразование, коммуникативная среда.

Summary

The article characterizes language not only as a way of communication, but as a complex and open system that is capable to react to modern reality. Under the external influences, the language system loses its balance. This process becomes more complicated due to the constant flow of information and its exchange with the external environment. The focus is on periods of transition, replacement with a new one, caused by disordering, the formation of a dissipative system, accompanied with entropy, the period of formation of a new one – a bifurcation process, as well as the attraction (attractor) of a dynamic system, which leads to frequent use and the development of word-formation forms. As a result, it contributes to the formation or correction of the norm, other features are acquired, where we observe how new elements take root in the language and in the process of functioning of two languages – Kazakh and Russian. The relevance lies on the analysis of the process of a word-forming phenomenon during the January unrests in 2022, in Kazakhstan shown in mass media.

The whole process is considered from the synergy position. In this case, synergetics makes it possible to see in it approaches for analyzing changes in the language by reaching a point of balance, adaptation and acceptance of language elements.

The purpose of this article is to identify and study the synergistic aspects of the adaptation analyses of word-formation forms in a foreign language environment, where the choice is determined from the varieties of what is currently known. The article reflects the basic concepts of this trend in modern linguistics as well as.

Keywords: synergetics, dissipativity, entropy, chaos and order, bifurcation, fluctuation, word formation, communicative environment.

ТЕОРИЯ ВОПРОСА

Общеизвестно, что русский язык в Казахстане функционировал и вносил свои коррективы более чем 300 лет. Взаимодействие и взаимовлияние казахского и русского языков было неизбежно. Но нужно отметить, что за последние 30 лет независимости стремительно растет интерес к осложнению функционирующих языков в Казахстане третьим языком – английским. Социальные модели и отношения английского языка в неанглоязычной среде Казахстана со временем меняются в зависимости от международных и локальных обстоятельств, а также среди разных сообществ внутри страны (Fimuar, 2014, 178). Поэтому при изучении становления и развития языковой ситуации в стране, лингвисты всегда обращали внимание на вопрос о формировании новых элементов в языке и их дальнейшей адаптации. Как

отмечает Н.В. Дрожащих, язык – это неотъемлемая часть культуры и окружающей среды. Посредством открытости языка человек может взаимодействовать с окружающей средой как носитель. Здесь окружающая среда не только физическая, в которой проявляется язык, но и культурная (Дрожащих, 2012, 10). Отчасти уже к концу XX века пошла некая мода на синергетику, которая признается действенным подходом для рассмотрения данной проблемы по сей день.

В процессе взаимодействия языков вследствие непрерывных движений в условиях устойчивого равновесия формируется новое упорядочение, системное взаимовлияние. В первую очередь такие новшества должны быть приняты в коммуникативной среде. Мы рассматриваем такие возможности, как адаптация инноваций, которая детерминируется выбором из нескольких вариантов того, что актуально в данный момент и утверждается в языковой среде. С одной стороны, появление такого процесса приводит к обновлению неологизмов, формированию порядка, но, с другой стороны, происходит разрушение нормы, появление нового в системе языка (Гак, 2003, 286). Приспособление иноязычных элементов может привести не только к изменению структуры слова, но и смысла, к дальнейшей деривации исходной лексемы при помощи средств языка-реципиента. Данный феномен создает модель сложного поведения системы языка как во времени синхронных явлений, так и в исторических процессах. Таким образом, данный опыт применения синергетического подхода дает возможность рассматривать процесс внедрения и адаптации новых иноязычных элементов в языке.

Обращение к принципам лингвистической синергетики позволяет исследовать механизмы самоорганизации языка. Исследования синергетики показывают, что у живой природы существуют системы, способные к самоорганизации, когда природа реагирует на внешние воздействия, причем эти воздействия являются специфическими и навязывают системе структуру или функционирование. Постоянные притоки энергии и информации извне и их распространение во внешнюю среду обусловлены диссипативным процессом (Сафина, Бакиев, 2016, 404). Диссипативность рассматривается как рассеяние, неравновесность системы, которая находится в постоянном обмене со средой. Она проявляется в том, что меняются сами элементы среды, связи и отношения между привычно существующими элементами и новыми. Такое начало данного процесса представляет собой этапы неустойчивости, хаоса и беспорядка, которые когда-нибудь должны закончиться. В дальнейшем он может сопровождаться энтропией как показателем неупорядоченности и неравновесности. Энтропия – это функция состояния системы, следовательно, это зависящая переменная величина неупорядоченности в системе, то есть не сама неупорядоченность, а большая или меньшая ее степень, показатель наличия в системе (Некипелова, 2013). В условиях неравновесной среды, созданной действительностью, система достигает точки

бифуркации и дает начало дальнейшему пути. Бифуркация рассматривает развитие любой системы и имеет свою точку предела, границы существования порядка, в результате которого формируется его новое качественное состояние. Данный термин употребляется для обозначения всевозможных качественных перестроек, которые изменяются плавно (Музыка, 2011, 87). Новые явления языка в своем поведении притягиваются к наиболее упорядоченной области, то есть к аттрактору, так как цель системы – это наиболее благоприятный для нее режим. В результате формируется его новое качественное состояние в так называемый переходный момент. Посредством притяжения окружающих элементов, аттракторы задают эволюцию системы, подчиняют и направляют ее развитие (Хайдарова, 2008, 204). Достижение равновесия и сам процесс организации приводят к новым чертам в плане выражения, в использовании в коммуникативной среде. Вышеназванные положения дают возможность обратиться к рассмотрению поведения системы в чуждых для нее условиях. Так чужие друг другу языки, функционирующие в условиях иноэтнической среды, должны приспособливаться к ней. Оттого неизбежным становится включение новых элементов в систему (Шайбакова, 2008, 48).

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Язык – это открытая нелинейная система, которая реагирует на происходящую реальность, функционирует по своим внутренним законам, развивается и изменяется (Вежбински, 2017, 69). При развитии и изменении язык копит в себе исторические события, нормы общества, но наиболее важными являются трансформационные процессы, такие как, например, распад Советского Союза (в нашем случае – это общеизвестные протесты и реформы, *январские события* в Казахстане 2022 года) и вытекающие из этого последствия. Тем самым накопленное богатство становится настоящим ключом к пониманию мира. Такими открытыми нелинейными системами являются диссипативные системы, которые становятся объектом синергетики. В языке диссипация означает «выброс вовне» старых элементов и наличие «внешних поступлений», их замена на новые (Коваль, Амаатов, Кураш, 2015, 17). Ярким примером того, насколько точно и быстро язык реагирует на разного рода социальные изменения, могут служить языковые явления, возникшие как реакция на *январские события* в Казахстане 2022 года. Состояние быстро меняющихся социально-политических и экономических обстоятельств современной жизни выдвигает новые требования к изучению окружающей среды. Журналисты и общественные деятели назвали это со-

бытие «кровавым январем», они освещали происходящие политические события в отечественных средствах массовой информации – на телевидении, радио, интернет-порталах, газетной печати. Существенной причиной произошедших в Республике Казахстан массовых протестов в январе 2022 года считают накопившееся недовольство народа на фоне многолетнего выстраивания правил власти в стране (Пархитыко, Бисеров, 2022, 14). Такие события и реакция народа привели к порождению новых словообразований. Вполне естественно, что такие новообразования станут маркерами, символами 2022 года по примеру того, как в 90-х годах ими были слова типа *глянец*, *олигарх*, *ваучер*, *бригада* и др. Нужно отметить, что новые условия распространения средств массовой информации (СМИ) способствуют невероятному ускорению всех процессов, изменения ощущаются мгновенно. Российский ученый В.Г. Костомаров в свое время писал о влиянии газетной печати как о стремительно растущей передаче информации, которая захватывает наряду с новыми, миллионы и миллионы людей (Костомаров, 1971, 89).

Образование новых слов рассматривается в переходном моменте от процесса неустойчивости – колебаний (флуктуаций), где усваиваются внешние воздействия и находят конечную точку в системе (Еникеева, 2007, 177). Колебание может сопровождаться энтропией, которая указывает на меру неопределенности. Такое явление неопределенности, неравновесности вызвано наличием макроскопических процессов обмена энергией и информацией между элементами крайне неустойчивого состояния системы. В пределах словообразовательной макросистемы может происходить деление ресурсов и перераспределение накопившейся информации между элементами самой диссипативной системы. Так, например, при появлении номинации одного языка по аналогии, она начинает функционировать в условиях другого языка, в котором начинают замечаться новообразовательные элементы. В результате этого могут появиться динамически развивающиеся деривационные образования, которые возникают вследствие словосложения и приобретения новых значений, появившихся в наше время. Например, все чаще в новостных интернет-порталах встречается заимствование с английского языка *бот* (с англ. робот, искусственный интеллект), созданный по специальной программе и выполняющий автоматические, повторяющиеся действия (Rigdon, 2016, 168). Слово особенно популярно в сфере рекламы. Определение приобрело особую популярность во время президентских выборов в Соединенных Штатах и активизировалось в агитационной форме через мессенджеры и социальные сети. Такое явление затронуло и *январские события*. Определение быстро приобрело известность в процессе сложения сокращенной основы *нур* (от имени первого президента Нурсултана Назарбаева) и английского заимствования *бот* – *нурбот* (Адилъхан, Исабекова, 2020). В условиях бурных событий данное образование приобрело эмоционально-экспрессивный характер с большей степенью негативной окраски и стало использоваться как

политический инструмент. В деривационном процессе к указанной номинации добавилось еще одно значение. Так называют людей, которые создавали страницы социальных сетей и продвигали имидж президента. В прессе зафиксированы следующие примеры:

В Казахстане провластных блогеров и экспертов называют «нурботами», они, в свою очередь, называют своих критиков *диван-батырами*. Это называется навешиванием ярлыков (Detector.media, 2022).

Отвечая на вопрос о *нурботах*, Маулен Ашимбаев подтвердил, что такой термин ему знаком, однако заверил, что принципиальная позиция партии – открытость и прозрачность (Матрица.kz, 2022).

Таким же успехом пользуется новообразование *кремлебот*, созданное на базе двух мотивирующих основ русского и английского языков. Данное сложение набирает популярность с начала военного конфликта в России и Украине:

Tik tok забанил сотни аккаунт *кремлеботов*. По данным издания, эти боты распространяли дезинформацию о войне в Украине среди пользователей в странах Европы (Mignews.org, 2023).

Открытость как «размытость границ» диссипативной системы за счет обмена информацией привела к переходному моменту, появилось множество путей эволюции данной языковой системы, возможность преобразования и приобретения иных черт (Гураль, 2007, 7). Это позволяет описывать бифуркационный процесс. В развитии и преобразовании языка бифуркация дает возможность формировать новые структуры, модели поведения, то есть в линейно упорядоченной цепочке лексем может возникнуть новое качество. Под влиянием тенденции к усилению экспрессивности сокращенная основа *нур* развивается в направлении контаминационного словообразования. В речи носителей как русского, так и казахского языков появляются также другие образования: *нурбанистика*, *нуризация*, *нуристан* (за счет тенденции на переименование городов, улиц, парков на имя бывшего президента страны), *елбасизация* (елбасы – пер. с каз. ‘лидер нации’):

Режим переключился на консервацию текущего статус-кво, продолжая *нуризацию*, которая вылилась в числе прочего в смену вывесок на переименованных в честь Нурсултана Назарбаева центральных улицах крупных городов (Радио Азаттык, 2020).

В новой коммуникативной среде, посредством уже имеющихся языковых средств и приемов, продолжают возникать новые идеи как реакции на происходящие события в окружающей действительности. Слова, образованные от тех же основ (от имен двух политических лидеров современного Казахстана) создают новые лексемы: *по-назарбаевски*, *по-токаевски*.

Гамбит *по-назарбаевски*... Нурсултан Назарбаев посетил в столице музей самого себя, ну а поводом для визита стала выставка картин и поделок, организованная в рамках Фестиваля детского творчества «Мой Казахстан – моя земля» (Rz.Expert, 2022).

За 31 постсоветский год в Казахстане было лишь два главы государства. К чему может привести модернизация политической системы *по-токаевски* уже после выборов? (News.ru, 2022).

При взаимодействии казахского и русского языков не меньшим успехом у носителей пользуются и такие словообразования: *по-казакбайски* (отмечая казахский стиль), *по-мамбетски* (уничижительное для выходцов из сельской местности), *по-аульски* (деревенский стиль), *по-астанински* (по правилам столицы).

Конкурс на лучшее приветствие *по-аульски* объявил Нуртас Адамбай (Informburo.kz, 2016).

Во время январских событий появились следующие словообразования (основа + суффикс -ск-): *назарбаевская* форма правления, *токаевская* перестройка.

Проект космического ракетного комплекса *Байтерек* на Байконуре не планируется переименовывать в *Назарбаевский старт* (Forbes.kz, 2023).

Токаевская перестройка в Казахстане: усилить роль парламента, уменьшить роль «семьи» (Bbc.com, 2022).

В лингвистике такие изменения понимаются как реакция на происходящее и некая замена устаревших лексических моделей на новые языковые элементы.

Принятие обществом вышеприведенных новообразований и их употребление может привести к формированию нормы, к разрушению укоренившегося (Шайбакова, Жапарова, 2021, 59). Если инновации укоренятся в языке, то перестройка и развитие иных черт неизбежно. Происходит переосмысление важных законов в системе языка, изменение норм. Так, усиление смешения казахских основ с русскими морфологическими законами следует рассматривать как внедрение иных черт. Такой процесс происходит по разным причинам: калькирование, упорядочение по аналогии, сопровождающееся флуктуацией, случайные факторы, временная тенденция. Благодаря случайным колебаниям и осуществляется переход системы на качественно новый уровень. Ученый Р.Г. Пиотровский считает, что затухание или возрастание воздействий извне не зависит от самой системы, поэтому заранее предугадать судьбу системы вблизи критической точки X (точки бифуркации) невозможно. Случайность может подтолкнуть как на разрушение, так и на новый путь эволюции (Пиотровский, 2006, 59).

В процессе обмена информацией, упорядочения систем и взаимодействия контактной сферы, происходит притяжение (аттрактор) подвижной динамичной системы и разных языковых моделей. В нашем случае в результате контактирования казахского и русского языков меняются коммуникативные стратегии и тактики, появляется новое содержание, другие черты в лексике. Язык аттракторов понимается как притягивающее множество, которое порождает новые альтернативные категории. Суть интеграции заключается в лексическом моделировании как конструировании новой нормы, обращая внимание на частоту употребления, повторения новых образований. На уровне словообразования следует отметить функционирование таких слов как *астанинцы*, *астанчане* – в будущем возможно и произойдет кодификация этих номинаций (Шайбакова, 2008, 49). Современный интерес к аттрактору следует отнести к новому этапу, как оборот, обусловленный введением в коммуникативную среду синегетической методологии. С помощью аттрактора синергия может объяснить некоторые стороны языковой вариативности. Если говорить о словообразовательных формах, то можно привести морфологические варианты как высшую степень абстракции. В нашем случае хорошо подходит понятие *креативный аттрактор*, которое концентрирует внимание на творческое усилие говорящего. Этот термин ввела в синегетический обиход В.А. Пищальникова. Он как место притяжения всех элементов текста, который позволяет функционировать как целое и находится в состоянии стабильности, перехода в иное состояние (Герман, Пищальникова, 1999, 55).

С помощью креативного аттрактора объясняются некоторые преобразования в казахском языке, функционирующие под влиянием русского. Чем выше становится статус и влияние пришедшего языка, тем больше появляется пользователей, которые вносят свои изменения в автохтонный язык. Язык креативного аттрактора еще больше близок к преобразованию новой нормы. Признаки влияния русского языка на казахский можно наблюдать в окказиональных словообразованиях, что достаточно распространено в современных казахстанских текстах. Рассмотрим примеры суффиксальных способов образования с помощью морфем -ец-: *аманатовец*, *акжоловец*, *байтаковец* (от названия партий), *аблязовец* (от фамилии оппозиционера), *аккординец* (работник в президентской резиденции), *курултаец* (член съезда тюркских знатий), *арлановец* (член подразделения специального назначения).

Свыше 1000 мероприятий проведено *аманатовцами* Алматы за три недели агитации (Exclusive.kz, 2023).

Арлановцами было проведено множество спецопераций, в ходе которых изъято большое количество огнестрельного и холодного оружия, боеприпасов, наркотических средств (Informburo.kz, 2017).

Вместе с тем можно привести другие аффиксальные способы образования: *денуризация*, *детэнгезация*. Одной из причин порождения новых образований в Казахстане послужила популяризация в современных русскоязычных печатных изданиях лексем о военном конфликте с оттенком отрицания: *дестабилизация*, *демилитаризация*, *демаркация*, *демонополизация* и др. Соответственно, в Украине это выглядит как ирония, сарказм – *деокупация*. Подобного рода окказиональные образования создаются с определенной стилистической задачей – они придают положительную или отрицательную эмоционально-экспрессивную окраску.

Приведенные положения дают основание обратиться к проблеме поведения системы в чуждых для нее условиях. Так, некий язык, функционирующий в условиях иноэтнической, инокультурной среды и употребляющийся в речи, в совокупности составляют условия адаптации в языке-реципиенте (Жрысин, 2004, 51). Неизбежным становится включение новых элементов в систему. Самоорганизация системы происходит по тем же правилам: аккумулируется то, что подчиняется закономерностям системы. В лексической системе накапливаются иноязычные слова, обозначающие реалии новой среды. Здесь реализуются универсальные принципы комплементарности, функциональной дополненности. Далее система управляет их поведением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы видим, аттрактором выступает категория языка, которая выполняет функцию сильной позиции, привлекает и удерживает внимание на наличии качества новизны и индивидуальности. Креативный аттрактор способен вызывать интерес, в котором наблюдается динамическое развитие языка. Синергетика приводит понятие разрушения как креативный принцип (Конева, 2013, 130). На сосуществующие вместе языки влияют как объективные, так и субъективные факторы. Выбор лексемы носителем – фактор субъективный, а обоснованный выбор, сделанный с учетом факторов среды, закономерностей развития – фактор объективный. Для общеупотребительной словообразовательной формы факторы среды более разнообразны.

Срабатывает также принцип экономии языковых усилий. Подобного рода образования есть проявление бифуркации, то есть крайне неустойчивого состояния системы. Развитие любой системы имеет свою точку предела, границы существования порядка, в результате которого формируется его новое качественное состояние, так называемый бифуркационный процесс. Появление новых языковых элементов хаоса, превращение их в элементы порядка поэтапно приближает язык к обогащению. В перспективе,

утвердившиеся элементы или формы приобретают новые черты в плане выражения. Главным условием изменений является среда, которая принимает и фиксирует одно и отрицает другое, при этом причины выдвигений не всегда являются предсказуемыми и объективными, о чем свидетельствуют приведенные примеры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адилъхан, Ж., Исабекова, Л. (2020). *Почему мнение? Разбираем феномен нурботов в Казахстане*, <https://school.cabar.asia/ru/articles/fenomen-nurbotov-v-kazahstane/>, доступ: 12.03.2023.
- Вежбински, Я. (2017). *Динамические процессы в лексическом корпусе современного русского языка*. Наука, Мысль: электронный периодический журнал, 67–74.
- Гак, В.Г. (2003). *От хаоса к порядку и от порядка к хаосу («Анархия мать порядка, порядок отец анархии»)*. В: *Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка* (286–293). Москва: Индрик.
- Герман, И.А. Пищальникова, В.А. (1999). *Введение в лингвосинергетику*. Барнаул: Издательство Алтайского университета.
- Дрожащих, Н.В. (2012). *Введение в динамическую синергетику языка*. Тюмень: ТюмГУ.
- Костомаров, В.Г. (1971). *Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публицистики*. Москва: МГУ.
- Пиатровский, Р.Г. (2006). *Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ (Серия «Филологические исследования»).
- Шайбакова, Д.Д. (2008). *Проблема вариантности языка и синергетическая парадигма. Материалы республиканской научно-практической конференции «Актуальные проблемы преподавания русского языка и литературы в Казахстане», посвященной 90-летию со дня рождения Г.А. Мейрамова* (47–51). Караганда: КарГУ имени Е.А. Букетова.

- Adil'khan, Zh., Isabekova, L. (2020). *Pochemu mnenie? Razbiraem fenomen nurbotov v Kazakhstane*, <https://school.cabar.asia/ru/articles/fenomen-nurbotov-v-kazahstane/>, accessed: 12.03.2023.
- Drozhashchikh, N.V. (2012). *Vvedenie v dinamicheskuyu sinergetiku yazyka*. Tyumen: TyumGU.
- Gak, V.G. (2003). *Ot khaosa k poryadku i ot poryadka k khaosu («Anarkhiya mat' poryadka, poryadok otets anarkhii»)*. V: *Logicheskii analiz yazyka. Kosmos i khaos: kontseptual'nye polya poryadka i besporyadka* (286–293). Moscow: Indrik.
- German, I.A. Pishchal'nikova, V.A. (1999). *Vvedenie v lingvosinergetiku*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta.
- Kostomarov, V.G. (1971). *Russkii yazyk na gazetnoi polose: nekotorye osobennosti yazyka sovremennoi gazetnoi publitsistiki*. Moscow: MGU.
- Piatrovskii, R.G. (2006). *Lingvisticheskaya sinergetika: iskhodnye polozheniya, pervye rezul'taty, perspektivy*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SpbGU (Seriya «Filologicheskie issledovaniya»).

- Rigdon, J.C. (2016). *Dictionary of Computer and Internet Terms*. Cartersville: Eastern Digital Resources. Vol. 1.
- Shaibakova, D.D. (2008). *Problema variantnosti yazyka i sinergeticheskaya paradigma. Materialy respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy prepodavaniya russkogo yazyka i literatury v Kazakhstane», posvyashchennoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya G.A. Meiramova (47–51)*. Karaganda: KarGU imeni E.A. Buketova.
- Vezhbinski, Ya. (2017). *Dinamicheskie protsessy v leksicheskom korpuse sovremennogo russkogo yazyka*. Nauka, Mysl': elektronnyi periodicheskii zhurnal, 67–74.

Петр Червинский (Petr Chervinskii)

 <https://orcid.org/0000-0001-6575-5736>

Uniwersytet Śląski w Katowicach

Wydział Humanistyczny

41-206 Sosnowiec, ul. Grota-Roweckiego 5

czerwinski.piotr@gmail.com

СОРОКА-ВОРОНА В ДЕТСКОЙ ПОТЕШКЕ

A Magpie/a Crow in the Nursery Rhymes

Резюме

Цель проведенного в предлагаемой работе анализа состояла в том, чтобы определить на основе выбранных текстов семантику главного действующего лица – сороки, которая характеризуется в ряде из них одновременно как сорока-ворона, а также сорока-сорока, сорока-бе-лобока и др.

Использовались описательный и сопоставительный методы, позволившие представить материал более объективно и разносторонне.

Для решения поставленных задач рассматриваются в данной статье варианты текста одной известной потешки, имеющей отношение к кормлению кашей детей. Определяются роли не только сороки, но и других упоминаемых в текстах участников, созываемых, но не появляющихся, «небывалых» гостей, пяти деток (по более полному варианту), последнему из которых кашки не достается с объяснением почему. Обычно и традиционно пять перечисляемых с помощью указательных местоимений деток соотносятся с пальцами детской руки. Потешка тем самым имеет обучающий смысл. Выявляются роли, значения и соотношения участников, на основе чего выстраивается синтагматическая модель, представляемая с помощью формулы. Даются сопоставления с пословицами, повериями, приметам, сказкой, в которых сорока встречается, наделяемая определенными свойствами. Характеризуются ее эти свойства. Сорока поверхностно, с точки зрения разбираемого текста, сравнивается с вороной. Делается вывод о том, что собой представляют с учетом фольклорной семантики, то и другое не только как видимое и воспринимаемое, но и как невидимое и потустороннее существо.

Ключевые слова: фольклорные тексты, потешки, пословицы, ролевая семантика действий и персонажей, модели текстов народной традиции.

Summary

The purpose of the analysis conducted in the proposed work was to determine, on the basis of the selected texts, the semantics of the main actor – the magpie, which is characterized in a number of them simultaneously as a magpie/a crow, as well as a magpie/magpie, a magpie/white side, etc.

There were used the descriptive and the comparative methods which allowed to present the material in a more objective and comprehensive manner.

The article deals with the variants of a well-known nursery rhymes text. The story is about feeding the children with kasha. The text determines not only the role of the magpie but also of other creatures which act in the variant texts: called but usually not arriving, “unusual”, guests and five children (according to the expanded variant). The last of the five doesn't get the food and the text explains the reason why. The nursery rhyme has educational meaning. The author of the article analyses the roles, the semantics and relations among aforesaid creatures and thus the general syntagmatic model is constructed which was represented by the formula. The comparative material is based on the proverbs, tales, predictions and a fairy-tale. The magpie acts in all of these and the bird has got some determined features. These features are also characterised and described from the point of view the text and they are also compared with the crow. The author concludes what these birds are for the folklore semantics but also as the seen and observed as well as unseen creatures from the beyond.

Keywords: folklore texts, nursery rhymes, proverbs, semantics of figures' roles and acts, text models in the folklore tradition.

Предметом предлагаемого рассмотрения, как это следует из заглавия, будет сорока, которая в выбранном для анализа тексте представлена двойственным образом – сорока, которая в то же время ворона, или, что также возможно, как некоторое единство составленного из двух начал существа. Вопрос только в том, что именно и в каком семантическом и содержательном виде в этом случае себя объявляет и чем предстает. Первое, на что имеет смысл в связи со сказанным и в немаловажное уточнение обратить внимание, это то, что текст заявленной детской потешки существует в довольно значительном числе вариантов, и не во всех из них сорока встречается в соединении с вороной. Приведем для начала тот вариант, который, хотя и недостаточно полный, был бы в отношении предпринимаемого рассмотрения исходным. Выглядит он следующим образом: Сорока-ворона / Кашку варила, / На порог скакала, / Гостей созывала. // Гости не бывали, / Каши не едали, / Всю свою кашу / Сорока-ворона / Деткам отдала. // Этому дала, / Этому дала, / Этому дала, / Этому дала, / А этому не дала: // – Зачем дров не пилил! / Зачем воду не носил!¹

Внимание на себя обращает, помимо указанного объединения сороки с вороной, что было бы первым пунктом, располагаемые в порядке не

¹ Тексты данной потешки в этом и других ее вариантах взяты с сайта: <https://rustih.ru/soroka-vorona-kashu-varila/>, доступ: 23.05.2023.

случайного следования действия этой самой сороки-вороны, имеющие интенсивный характер и требующие поэтому активного приложения сил. Итак, 1) *Сорока-ворона*, основное действующее лицо и агент всего остального > 2) Кашку варила, как следует из текста приведенной потешки не для детей, и тогда возникает вопрос, что бы это была за кашка, который себя разрешает отчасти в последующем > 3) На порог скакала, а поскольку порог есть граница, выход и вход, для внутреннего своего по отношению к внешнему, постороннему и чужому², то следует предположить, что место нахождения сороки с кашкой определяется к внутреннему и своему с выходом к пограничному (что это за внутреннее и свое для сороки-вороны – отдельный вопрос) > 4) Гостей созывала. Гости – к порогу, и чтобы их не просто позвать, пригласив, а «созвать, созывать», из чего получается, что с разных сторон необходимо скакать на порог и тогда отмечается это скакать, в котором можно усматривать не единственно способ передвижения, определяющий сороку-ворону, но и выпрыгивание, выскакивание откуда-то изнутри ли, из глубины на поверхность, собой представляющую в своем начале порог. Далее следует то, что в характеризуемом варианте потешки сорокой не устанавливается и от нее, как можно предполагать, не зависит. «Гости не бывали, Каши не едали». И тогда, в результате не столько непоявления и неприхода, сколько небывания гостей (что бы ни значило это их отсутствующее в данное время в данном месте небывание-небытие) следует производимое в замещение не бывших гостей, обращение сороки-вороны с ее еще одним действием > 5) Всю свою кашу сорока-ворона деткам отдала. Деток этих получается в соответствии с текстом данной потешки – пять, четырем из которых в перечислении, соотносимом обычно с пальцами детской руки, кашку сорока-ворона дала, а этому пятому не дала. Объясняется данное положение в исходящем к нему от нее обращении тем, что не принимал он участия в приготовлении кашки. Еще более выразительно это проявлено в двух

² В литературе предмета о пороге как о границе своего и чужого, входе и выходе за пределы внутреннего, домашнего, освоенного пространства можно встретить многочисленные упоминания. Ср. хотя бы такое определение значения порога: «Характерным способом маркирования начала (входа) и конца (выхода) является остановка перед порогом дома» (Байбурин, 1983, 136). И далее там же об обрядовой роли порога на с. 136–138. Или такие не менее важные замечания: «вступающий в баню либо выходящий из нее, оказывается одновременно в двух мирах и двух измерениях: одной ногой он стоит в сакральном банном пространстве либо на его границе (порог), другой – за пределами этого пространства» (Криничная, 2004, 49); «Порог – символическая граница между домом и внешним миром ... Это не только граница между миром живых и миром мертвых, но и место обитания душ предков, охраняющих жилище» (Лантух, 2000, 133); «порог отделяет свое, домашнее, защищенное пространство от чужого, населенного разными силами, в том числе и недобрыми» (Панкеев, 1997, 55). О пороге и о пороговости как категории и границе между этим миром и тем см. также, в частности: Сафронова, 2006, 3–8. Подробные представления о пороге, с указаниями на литературу, можно найти в статье: Плотникова, 4, 2009, 173–178.

других вариантах: а) Дров не рубил, / Печку не топил, / Кашу не варил, / Позже всех приходил; б) А ты больно мал. / Крупу не драл, / По воду не ходил, / Каши не варил, / Дрова не носил, / Не дам тебе кашки.

В представленных действиях выглядит сорока-ворона как распорядительница и устроительница, организующая предполагаемое угощение сваренной ею кашкой «небывалых» гостей, в приготовлении которого, по замыслу, принимают участие детки – четверо, за исключением одного. То ли ее, то ли не ее это детки³, но это и не так важно, а важно то, что они у нее на кормлении – всю свою кашу сорока-ворона им и отдала. Ту кашу, которая им не была предназначена. Детки в данном случае выступают заместителями созываемых отсутствующих гостей.

Прежде чем прийти к какому-то выводу из того, что получилось на основе приведенного текста, обратимся к определению некоторых характерных для сороки, а также отчасти вороны, имеющих в народной традиции свойств. Для начала отметим себя проявляющую в тексте потешки подвижность сороки, характеризующуюся обращением – поворачивающейся и оборачивающейся, сменяемой обращенностью от чего-то одного к чему-то другому, объявляющую себя на пороге, скакании на порог, переключением с «небывалых» гостей на находящихся в ее распоряжении и подчинении деток, с замещением ими гостей применительно к приготовленной кашке, раздаванием, также сменяемом с переходом, переносом, транспозитивом даваемого с одного на другого из четырех, с замыканием, отказом и недаванием, с замирающей остановкой на пятом. От него, от этого пятого проецируемое в тексте действие запускается вспять, направляясь в обратный ход с перечислением как кратким, так и более полным по вариантам, чего не делалось им, этим пятым, в то время как делаться для достижения важного результата было должно.

Понимать это можно и следует как стоящую за всем этим в своем основании динамическую модель объявляемого проявления сороки-вороны. Для определения представляющихся соотносимыми с текстом приведенной потешки характерных сорочьих свойств обратимся для начала к такой поговорке: «Не было сороки, а гости у пирога!»⁴. Появляется тема гостей и их угощения, на сей раз не кашкой, а пирогом⁵, что также, если воспринимать

³ Ср. концептуально значимое представление о детях как о потомках, о младших, зависимых, находящихся в услужении и на попечении, под защитой кого-то, большего, князя, боярина, пастыря. *Дети* в значении ‘паства’, ‘народ’, *дети духовные* и *дети боярские*, как потомки боярских родов и дружина боярина, князя, отсюда *детинец* – внутренний двор крепости, где собирались *отроки*, *детские* (по одной из этимологических версий). См.: Срезневский, 1958, I, стлб. 799; Аванесов, 1990, III, 170–171, где ‘народ’ дается 4-м значением.

⁴ Эта и другие поговорки, с сохранением написания источника, взяты из словаря: Даль, 2000, 4, 574.

⁵ Каша и пироги – ритуально-обрядовые угощения умерших родителей, нанимаемых работников, духов, представителей нечистой силы в определенные, установленные для этого

подобное угощение не однозначно, точнее было бы говорить не поверхностно, свидетельствует о соответствующей, контактноустанавливающей роли сороки между теми, кто в доме, домашними и теми, кто ожидается или не ожидается, но может прийти и придет с той, чужой, не своей стороны, с того света⁶.

К этому же и опять с порогом, а также предполагаемой кашкой и пирогом, – «Соро́ка подь поро́гомъ, и кошка умылась: а въ домѣ, ни мучицы, ни крупичи!» При таком объясняющем разрешении в других паремиях: «Сорока сокоchetь, гостей пророчить. Сорока даромъ не сокоchetь (либо къ гостямъ, либо к вѣстямъ)». Следовало бы при сороке под порогом (и умывшейся кошке) гостей ожидать, а угощать их при встрече, как получается, нечем – ни каши из крупичи не сварить, ни пирога из мучицы не спечь, потому как нет ни того, ни другого. Появляется еще одна тема издаваемых специфических звуков, сокотания и речи сороки, ее способности к речи и разнесению вестей, не только их предсказания. Ср., к тому же: «Сорока скажетъ воронѣ, ворона борову, а боровъ всему городу». Сорока – с вороной, от сороки – к вороне. И дополнительно к этому: «Всякая соро́ка отъ своего язычка погибаетъ (или своимъ язычкомъ сказывается). Знать сороку по язычку. Когда соро́ка перомъ вся побѣлѣтъ, тогда и сокотать перестанетъ». Помимо следующего из этого положения о несдерживаемой болтливости, неспособности себя удержать, объявляет себя, как следствие, признак, точнее свойство ее неумности в дополнение к подвижности, отмеченной ранее.

Небезразличными для общего представления видятся проявляемые в текстах двух таких вариантов той же потешки признаки, связываемые с сорокой, в данном случае без сопровождения вороны и без детей и характерные для вороны, без ее сочетания с сорокой, а также и без детей. Первый текст звучит следующим образом: Сорока-сорока, / Бело-белобока, / Кашку варила, / Гостей манила, // Гости во двор – / Кашку на стол. / Гости со

дни. Ср. такие свидетельства из одного только источника: «Этот день (7 октября Феклы Заревницы), а также Воздвиженье (27 сентября) и Покров (14 октября) считались «овинными именинами»: овин «отдыхал», а молотильщиков, овиного «хозяина» или даже сам овин угощали, чаще всего кашей, пирогами». «Считая болезнь «гневом оспы», ее даже просили пожаловать в дом «на пироги», «попариться в бане» (Олон.), старались задобрить, умиловить», «Крестьяне Русского Севера считали, что, входя в лесную избу, необходимо не только спрашивать позволения у ее хозяев, но и оставлять им угощение (обычно хлеб, пироги за печкой)» (Власова, 1995, 154, 156, 191). О подобного рода кормлениях см. также: Виноградова, Толстая, 1995, 166–197; Алексеевский, 2005; Алексеевский, 2008, 118–127; Иващенко, 2019, 105–115.

⁶ Об особенностях взаимоотношений между представителями этого и не этого мира, с позиции человека-гостя в нем, – «человек, попадающий в иной мир, невидим для его обитателей»; «обитатели потустороннего мира воспринимают речи невидимых ими гостей, а иногда и само их появление, как резкие вспышки и треск огня в очаге» (что может действовать и в обратную сторону), опуская мотивы гостей-пришельцев, умерших и пр., см. для примера работу: Неклюдов, Новик, 2010, 393–408, цитаты с. 393, 394.

двора – / И кашка со стола. И второй: Ворона, ворона, / Куда летала? / Гостей скликала, / Каши им давала // Кашка масляная, / Ложка крашеная, / Ложка гнется, / Нос трясется, / Душа радуется. Гости на сей раз появляются, а тогда и о детях, как получается, речи нет. Появление гостей во дворе прямо и непосредственно связывается со сваренной кашкой, поскольку их дальнейшее исчезновение или уход со двора ведет за собой уборание со стола то ли после них оставшейся и недоеденной, то ли ими не тронутой каши. Ворона также скликает гостей и кормит их кашей, однако при этом не варит ее, в тексте, во всяком случае, этого нет.

Возникает зависимая обусловленность, которую можно представить в следующем моделирующем подходе: сорока-ворона, сорока, ворона > гости (манить, созывать, скликать – все три глагола видятся не случайными, предполагая действие собирания и вызывания откуда-то, для *манить* – из чего-то сокрытого, явно не обнаруживаемого, и с разных сторон для двух последующих глаголов); сорока-ворона, сорока, ворона > кашка (на стол, гостям предлагать, давать); сорока-ворона > кашка > детки (отдавать им кашку, давать). Из чего следует, что неперенным и обязательным компонентом состава является отношение сороки, сороки-вороны, вороны к кашке с ее предложением и даванием гостям, а при их отсутствии – деткам. Кашка при этом варится (сорокой, сорокой-вороной) или не варится, но появляется при гостях на столе либо без такового упоминания.

Внутренним основанием (имея в виду потешку, обращенную к детям при поощряющем их кормлении кашкой) является положение, при котором некий субъектный агент $S(Ag)$, распорядитель и устроитель кормления (сорока, сорока-ворона, ворона) обращается в этом своем проявлении к не присутствующим и находящимся где-то, с созыванием их с разных сторон, множественным субъектным объектам кормления $SO^{Pl}(Nutr)$ или гостям, для чего может также куда-то не только на порог скакать, но и летать (ворона), а при их «небывании» либо не упоминании производит последовательную раздачу имеющейся в приготовлении для этого каши замещенным объектам кормления $O^{Sec}(Nutr)$. Оборачивается данное положение предположением о вызывании подобного, приобщаемого действия в отношении кашки в параллели к отсутствующим претендентам-гостям и получающим ее в последовательной раздаче деткам, со стороны того (ребенка), кого кашкой хотят накормить, т.е. действительного объекта кормления. При этом немало важным оказывается обозначение, что кашку можно также и при раздаче не получить (тому, кому сорока, сорока-ворона ее не дала).

Складываются в результате применительно к кашке и возможному ее потреблению три проявляемых расположения, пространства, плоскости или миры: 1) потусторонних, не из этого мира гостей; 2) параллельных к действительности, представляемых деток потешки, с исключением из них одного; 3) того, кто в тексте не обозначается, но кто является предполагае-

мым адресатом кормления. Из чего получается иномирная, параллельная и представляющаяся реальной действительность, или, идя в обратном порядке, действительность адресативного этого, наблюдаемого отраженного, параллельного к этому и отдаленного, где-то имеющегося того. Стоит за этим, исходя из мысли о поощрении к кашке, стимулирующая, поддерживающая, в двух других объявляемых экзистенциональных проекциях интенция в отношении реального адресата. Не это, однако, будет предметом нашего рассмотрения, а сорока. Вернемся поэтому к ней.

Если отвлечься от непосредственно выраженных словами значений в приведенной первоначально потешке, а также в ряде ее вариантов, можно почувствовать воплощенную в этих текстах динамику для сороки, которую возможным видится определить в отношении снующего туда и сюда скакани-я-передвижения, с внесением чего-то снаружи внутрь и вынесением изнутри наружу. Данное представление можно усматривать как основное свойство сороки. Свойственна ей тем самым не оборачиваемость, как может казаться на первый взгляд, а снование, перескакивание на порог, под порог, но не только. Снование это себя проявляет в напрасном, не приводящем к своему результату созывания гостей, в кашке на стол, когда гости на двор, со стола, когда те со двора, в раздавании деткам, с поскакивающим, перемежающимся перечислением тому, кому не дает, того, чего тот не делал. Ср. по разным вариантам: Зачем дров не пилил! / Зачем воду не носил! Ты дров не носил, / Ты печку не топил! С рамочно-замыкающим представлением в начале и в конце от *где был к приходил*. А ты где был? / Дров не рубил, / Печку не топил / Кашу не варил / Позже всех приходил. С объясняющим замыканием для последнего компонента (почему нет ему кашки). А пятому не дала: / Толстый, жирный, / За водой не ходил, / Дров не рубил, / Нет тебе кашки! Или в развернутом, кашки касающемся, точнее способа ее подачи таком объяснении с мельгешащим и хлопающим в конце отлете сороки. А ты больно мал. / Крупу не драл, / По воду не ходил, / Каши не варил, / Дрова не носил // Не дам тебе кашки. / На красненькой ложке, / На средненьком окошке / Захлопала, захлопала, / И-и полетела. Заложённая в этом тексте динамика в первой фазе предполагает возрастание из пяти составляющих от «А ты больно мал» до «Дрова не носил», после чего наступает объясняющая итоговая кульминация – «Не дам тебе кашки», далее следует спад, понижение в двух компонентах – «На красненькой ложке, На средненьком окошке» и поднимающийся от «Захлопала, захлопала», направляемый вверх вылет, точнее взлет в «И-и полетела», растягиваемый в своем начале в этом *И-и*.

В связи с этим последним примером внимание стоило бы обратить на то, как и где предполагается давание кашки, т.е. что может обозначать это «На красненькой ложке», «На средненьком окошке»? Почему на красненькой (ложке) и почему на окошке, к тому же средненьком? Не углубляясь в подробности, поскольку это связывалось бы с обстоятельным погружением в материал, можно предположить это *красненькое* при ложке, исходя

их общеизвестной традиционной символики⁷, в отношении не столько его красоты (красное означает красивое), хотя и подобное скрытое положение не исключено, сколько к тому, что имеет своим отражением представление о жизни, живом (красное – символ живого, ср. его таковую символику в свадебном обряде, но и не только в нем) и тем самым о животворении. С учетом того, что контекстом является... И вот тут возникает вопрос, кого кормит сорока в этом случае кашей, поскольку не говорится в данном тексте о детках, ср. его полный вид: Сорока, сорока, / Белый лобок, / Кашу варила, / Гостей манила. // Гости на двор – / Каша на стол. / Гости со двора – / Каша со стола. // Этому дала, / Этому дала, / А ты больно мал /и т.д. до И-и полетела.

Вполне допустимо предположение, что неявно можно усматривать, хотя прямо об этом не говорится, кормление сваренной кашей появившихся на дворе гостей, не детей, которых «Сорока, сорока, Белый лобок» (в то время как лобок у сороки не белый, белые бока) и это важно, манила, поскольку когда они со двора, то и каша, как получается – со стола. А раз со стола, то и кормление кончено. Что это за гости – не сообщается, а то, что «Этому дала, Этому дала, А ты больно мал» и все остальное по тексту можно усматривать как ретроспекцию, обозначение того, что было до положения со двора – со стола. В результате следует из сложившегося а) необычность самой сороки как существа, поскольку раз она *Белый лобок*, то исходить приходится не из представления о привычно воспринимаемой птице, а из символики белого, имеющего свое отношение к верхнему миру, верху, смерти, мертвой и вместе с тем космической, так можно сказать, а тем самым и обобщенно-онтологической пустоте бытийного небытия; б) представление о гостях, которые появляются, приходя на двор, и в этом случае необходимо иметь в виду двор сороки как неземного и беловерхого существа (поскольку *Белый лобок*), это может быть человеческий, данного дома двор и тогда представленная ситуация разыгрывается как такая, которая, имея свое отношение к данному дому-двору для сороки с гостями и кашей, а также и всего остального, предполагает то, что происходит в невидимом⁸, невидимом как параллельном к видимому и в отношении него стимулирующе-продуцирующем.

⁷ О мифологической и традиционной символике цвета, красного в том числе, литература обширна, главным образом словарно-энциклопедического характера, сводимая, так или иначе, к повторяющемуся и общему. Имеются также рассыпанные упоминания в самых разных работах, которые трудно собрать, равно как и трудно что-нибудь новое в этой материи обнаружить. Назовем лишь некоторые, специально этому посвященные, в которых затрагивается (не словарно) определяемый нами аспект: Исаева, 2006, 198–203; Максимова, 2006, 96–104; Новикова, Нудевива Кем, 2011, 51–57.

⁸ См. об этом такие работы: Рифтин, 1946, 136–152; Цивьян, 1979, 201–207. Нефольклорные стороны данной темы: Малинина, 2015. О видимом и невидимом как видении и невидении, в связи с потусторонним и миром мертвых: Иванов, 2000, 78–104 (первая публикация: 1973, 151–176) и в названной ранее перед этим работе: Неклюдов, Новик, 2010, 393–408.

Если предположить, рассуждая далее, что сорока оделяла кашей (дала не обязательно означает кормила) гостей, а их получается трое, двум из которых дала, а третьему – нет, то гостей этих можно воспринимать как представителей трех миров – верхнего, среднего, нижнего, хотя это, может, и слишком смело, однако допустим, поскольку такое решение не противоречит имеющимся в народной традиции, не всегда объявляемым и скрыто осознаваемым представлениям. Предположим также, что не представителей трех миров, а пришедших с трех сторон, а тем самым, возможно, посланцев трех царств (медного, серебряного, золотого), согласно известной фольклорной модели, себя проявляющей при герое, оказавшемся на распутье с указанными на камне последствиями⁹.

Для разбираемого текста важно не столько это, сколько то, что «Не дам тебе кашки, На красненькой ложке, На средненьком окошке» и что «Захлопала, захлопала, И-и полетела». Кашка будет иметь тогда стимулирующий, как уже было указано, побуждающий к жизни (дополнительно красненькой ложкой) смысл. То, что «На средненьком окошке» предполагает тогда отношение к среднему миру, т.е. миру земному, живых (на окошке живые, в данном доме живущие домочадцы, оставляют водичку своему недавно умершему, чтобы «душечка омылась»¹⁰, а также то, что ими предназначается нищим¹¹). Из чего получается наделение кашкой появляющихся не из этого

⁹ Ср. в былине об Илье-Муромце: «Стоит камень на три дороги, На камне три надписи: «Вправо поедешь – убит будешь, Влево поедешь – женат будешь, Прямо поедешь – богат будешь» (*Былины Севера*, 1951, 347) и в сказке: «Вот отправились царевичи в путь-дорогу, приезжают к столбу, от которого идут три дороги, и на том столбе написано: вправо идти – молодец будет сыт, а конь голоден; налево идти – молодец будет голоден, а конь сыт; прямо идти – живому не быть» (*Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде* (№ 172): Афанасьев, 1957, I, 436), а также другие сюжеты. В обоих приведенных случаях главный герой выбирает грозящий смертью «убийственный» путь, отчего, однако, выигрывает (снова взаимодействие с мертвым, невидимым, потусторонним, – чтобы чего-то достичь, надо пройти через смерть, столкнуться с ней, возможно также, что умереть).

¹⁰ Относится это к этапу в погребальном обряде «от момента смерти до выноса гроба», когда происходит, наряду с прочими действиями, «кормление души паром от горячего хлеба, каши и т.п.; выставление воды и хлеба в головах умершего, на окно, на божницу» (Толстая, 2009, 4, 87).

¹¹ Мотив дара-обмена, в котором нищие выступают посредниками между людьми и высшими силами, через их посредство и подавание им предполагается очищение от грехов либо получение от Бога, святых себе чего-либо. Важным при этом оказывается окно, как то, что открывает домашнее внутреннее пространство внешнему миру, откуда приходят нищие. Ср. такой показательный в данном отношении фрагмент, связываемый с нарушением взятого на себя обещания: «Жил один очень бедный мужик. Как он ни трудится, как ни работает целые дни, не может разбогатеть. И стал он молиться богу и просить богатства, обещаясь при этом, если только разбогатеет, подавать каждому нищему по полухлеба. Господь услышал его молитву, и мужик вскоре зажил богато, всего у него было вдоволь. Однажды пришли к нему под окно двое нищих. Один из них был Иисус Христос, а другой – архангел Гавриил. Мужик по-

мира гостей, одному из которых кашки не полагается, потому как он больно мал, не дорос до того, чтобы быть наделенным кашкой, в которой можно, как уже говорилось, усматривать в том числе и продуцирующий аспект¹². Совершив то, что сказано, и отказав в этом третьему, сорока, которая *Белый лобок* «Захлопала, хлопала, И-и полетела». Хлопающее, как снующее туда и сюда движение отлета, ухода, исчезновения с остающимся без разрешения вопросом: куда? на какую такую сторону?

Стоит к этому вспомнить ворону с ложкой, носом и душой, которая радуется. Ворона, ворона, / Куда летала? –/ Гостей скликала, / Каши им давала. // Кашка масляная, / Ложка крашенная, / Ложка гнется, / Нос трясется, / Душа радуется. Ворона летала куда-то, где скликала гостей. И гости, и то, где их кличут, и кашу дают – все это, как получается где-то не здесь, где-то там, нездешнее это место. Кашка при этом масляная, ложка, правда, не красенькая, но крашенная, что также может что-то нездешнее предполагать, покрываемое, накрываемое краской, укрываемое и притягивающее. «Ложка гнется» будучи крашеной и поэтому и не только поэтому, как следует полагать деревянной, гнется от тяжести подносимой кашки, «Нос трясется» не от нетерпения и не от радости, а от прибываемого с кашкой роста, побуждаемого движения в нем. «Душа радуется» – вспомним душечку, которую кормят и поят живые, и тогда душа эта, которая радуется, опять же нездешняя и обитает, находится где-то там.

В контексте сказанного, которое может казаться на первый взгляд неожиданным, но детский фольклор с потешками и многое то, что имеет свое

дал им два забусельных кусочка хлеба. Нищие поблагодарили его за милостыню и попросились переночевать» (*Разбогатевший мужик и нищие* (659): Иваницкий, 1960).

¹² Ср. мотив так называемой родильной, или крестильной каши, семантика которой неоднозначна. «К.[аша] была обязательным блюдом на родинах и крестинах. Употребление ее сопровождалось магическими действиями, призванными обеспечить новорожденному счастье, здоровье и быстрый рост, женщинам – плодovitость, земле – плодородие» (Валенцова, 1999, 2, 484, разрядка источника). «На Р.[одинах] повитуха кормит отца пересоленной кашей со словами: *Солоно и горько рожать, да не всем испытать*»; «родственницы, замужние женщины соседки и повивальная бабка, не дожидаясь приглашения, наносят визит роженице. ... Этот обычай носит название рус. *родины, бабий день* ... а также рус. *проведки, отведки, наведы, ходить на кашу...*» (Кабакова, 2009, 4, 447, 446, разрядка моя – П.Ч.). Ср. также такие более древние по своему происхождению, а по значению иные свидетельства: «Обращая внимание на памятники, где упоминается о Родѣ и Роженицахъ, А.Х. Востоковъ отмѣтилъ ... и то, что – съ рожать первыя волосы стригутъ и бабы каши варять на собраніе рожаницамъ»; «Несравненно чаще встрѣчаются въ памятникахъ упоминанія о Роженицахъ. Служеніе имъ – работаніе – заключалось ... въ ... обѣдѣ, для котораго между прочимъ, варили кашы ... Цѣлюю этихъ требъ было частію созываніе – собраніе – Роженицъ, частію умиловивленіе и передача дѣтей подъ ихъ покровъ; а основаніемъ ихъ было вѣрованіе въ силу ихъ вліянія на новорожденныхъ, въ ихъ *вошленіе рожденія*» (Срезневский, 1855, 8, 16). Под роженицами здесь следует понимать мифологические «существа женского пола, определяющие судьбу ребенка при рождении» (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Рожаницы-и-Род>, доступ: 4.06.2023).

отношение к детям, связывается отнюдь не случайно с потусторонним, смертью, миром мертвых, поскольку ребенок, родившись, находится на границе миров¹³, в этом мире как представитель мира не этого, – в контексте сказанного внимания заслуживает еще один вариантный к первоначально взятому с сорокой-вороной и весьма загадочный текст. Приведем его полностью: Сорока-сорока / На порог скакала, / Гостей поджидала: // Не приедут ли гости, / Не съедят ли кашку? / Приехала Агашка, / Всю съела кашку. // Этому дала на тарелочке, / Этому на ложечке, / Этому на мутовочке, / Этому весь горшочек, / Пальчику-мальчику / Не досталось. // Пальчик-мальчик / Толчет, мелет. / По воду ходит, / Квашню творит: // Вода на болоте, / Мука не молота. / Квашенка на липе, / Мутовка на сосне. // Взял коробичку, / Пошел по водичку. / Тут ступил – тепленько, / Тут – горяченько, / Тут пень да колода, / Тут белая береза, / А тут ключики кипят-кипят¹⁴.

Начнем его рассмотрение с наиболее энигматической части – с конца. Пальчик-мальчик также не вполне человеческое по природе своей существо¹⁵, кашки которому не досталось, по воду ходит, которая на болоте. Коль скоро ходит, то не один раз, а регулярно, и все, что описано – толчет, мелет, квашню творит – предполагает его занятие, состоящее в том, чтобы производить, но не кашку, поскольку квашня и мука, а нечто, что можно представить себе как миротворение или то, что имеет к этому отношение, вещественное начало субстанционального его существа (тесто первоначала). Стимулирующее и продуцирующее это занятие, обусловливаемое дополнительно тем, что ходит он «по водичку» туда, где сначала «тепленько», потом «горяченько», а там далее или рядом «пень да колода, белая береза» и, что самое главное, «ключики кипят-кипят». Представлено место, особенно с ключиками чего-то нездешнего, человеку невидимого, не данного видеть, потустороннего для

¹³ Ср. такие высказывания, определяющие данное положение: «Новорожденный только что *пришел* из иного мира в мир живых»; «Младенец – существо новое в этом мире: требуются введение его в *свое* пространство»; «Младенец в перспективе должен преодолеть состояние перехода, необходимо полное оформление его в человеческом статусе» (Головин, 2001, 31, 32). И определение колыбели как конца «пути, по которому ребенок пришел из иного мира в мир живых» (Баранов, 1995, 237–238).

¹⁴ Имеются также другие, близкие к этому, «обучающие» варианты этой потешки, сопровождаемые указаниями на последовательные действия с ладошками и пальчиками ребенка, однако их рассмотрение не входило в задачу.

¹⁵ Поскольку наделенное необычными способностями, связанными не только с маленьким ростом, но и действиями, свидетельствующими о хитрости, знании человеческих слабостей, а также с умением выходить без потерь из любой ситуации. Сюжет с этим героем известен в сказках многих не только европейских народов, см., для примера, у Ш. Перро, бр. Гримм (№ 37, *Daumesdick* ‘большой палец’), в сборнике А.Н. Афанасьева (№ 300). В указателе сказочных сюжетов дается такой вариант: «327 В. Мальчик-с-пальчик у великана: мальчик с братьями попадает к великану (людоеду); ночью меняет платье своих братьев и дочерей великана; великан убивает дочерей, братья спасаются» (Андреев, 1929, 30).

него, в котором находится то, что необходимо для созидания, что используется пальчиком-мальчиком для творения квашни, толчения и меления в составе воды на болоте, муки, которую надо смолоть, потому как не молота, средств и орудий, находящихся в неожиданном, древесном, на лесное похожем месте, к тому же и при болоте – «Квашенка на липе, Мутовка на сосне».

Сорока-сорока по данному тексту, возвращаясь к его началу, с порогом (на порог скакала), с гостями, в приведенном случае она их не созывает, а ждет (поджидала), не говорится также, что варит кашку, кашка готова, гости, если придут, ее съедят. Кашку и при этом всю съедает приехавшая Агашка, судя по всему великанша, поскольку прорва и с большим аппетитом¹⁶. Далее следует перечисление четырех то ли приехавших, то ли где-то там находящихся гостей, где сорока и кашка, которым она дает ее. И опять возникает мотив продуцирующего стимулирования, не созидания по замыкаемому кругу – на тарелочке, на ложечке, на мутовочке и под конец весь горшочек¹⁷.

Не случайным видится число проявляемых в данном тексте потешки участников. Первой будет сорока, определяющая роль которой заключается в последовательном и обусловленном наделении кашкой – на тарелочке, на ложечке, на мутовочке, весь горшочек¹⁸. Для чего она перед этим должна скакать на порог, поджидая гостей: *Сорока-сорока* > (скакать) на порог > поджидать (гостей) > давать (кашку – четверем из пяти). Второй возникает *Агашка*, которая > приехала и > всю съела кашку. И таковое ее проявление, видимо, следует понимать в параллель к тем, которым сорока дает на тарелочке, ложечке и т.д. Параллель, в которой одновременно может происходить одно и другое, Агашка съесть может всю кашку и можно дать ее также этому, этому, этому, этому, из которых пятым становится пальчик-мальчик, а ему не досталось от четырех, тем более, что последний из них получил «весь горшочек». Третьими будут эти четверо, которым дается кашка (допустимо предположить, что дает им *Сорока-сорока*, а поскольку в повторе, то, возможно, двойственное по природе своей существо как *Сорока-воро-*

¹⁶ Ср. мотив вечно голодного пожирателя в сказках (чудесные помощники главного персонажа) и *весь горшочек* четвертому в тексте. «513 А. Шесть чудесных товарищей: помощники (Объедало, Опивало и пр.) выполняют разные поручения вместо героя» (Андреев, 1929, 39); *Летучий корабль*, № 144 в сборнике А.Н. Афанасьева.

¹⁷ *Сладкая каша* (№ 103, *Der süße Brei*) у бр. Grimm, в которой продуцирующий кашу горшочек («Törfchen, koche / Горшочек, вари!»), не будучи остановлен, постепенно заполняет кашей весь свет.

¹⁸ Значимы эти четыре перечисления, предполагающие тех, кто и/или что за ними стоит, в их отношении к *тарелочке, ложечке, мутовочке, всему горшочку*. В потешке это пальцы руки, каждый со своим названием и своей ролью для человека – ребенка, познающего в этом мире не только себя и не только свои в нем проявления и действия. Развивать эту тему, с ее проекцией не только к пальцам, в данном месте, однако, возможным не представляется.

на) > давать > те, кому дают, получающие, адресаты, объекты давания (на тарелочке, на ложечке, на мутовочке, весь горшочек). Четвертым становится пальчик-мальчик, которому > «не досталось» и здесь фигурирует он как объект адресатного обделения, но который > «Толчет, мелет. По воду ходит, Квашню творит», действуя в этой своей проекции как агент-созидатель.

Общая формула получаемой картины выглядит таким образом, что *Сорока-сорока* выступает субъектным агентом давания $S(\text{AgDat})$, что предварительно предполагает скакание ее на порог, вынырывающее, скажем так, появление ее на границе каких-то миров $S(\text{Exort} > \text{AgDat})$. Приехавшую *Агашку*, второе действующее лицо следует воспринимать в ее обозначенном проявлении как поглотителя (всей каши). Не говорится о том, что кашка ей предназначалась. Была бы она тогда агентом абсорбции каши, которую следует воспринимать, исходя из контекста не только этой потешки, как вещество и субстанцию стимулирующего воссоздающего продуцирования $\text{Subst}(\text{Prod})$. При Агашке это часть обозначенного выглядела бы как $\text{Ag}(\text{Absorb} > \text{SubstProd})$. Третьи участники, те, кому кашку дают, фигурируют как адресаты давания Сорокой-сорокой, как можно предполагать $A^4(\text{Dat})$. И, наконец, пальчик-мальчик, обделенный в давании адресат $A^1(\text{NegDat})$ и во второй своей роли – агент продуцирующего творения $\text{Ag}(\text{Prod})$. В общем виде все это можно представить по формуле $S[\text{Exort} > \text{Ag}(\text{Dat} > \text{SubstProd} < \text{Ag}(\text{Absorb} > \text{SubstProd})] > A^4(\text{Dat} < \text{SubstProd}) > A^1(\text{NegDat} > \text{SubstProd}) > A^1(\text{AgProd})$ – ‘субъект (по)граничного появления выступает агентом последовательно-кругового (раз)давания субстанции стимулирующего продуцирования четырем адресатам до полноты исчерпания раздаваемого на четвертом, при поглощающем, абсорбирующем отношении к субстанции продуцирования со стороны агента не адресата и обделении, по нехватке этой субстанцией пятого адресата, агента творения, продуцирования’. В этом видится содержащийся в тексте потешки смысл, который, варьируясь по вариантам, вместе с тем представляется таким как исходный.

Из этого будет следовать роль сороки, о которой речь. Роль эта, определяя ее к границе обозначаемого появления (на пороге), предполагает в своем обобщении медиативность или посредничество. В сказке из сборника А.Н. Афанасьева (№ 265, Белая уточка) показательно именно такое использование сороки. Злая ведьма-колдунья обращает супругу князя, княгиню в белую уточку, а детей ее умерщвляет, но козни ее раскрываются «Взял он [князь] ее за крылышко [белую уточку] и говорит: „Стань белая береза у меня позади, а красная девица впереди!” Белая береза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню» (Афанасьев, 1957, 2, 327). Возникает тема белой березы, которая должна быть сзади, чтобы увидеть то, что, оборачиваясь, становится спереди (ср. белую березу в потешке при ключиках, которые «кипят, кипят»). И тогда это был бы мир позади находящегося и смотрящему

перед собой невидимого. В какую бы сторону он ни обратился, то, что сзади, всегда будет сзади и только там¹⁹. Для нас в отношении сороки важно то, что сразу же следует далее: «Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою – они встрепенулись, сбрызнули говорящею – они заговорили» (Афанасьев, 1957, 2, 327).

Сорока куда-то слетала, где та и другая вода и воду ту принесла. А поскольку послали сороку и поскольку слетала, то такова ее, из этого получается, и сорочья роль. Знает она куда надо слетать, может слетать и принести оттуда то, что связано с жизнью, точнее оживлением и способностью к речи, тем, что дает возможность начать говорить. Подобно это отчасти скаканию ее на порог и даванием кашки, которая также не может быть кашкой обычной, но кашкой, в себе содержащей способность к животворению, оживлению и говорению речи.

Два эти ведущие основания для сороки – подвижность, связываемая со скаканием, вскакиванием и выскакиванием в полете в какие-то не обозначаемые определенно места или пространства нездешнего, и говорение, для нее сокотание с разнесением и принесением вестей, из чего следует ее способность предсказывания того, чего следует ожидать с какой-либо стороны. Два эти ведущие для нее основания проявляют себя в пословицах и приметах, часть из которых ранее уже приводилась. Обратим внимание еще на один ряд с возможным из него расширением. О вестях, значение которых и источник сомнительны или не определенны обычно ответом на вопрос: «Откуда это (известно)? Кто так сказал?» – Сорока на хвосте принесла. У Даля: «Сорока намъ на хвосту вѣсть принесла». Принесла на хвосте (на хвосту) откуда-то, от кого-то, с какой-то там стороны – параметр неопределенности, неизвестности в отношении сообщаемых кем-то сведений. Повторение одного и того же, говорение длительное, неостановимое, надоедливое отмечается выражением: Зарядила / затвердила / заладила сорока Якова одно про всякого / одна и про всякого²⁰.

Определяются знания в своей речевой проекции уже сообщавшиеся, не несущие с собой ничего нового, не содержащие ничего такого, чего не слы-

¹⁹ Ср. не слишком приличное, но исходно традиционное в своей неизбежности эпистемологическое отнесение в такой приговорке *Как ни крутись, а ж... сзади*.

²⁰ «Затвердила (заладила) сорока Якова – одно про всякаго (иноск.) одну и ту же пѣсню» дает словарь: Михельсон, 1997/1912, I, 335. М.И. Михельсон предлагает такое не слишком убедительное, поскольку далекое, сопоставление: «Ср. *C'est la chanson du ricochet* (намек на древнюю пѣснь, въ которой часто повторялись одни и тѣ же слова). По другимъ *ricochet* есть названіе птички, постоянно повторяющей свою пѣсню. Впрочемъ безъ намека на птицу тутъ не обходится, такъ какъ и в словѣ *ricochet* – не безъ птицы (сог – петухъ)». Остается несправданный вопрос без ответа, почему сорока Якова и кто такой этот Яков, поскольку одним объяснением рифмы здесь не обойтись.

шали и о чем до этого не говорилось – параметр итератива, репетитивности в отношении предмета речи. Знания, сведения, «речи», но не только речи сорочки, само ее где-то присутствующее сидение, способны быть неприятны, приносить вред, содержать в себе потенциальное зло, ср. в такой паремии – Какъ сорока: гдѣ посидить, тамъ и накоститъ (напортит, напакостит).

Предсказывающая способность сороки с ее отношением к той или иной стороне обнаруживает себя в таких поверьях: сорока стрекочет близко, на дворе – к новостям, письмо получать, причем новости будут с той стороны, куда она обращена клювом²¹. Важно, что на дворе (вспомним «гости – на двор» в приведенных потешках) и при этом близко (параметр приближения, прилета откуда-то, из какого-то места, сюда), а также то, что с той стороны, куда она обращена клювом (знание, ориентация ее к стороне). В дополнение к этому: сидящая близ окна и кричащая (сорока) – к гостям, а если есть больной в том доме, то к выздоровлению, с дополнением в отношении оживляющего, связанного с возвращением к жизни, выздоровлением, предсказания и предчувствия (вспомним живящую воду по сказке, которую приносит сорока). Ее отношение не к этому миру, предполагающее появление в этом мире из мира того, можно отметить с положением близости и окна в таком проявлении и опять же с криком. Если сорока кричит, сидя на окне или ставне, то это предвещает новорожденного гостя. Новорожденного – гостя, поскольку приход его ожидается из потустороннего, из мира мертвых и с той стороны. Приходящие «гости» к дому и в дом могут быть маложелательны, и на это также способна указывать своим появлением сорока: в сени залетела – к ворам. Возможным свидетельством ожидаемого может быть также число сорок, при том, что обычно, в пословицах, приметах с поверьями, в приведенной сказке сорока себя объявляет и действует в одиночку. Если увидишь одну сороку – к несчастью, двух сорок – к гостям, трех сорок и более – к свадьбе. Не говорится о том, что близко, под домом и прилетела, но увидишь, следовательно, это знак, который не так, чтобы прямо дается, а в своем таком положении прочитывается. И тогда единичность, не кричащей при этом сороки, будет свидетельством с нею себя обнаруживающего, «выскакивающего» откуда-то поражения, беды и вреда, в то время как парность, предполагающая своей возможной проекцией две стороны, здесь и там, не так, чтобы одна сорока была бы здесь, а другая оттуда, это можно интерпретировать как раздвоение, сорочью проекцию по двум сторонам, с чем и связывается ожидаемое появление гостей (Сорока-сорока, Сорока-ворона в своем удвоении при тех же гостях в приведенных потешках). И, наконец, последнее, в количестве трех и более означает стечение, собиране (ср. Гостей созывала в потешке), ориентирующее направление не по двум, не только по двум сторонам. Свадьбу при этом следовало бы понимать

²¹ Дейктическая, указательная оборачиваемость сороки в определяемую сторону.

не столько как форму объединения двух родов, хотя это также, сколько как собирающееся схождение многих и многого, в том числе родового с разных сторон в одном месте, где ожидается свадьба.

Знание сорокой не этих, в том числе и для человека опасных мест, бывание там можно отметить в пословице – Знать сорока, гдѣ зима(у) зимовать и в загадке – Сорока подь пыль летала? уполовникъ, т.е. там, где опасно и горячо, где человеку не место (где «горяченько» и «ключики кипят-кипят»). Знание, а точнее умение, связываемое с указанной ранее перед этим подвижностью, способностью оборачиваться, скакать и вертеться. Не учи сороку въ присядку плясать (о том, кто владеет всеми необходимыми для житейских надобностей не только и не столько знаниями, хотя ими также, но и оборачиваемостью, гибкостью, динамизмом и легкостью, способностью принимать неожиданные решения).

Важными показателями сороки, как уже отмечалось, будут язык и хвост, который может выдать ее (Береги, сорока, свой хвостѣ), за который ее можно схватить, который несоразмерно длинный, – в загадках: Сорóка въ кустѣ, Алексѣй за хвостѣ? (сковорода и сковородникъ); Сѣнничекъ съ кулачекъ, а запирка съ шестокъ (сорока). Или в таком шутовском поверии: чтобы поймать сороку, надо насыпать ей соли на хвост. Обратит внимание следует вместе с этим на белый, черный, а также зеленый цвета, немаловажные и характерные для сороки, ее отмечающие как не совсем обычное, лесное, отчасти бесовское²² существо и к этому же ранее упомянутый хвост, длинный нос: Сорока-бѣлобока: зеленый хвостѣ, долгій носѣ! Не живеть сорóка безъ бѣлаго бока. Бѣл какъ снѣгъ, зеленъ какъ лукъ, черенъ какъ жукъ, повертка въ лѣсь, а поеть какъ бѣсь (сорока). Рябо, да не песь; и зелено, да не лукъ; вертится, какъ бѣсь, и повертка въ лѣсь²³ (сорока).

Белый цвет, белый бок, а также ранее упомянутый белый лобок становятся определяющими, ее вводящими и ее открывающими в рассматривавшейся потешке с ее вариантами, где она фигурирует в самом начале как Сорока-ворона, Сорока-сорока, Сорока-белобока, Сорока белый лобок, Сорока-воровка, Сорока-сорок, Бело-белобока, Сорока, сорока была белобока, Сорочка, сорочка, Бело-белобочка.

Не все возможное, себя обнаруживающее в приведенных и не приведенных потешках с сорокой получилось затронуть и, затронув так, чтобы более или менее обстоятельно рассмотреть, требует это большего погружения с обращением к более полному материалу. Предложенное в данной

²² Что связывается с ее черно-бело-зеленой «рябостью» и, соответственно, пестротой, а также издаваемыми ею звуками (см. в приводимых из Даля следом загадках).

²³ Не случайна и показательна, в том числе и вербально, эта *повертка* ее, при том, что сорока не так, чтобы птица лесная. Важна в этом случае ее обращенность, повернутость к лесу, пространству нечеловеческого, к живущим и находящимся там, обитателям не только этого мира, но и потустороннего.

работе имеет поэтому намечающе-фрагментарный и иллюстративный характер. Выводимые признаки, связываемые с сорокой, которая фигурирует как сорока-ворона в ряде вариативных текстов, вместе с тем позволяют представить ее как обращенное туда и сюда, в сорочьем своем проявлении существо с дополнением к этому того, что было отмечено, и если касаться аспекта вороны нами почти не затронутого, можно было бы предполагать в контексте рассматривавшейся потешки, закрепленную обращенность к себе, не устанавливающую контакт несобранность, отсутствующую подвижность. Если сорока представляется как динамичное, вертящееся, оборачивающееся на разные стороны существо, то ворона, но только в таком своем проявлении связывается с привязанной ориентацией к месту, положением в данное время здесь, попаданием в неприятности, статичностью своего вороньего поведения и состояния. Ср. такие из словаря В.И. Даля примеры: Соколь съ мѣста, а ворона на мѣсто. Плохъ соколь, что ворона с мѣста сбила. Гдѣ ворона ни летала, а къ ястребу в когти попала. Попалась ворона в сѣть: попытаюсь, не станет ли пѣть. Ворона за море летала, да вороной и вернулась. Гдѣ вороне ни летать, а все навозъ клевать. Не летать было воронѣ на высокія (боярскія) хоромы. Начто воронѣ большія хоромы, знай ворона свое гнѣздо. Начто воронѣ большіе разговоры, знай ворона свое воронье кра. Узналъ ворону, какъ въ ротъ влетѣла. Сороку-ворону в потешке можно, тем самым интерпретируя воспринимать, которая как сорока – там и здесь, появляется и исчезает, в связующем динамизме двух различных сторон, а как ворона – сидит и находится здесь, в данный отображаемый момент, сейчас, при перемещающейся и перемежающейся раздаче кашки (о которой ранее говорилось) тем, кто не пришедшие гости, кто детки, но с отделяющим ненаделением (кашкой) из них выставляемого на осуждающее обозрение одного. Все остальное возможное, важное в отношении вороны и ее связи с сорокой требует рассмотрения с привлечением разных текстов народной традиции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов, Р.И. (ред.). (1990). *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, т. III (добродѣтельно – изжечисл). Москва: Русский язык.
- Алексеевский, М.Д. (2005). *Застолье в обрядах и обрядовом фольклоре русского севера XIX–XX вв. (на материале похоронно-поминальных обрядов и причитаний)*. Дисс. ... канд. филол. наук, Москва.
- Алексеевский, М.Д. (2008). *Поминальные трапезы на Русском Севере: пищевой код и застольный этикет*. В: *Традиционное русское застолье. Сборник статей* (118–127). Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора.
- Андреев, Н.П. (1929). *Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне*. Ленинград: Изд. Государственного русского географического общества.

- Байбурин, А.К. (1983). *Жилище в обрядах и представлениях восточных славян*. Ленинград: Наука.
- Баранов, Д.А. (1995). *Символические функции русской колыбели*. В: *Славяно-русские древности*, вып. 3: *Проблемы истории Северо-Запада Руси (235–240)*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет.
- Былины Севера*. (1951). Подготовка текста и комментарий А.М. Астаховой, т. II: *Прионежье, Пинега и Поморье*. Москва–Ленинград: Издательство АН СССР.
- Валенцова, М.А. (1999). *Каша*. В: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 2 (483–488), Н.И. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения.
- Виноградова, Л.Н., Толстая, С.М. (1995). *Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: формула и обряд*. В: *Малые формы фольклора. Сборник статей памяти Г.Л. Пермякова (166–197)*. Москва: Восточная литература.
- Власова, М.Н. (1995). *Новая АБЕВЕГА русских суеверий*. Санкт-Петербург: Северо-Запад.
- Головин, В.В. (2001). *Организация пространства новорожденного*. В: *Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры (31–61)*, Е.А. Белоусова (сост.), С.Ю. Неклюдов (ред.). Москва: Российский гос. гуманитарный университет.
- Даль, В.И. (2000). *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. Москва: Русский язык (по изд. 1955 г., со второго изд. 1880–1882 гг.).
- Иванов, Вяч.Вс. (2000/1973). *Категория «видимого» и «невидимого» в тексте. Еще раз о восточнославянских фольклорных параллелях к гоголевскому «Вию»*. В: Вяч.Вс. Иванов, *Избранные труды по семиотике и истории культуры. Статьи о русской литературе*, т. II (78–104). Москва: Языки русской культуры.
- Ивашенко, Я.С. (2019). *Традиционные обряды кормления: морфология, семантика, эволюция*. Журнал интегративных исследований культуры, т. 1, № 2, 105–115.
- Исаева, М.В. (2006). *Мифологическая семантика цвета у древних славян*. В: *Первые Лойфмановские чтения: Аксиология научного познания. Материалы Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 10–11 марта 2005 г.*, вып. 3 (198–203). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Кабакова, Г.И. (2009). *Родины*. В: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 4 (446–448), Н.И. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения.
- Криничная, Н.А. (2004). *Русская мифология: Мир образов фольклора*. Москва: Академический проект Гаудеамус.
- Лантух, Н.А. (2000). *Дом как сакральный центр и сакральная граница в русской национальной картине мира*. Культура народов Причерноморья, 13, 129–135.
- Максимова, Е.Л. (2006). *Черный. Красный. Белый. Россия век XX*. Вестник Университета Российской академии образования, 2, 96–104.
- Малинина, Н.Л. (2015). *Антиномии видимого и невидимого в художественном образе*. Современные проблемы науки и образования, 2 (3), <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23793>, доступ: 27.05.2023.
- Михельсон, М.И. (1997/1912). *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. В 2 т. Москва: ТЕРРА.
- Народные русские сказки А.Н. Афанасьева*. (1957). В 3 т. Москва: Государственное Издательство Художественной Литературы.
- Неклюдов, С.Ю., Новик, Е.С. (2010). *Невидимый и нежеланный гость*. В: *Исследования по лингвистике и семиотике. Сб. статей к юбилею Вяч.Вс. Иванова (393–408)*, Т.М. Николаева (ред.). Москва: Языки славянских культур.
- Новикова, О.В. Нудевива Кем. (2011). *Символика красного цвета в языковой картине мира африканских и восточнославянских народов*. Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, 7, 51–57.
- Панкеев, И.А. (1997). *Тайны русских суеверий*. Москва: Яуза.

- Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А. Иванецким в Вологодской губернии* (1960). Вологда, https://www.booksite.ru/ancient/mode/culture_04_44.htm, доступ: 6.06.2023.
- Плотникова, А.А. (2009). *Порог*. В: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 4 (173–178), Н.И. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Рожаницы-и-Род>, доступ: 4.06.2023.
- Рифтин, А.П. (1946). *Категории видимого и невидимого мира в языке (Предварительный очерк)*. Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологическая, 10, 136–152.
- Сафронова, Л.А. (2006). *Категория жизни и смерти в славянской культуре*. Славяноведение, 6, 3–8.
- Срезневский, И.И. (1958/1883). *Материалы для словаря древнерусского языка*. В 3 т. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Срезневский, И.И. (1885). *Роженцы у славянь и другихъ языческихъ народовъ*. Москва: Въ Типографіи Александра Семена въ Софійской улицѣ.
- Толстая, С.М. (2009). *Погребальный обряд*. В: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 4 (84–91), Н.И. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения.
- Цивьян, Т.В. (1979). *Категория видимого / невидимого: балканские маргиналии*. В: *Balkanica. Лингвистические исследования* (201–207). Москва: Наука.

- Alekseevskii, M.D. (2005). *Zastol'e v obryadakh i obryadovom fol'klоре russkogo severa XIX–XX vv. (na materiale pokhoronno-pominal'nykh obryadov i prichitanii)*. Diss. ... kand. filol. nauk, Moscow.
- Alekseevskii, M.D. (2008). *Pominal'nye trapezy na Russkom Severe: pishchevoi kod i zastol'nyi etiket*. V: *Traditsionnoe russkoe zastol'e. Sbornik statei* (118–127). Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora.
- Andreev, N.P. (1929). *Ukazatel' skazochnykh syuzhetov po sisteme Aarne*. Leningrad: Izd. Gosudarstvennogo russkogo geograficheskogo obshchestva.
- Avanesov, R.I. (red.). (1990). *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)*, t. III (dobrodĕtel'no – izzhechisla). Moscow: Russkii yazyk.
- Baiburin, A.K. (1983). *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan*. Leningrad: Nauka.
- Baranov, D.A. (1995). *Simvolicheskie funktsii russkoi kolybeli*. V: *Slavyano-russkie drevnosti*, vyp. 3: Problemy istorii Severo-Zapada Rusi (235–240). St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet.
- Byliny Severa*. (1951). Podgotovka teksta i kommentarii A.M. Astakhovoi, t. II: *Prionezh'e, Pinega i Pomor'e*. Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Dal', V.I. (2000). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*. V 4 t. Moscow: Russkii yazyk (po izd. 1955 g., so vtorogo izd. 1880–1882 gg.).
- Golovin, V.V. (2001). *Organizatsiya prostranstva novorozhdenного*. V: *Rodiny, deti, povitukhi v traditsiyakh narodnoi kul'tury* (31–61), E.A. Belousova (sost.), S.Yu. Neklyudov (red.). Moscow: Rossiiskii gos. gumanitarnyi universitet. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Rozhanitsy-i-Rod>, accessed: 4.06.2023.
- Ivanov, Vyach. Vs. (2000/1973). *Kategoriya «vidimogo» i «nevidimogo» v tekste. Eshche raz o vostochnoslavyanskikh fol'klornykh parallelyakh k gogolevskomu «Viyu»*. V: *Vyach.Vs. Ivanov, Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. Stat'i o russkoi literature*, t. II (78–104). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

- Ivashchenko, Ya.S. (2019). *Traditsionnye obryady kormleniya: morfologiya, semantika, evolyutsiya*. Zhurnal integrativnykh issledovaniy kul'tury, t. 1, № 2, 105–115.
- Isaeva, M.V. (2006). *Mifologicheskaya semantika tsвета u drevnykh slavyan*. V: *Pervye Loifmanovskie chteniya: Aksiologiya nauchnogo poznaniya. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Ekaterinburg, 10–11 marta 2005 g.*, vyp. 3 (198–203). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Kabakova, G.I. (2009). *Rodiny*. V: *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, t. 4 (446–448), N.I. Tolstoi (red.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Krinichnaya, N.A. (2004). *Russkaya mifologiya: Mir obrazov fol'klora*. Moscow: Akademicheskii proekt Gaudeamus.
- Lantukh, N.A. (2000). *Dom kak sakral'nyi tsentr i sakral'naya granitsa v russkoi natsional'noi kartine mira*. Kul'tura narodov Prichernomor'ya, 13, 129–135.
- Maksimova, E.L. (2006). *Chernyi. Krasnyi. Belyi. Rossiya vek XX*. Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya, 2, 96–104.
- Malinina, N.L. (2015). *Antinomii vidimogo i nevidimogo v khudozhestvennom obraze*. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya, 2 (3), <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23793>, accessed: 27.05.2023.
- Mikhel'son, M.I. (1997/1912). *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazanii*. V 2 t. Moscow: TERRA.
- Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva*. (1957). V 3 t. Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literatury.
- Neklyudov, S.Yu., Novik, E.S. (2010). *Nevidimyi i nezhelannyi gost'. V: Issledovaniya po lingvistikе i semiotike. Sb. statei k yubileyu Vyach.Vs. Ivanova (393–408)*, T.M. Nikolaeva (red.). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- Novikova, O.V. Nudeviva Kem. (2011). *Simvolika krasnogo tsвета v yazykovoi kartine mira afrikanских i vostochnoslavyskikh narodov*. Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta, 7, 51–57.
- Pankeev, I.A. (1997). *Tainy russkikh sueverii*. Moscow: Yauza.
- Pesni, skazki, posloviцы, pogovorki i zagadki, sobrannye N.A. Ivanitskim v Vologodskoi gubernii (1960)*. Vologda, https://www.booksite.ru/ancient/mode/culture_04_44.htm, accessed: 6.06.2023.
- Plotnikova, A.A. (2009). *Porog*. V: *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, t. 4 (173–178), N.I. Tolstoi (red.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Riftin, A.P. (1946). *Kategorii vidimogo i nevidimogo mira v yazyke (Predvaritel'nyi ocherk)*. Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya filologicheskaya, 10, 136–152.
- Safronova, L.A. (2006). *Kategoriya zhizni i smerti v slavyanskoй kul'ture*. Slavyanovedenie, 6, 3–8.
- Sreznevskii, I.I. (1958/1883). *Materialy dlya slovaryа drevnerusskogo yazyka*. V 3 t. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovari.
- Sreznevskii, I.I. (1885). *Rozhenitsy u slavyan i drugikh yazycheskikh narodov*. Moscow: V Tipografii Aleksandra Semena v Sofiiskoi ulitsѣ.
- Tolstaya, S.M. (2009). *Pogrebal'nyi obryad*. V: *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, t. 4 (84–91), N.I. Tolstoi (red.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Tsiv'yan, T.V. (1979). *Kategoriya vidimogo / nevidimogo: balkanskіe marginalii*. V: *Balkanica. Lingvisticheskie issledovaniya (201–207)*. Moscow: Nauka.
- Valentsova, M.A. (1999). *Kasha*. V: *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, t. 2 (483–488), N.I. Tolstoi (red.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Vinogradova, L.N., Tolstaya, S.M. (1995). *Ritual'nye priglaseniya mifologicheskikh personazhei na rozhdstvenskii uzhin: formula i obryad*. V: *Malye formy fol'klora. Sbornik statei pamyati G.L. Permyakova (166–197)*. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Vlasova, M.N. (1995). *Novaya ABEVEGA russkikh sueverii*. St. Petersburg: Severo-Zapad.

Ваня Иванова (Vania Ivanova)

 <https://orcid.org/0000-0002-1936-7983>

*Великотърновский университет
имени Святых Кирилла и Мефодия
Филологический факультет, кафедра русистики
ул. «Т. Търновски», № 2
5003 Велико Търново, България,
vania.ivanova1@gmail.com*

**ПЕРЕВОД ТОПОНИМОВ КАК ПРОБЛЕМА ОБУЧЕНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПЕРЕВОДУ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ СТУДЕНТОВ
И УЧЕНИКОВ СТАРШИХ КЛАССОВ)**

**Translation of Toponimes as a Problem
of Teaching Literary Translation
(by the Material of Translations of Students
and High School Pupils)**

Резюме

Настоящая статья посвящена переводу топонимов и основным трудностям, с которыми сталкиваются в этом процессе молодые переводчики.

Цель настоящей статьи – выявить некоторые ошибки при переводе топонимов, в частности, одного из их видов – урбанонимов (названий внутригородских объектов) с русского языка на болгарский язык. Настоящее исследование реализовано на материале переводов студентов и учеников старших классов.

Основными методами, используемыми в ходе исследования, являются дескриптивный, сопоставительный анализ перевода с оригиналом на лексическом и семантическом уровнях, обзор переводческих ошибок с точки зрения их сущности и причин возникновения. Анализ настоящих переводов учащихся позволил отметить следующие ошибки в области передачи топонимических названий – урбанонимов с русского на болгарский язык: неточную передачу названий, входящих в разряд национально-специфических реалий, собственно реалий и аббревиатур; несоблюдение пунктуационных правил болгарского языка при написании топонимов, обозначающих улицы, площади и т.п.; неточности, связанные с графической формой названий.

Результаты анализа актуальны для обучения художественному переводу и помогут исправить ошибки данного типа в процессе подготовки молодых переводчиков.

Ключевые слова: перевод, топонимы, урбанонимы, переводческие ошибки, русский язык, болгарский язык.

Summary

This article is devoted to the translation of toponyms and the main difficulties that young translators face in this process.

The purpose of this article is to identify some errors in the translation of toponyms and, in particular, their category – urbanonyms (names of intracity objects) from Russian into Bulgarian. This study is carried out on the basis of student translations and translations of high school students.

The main method used in this article is a comparative analysis of the translation with the original at the lexical and semantic levels; the descriptive method and the method of analyzing translation errors from the point of view of their essence and causes are also applied.

The analysis of translations of students made it possible to identify the following errors in the transfer of toponymic names – urbanonyms from Russian into Bulgarian: inaccurate transfer of names included in the category of national-specific realities and abbreviations; non-compliance with the punctuation rules of the Bulgarian language in the spelling of the names of urbanonyms denoting streets, squares, etc.; errors associated with language proficiency at the level of morphology and with the perception of the graphic form of toponyms.

The results of the analysis are relevant for teaching literary translation and will help overcome errors of this type in the process of training young translators.

Keywords: translation, toponyms, urbanonyms, translation errors, Russian language, Bulgarian language.

Художественный перевод – деятельность, основной задачей которой является создание переводного произведения, адекватного в смысловом, художественном и эстетическом отношении тексту оригинала. Качество художественного перевода складывается из следующих составляющих: адекватности, обеспечивающей воспроизведение в переводе функций исходного текста, и эквивалентности, предполагающей максимальную лингвистическую близость текстов оригинала и перевода. Кроме хорошего владения языками оригинала и перевода, врожденного таланта и познаний в области литературы, необходимых в первую очередь для создания качественного текста, обязательно нужно учитывать теоретические установки, рассматриваемые в теории, помогающие в переводческой практике и способствующие избежанию ошибок в процессе работы над текстом. Учитывая в последние годы значительное снижение качества переводов художественной литературы на болгарский язык (не только с русского языка), можем с уверенностью утверждать, что обучение художественному переводу на лингвистических факультетах гуманитарных вузов, более чем необходимо. К сожалению, не

во всех программах болгарских университетов, предлагающих языковое обучение, присутствует указанная дисциплина. Иногда она преподается единственно в магистерской степени обучения, или присутствует в учебных планах только в качестве выбираемой дисциплины. А перевод в языковой паре *русский язык – болгарский язык*, тем более в области художественной литературы, характеризуется множеством особенностей, сложностей и специфических черт.

Основные трудности при переводе связаны с русско-болгарской омонимией, вызванной значительным совпадением лексического состава обоих языков, но необязательной эквивалентностью значений совпадающих лексем, с темпоральной асимметрией при глаголах, а также с переводом национально-специфических и культурных реалий. Топонимы, являясь элементами национальной специфики, близкими к реалиям (Флорин, Влахов, 1980, 13), также характеризуются определенными особенностями при переводе и часто вызывают трудности, особенно у учащихся и других неопытных переводчиков.

Цель настоящей статьи – выявить некоторые трудности и ошибки при переводе топонимов с русского языка на болгарский на материале переводов художественного текста. Обнаруженные ошибки помогут определить вопросы, на которые нужно обратить внимание учащихся при переводе топонимов с русского языка на болгарский.

Настоящее исследование осуществляется на материале конкурсных переводов студентов и учеников X–XI классов. Рассматриваемые переводы являются материалами Международного конкурса для молодых переводчиков «Трансформации», организатором которого является филологический факультет Великотырновского университета имени Святых Кирилла и Мефодия в городе Велико-Тырново, Болгария. Конкурс «Трансформации» проводится с 2016 года, и в нем принимают участие студенты и ученики старших классов как из Болгарии, так и из-за рубежа. Для перевода с иностранного языка на болгарский предлагаются тексты на всех 20 языках, изучаемых на филологическом факультете Великотырновского университета, а для изучающих болгарский язык и культуру за рубежом, – тексты болгарских авторов, которые отмечаются в болгарском культурном календаре соответствующего года. В состав жюри конкурса входят высококвалифицированные преподаватели иностранных языков, иностранные лекторы филологического факультета Великотырновского университета, а также ассоциированные преподаватели из других образовательных и культурных учреждений. Изучение конкурсных работ участников предполагает анализ разностороннего материала, способствующего выявлению основных типов часто допускаемых ошибок, широкий взгляд на всевозможные трудности, возникающие в процессе перевода у студентов и учеников разных учебных заведений, с неодинаковым уровнем владения русским языком.

В качестве текста для перевода с русского на болгарский язык в 2022 г. был выбран отрывок из романа Дмитрия Глуховского «Пост 2. Спасти и сохранить». В указанном отрывке присутствует ряд топонимов, перевод которых проанализирован в настоящей статье. Прежде чем начать анализ переводов студентов и учеников старших классов, необходимо сказать несколько слов о топонимах, их классификации и о приемах их передачи на другой язык, принятых в переводческой теории и практике.

Топонимы (от греч. *topos* ‘место’ и *оупта* ‘имя’) представляют собой знаки-ориентиры, наименования, привязанные к определенным географическим объектам. Это названия населенных пунктов, водных объектов, особенностей рельефа и т.п. Что касается их классификации в лексической системе языка, то вопрос в определенной степени остается открытым, поскольку в современной лингвистике существуют различные подходы к классифицированию топонимов в зависимости от разных принципов, лежащих в их основе. Например, они могут быть систематизированы в зависимости от признака самого объекта, положенного в основу названия (относящиеся к населенным пунктам и к естественным природным образованиям) (Подольская, 1990); по лексико-семантической структуре и по типу лексической или морфолого-словообразовательной топонимической деривации (Черняховская, 1967); по их соотносительности с называемыми объектами и по степени номинации (первичные – произошедшие от нарицательных имен и вторичные – от имен собственных) (Суперанская, 1973); с точки зрения семантики наименований (в зависимости от значений, служивших источником названия) (Карпенко, 1964). Среди представленных классификаций самыми распространенными являются систематизации топонимических названий по характеру объекта номинации, т. е. деление по типу называемого объекта (Мурзаев, 1982; Басик, 2006, Подольская, 1970). Например, Н.В. Подольская выделяет названия географических объектов в зависимости от их принадлежности к определенному разделу или подразделу топонимии на основе обозначения определенного типа объекта: гидронимы (названия водных объектов); потамонимы (названия рек, ручьев); лимнонимы (названия озер, лиманов, водохранилищ); пелагонимы (названия морских акваторий); гелонимы (названия болот); спелеонимы (названия пещер); оронимы (названия форм и элементов рельефа); дримонимы (названия лесов, боров, роц и т.п. и их частей); хоронимы (названия территорий, областей, районов, стран в физической и экономической географии); ойконимы (названия поселений); комонимы (названия сел и поселков); полисонимы (названия городов); урбанонимы (названия городских объектов); дромонимы (названия путей сообщения) (Подольская, 1970). Классификация Э.М. Мурзаева основана на том же принципе, она включает некоторые из указанных названий, хотя и представляет систематизацию топонимов в более сжатом виде. Среди топонимов он выделяет оронимы (названия особенностей рельефа), гидронимы (назва-

ния водных объектов), ойконимы (названия населенных мест), фитонимы (названия объектов растительности), урбанонимы (названия объектов городской среды – улиц, площадей, остановок и т.п.) (Мурзаев, 1982, 90). Классификация С.Н. Басика включает большинство из указанных выше названий, но она более детальная и в ней представлены разные разделы и подразделы (Басик, 2006).

В контексте настоящей работы для нас представляет особый интерес раздел топонимических классификаций, рассматривающий урбанонимы – названия объектов городской среды. Урбанонимы – это «все названия внутригородских объектов, как ныне существующих, так и использовавшихся в предшествующие эпохи» (Мезенко, 1991, 15). Это названия линейных (улиц, переулков, проспектов, проездов, тупиков, линий и т.п.), территориальных (площадей, скверов, парков, рынков, районов, прудов и т.п.) и масштабных объектов (церквей, костелов, монастырей, кинотеатров, гостиниц, кафе, памятников и т.п.). Урбанонимия представляет собой набор названий очень разнородных объектов, входящие в нее единицы тесно связаны между собой и выполняют одинаковые функции, что является основой их объединения в один класс топонимов. Языковой контекст (внутригородские названия) выступает следствием контекста вещей (все называемые объекты находятся внутри города) (Мезенко, 1991).

Рассматриваемые урбанонимы в нашей работе – это названия московских улиц, площадей, известных архитектурных сооружений: *Ильинка, Лубянка, Тверская, Варварка, Софийская набережная, Красная площадь, Манежная площадь, ГУМ, Исторический музей, Спасская башня* и *Иерусалимские ворота* в Кремле, а также общеизвестное для носителей русского языка название часов на Спасской башне в Кремле – *Куранты* (имя нарицательное, употребляемое в конкретном случае в качестве собственного).

Согласно основным концепциям в теории перевода существует четыре общепринятых приема передачи топонимов – транскрипция, транслитерация, калькирование и перевод. В более редких случаях наблюдается использование других переводческих трансформаций – опущения, добавления, замены, перестановки и др. в зависимости от целей и специфики переводимого текста.

Под транскрипцией подразумевается воспроизведение звуковой формы иностранного слова, а под транслитерацией – воспроизведение графической формы буквенного состава слова (Бархударов, 1975, 97). Прием калькирования заключается в передаче безэквивалентной лексики исходного языка при помощи замены ее составных частей – морфем или слов их прямыми лексическими соответствиями (Бархударов, 1975, 99). Метод калькирования чаще всего используется для перевода топонимов с ясной внутренней формой. Дальше, ответ на основной вопрос – транскрибировать или переводить – зависит от самого имени, от связанной с ним и его референтом традиции

и от контекста (Флорин, Влахов, 1980, 211). В отношении передачи топонимов – названий действительно существующих географических объектов – в литературе по теории перевода строго установленного правила не обнаруживается. По традиции одни топонимы передаются путем транскрипции независимо от достаточно ясного содержания, например: Шварцвальд, а не «Черный лес», Стара планина, а не «Старая гора». Другие топонимы переводятся: остров Святой Елены – в оригинале «Saint Helena Island», Берег Нокса – в оригинале «Кнох Coast» (Флорин, Влахов, 1980, 217). При выборе транскрипции в качестве способа передачи топонимов очень важно учесть, имеет ли определенное название географического объекта уже утвердившийся в переводящем языке графический облик, или его только предстоит транскрибировать. В первом случае имя обычно берется в уже готовом виде, который в принципе не подлежит изменению. Во втором – переводчик транскрибирует имя, стараясь максимально приблизить его произношение к оригинальному (Флорин, Влахов, 1980, 209–210). Болгарский теоретик перевода И. Васева выделяет несколько положений, которые следует иметь в виду в процессе перевода топонимических наименований с русского на болгарский язык:

1. Широко известные географические названия обычно транскрибируются: Нижний Новгород – Нижни Новгород, Ростов-на-Дону – Ростов на Дон и т.д.

2. Малоизвестные названия местностей (местного значения) обычно переводятся: Медвежий лог – Мечи дол, Тухлый водоем – Смръдлив вир, Слепой брод – Слепи бр, Соловьиный лог – Славеин дол. При этом переводному названию следует придавать облик болгарской топонимики (напр. Мечи дол, Слепи брод по образцу: Голи рид, Гърми дол, Долни Дъбник и т.п.).

Нередко по традиции переводят и широко известные названия, например: нос Добра Надежда, Канарски острови, Тихи океан, Северен ледовит океан, Земята на Франц Йосиф и пр.

3. Названия улиц, площадей, районов и т.п. чаще всего транскрибируются, например: Унтер ден линден, Садовое колцо, Чистие пруди и пр. Значительно реже такие названия переводятся, например, Красная площадь – Червения площад (Васева, 1980, 132–133).

При передаче названий улиц, переулков, проспектов, площадей и т.п. важно учитывать требования болгарской орфографии и пунктуации. Название соответствующего объекта, которое в оригинале находится в постпозиции, в болгарском переводе заключается в кавычки: улица Чехова – улица «Чехов», бульвар Дмитрия Донского – булевард «Дмитрий Донской», площадь Гагарина – площад «Гагарин». В тех случаях, когда имя собственное находится в препозиции, конструкция в переводе на болгарский язык иногда сохраняется, и кавычки не ставятся (обычно для хорошо известных названий и по традиции), например: Невский проспект – Невски проспект. Однако в большинстве случаев применяется вышеуказанное правило, например: Тверская улица – улица «Тверска».

На основе вышеприведенных правил перевода топонимов с русского на болгарский язык проанализируем переводы учащихся и отметим основные трудности и часто допускаемые ошибки. Сначала представим отрывок текста оригинала, содержащий топонимическое название – урбаноним, его определение и варианты перевода учащихся. Если присутствуют переводческие ошибки, относящиеся к другим словам и словосочетаниям в рамках данного фрагмента, то в настоящей работе они не рассматриваются. Для сравнения после представленных версий перевода топонимов-урбанонимов студентов и учеников, приведем вариант официального переводчика рассматриваемого опубликованного произведения, чтобы установить, в какой степени соблюдаются правила теории перевода в переводческой практике с русского на болгарский язык в настоящее время. Конечно, это будет лишь фрагментарный взгляд на проблему, поскольку речь идет только о работе одного переводчика и отрывках перевода только одного произведения.

Первый рассматриваемый урбаноним – *Куранты*. Слово *куранты* означает башенные или большие комнатные часы с колоколами, отбивающими каждый час заданную мелодию. Однако, как известно, для жителей Российской Федерации и для владеющих русским языком и имеющих познания в области русского страноведения, это слово устойчиво ассоциируется с Курантами Московского Кремля. Главными часами России являются именно Кремлевские куранты, они же и описаны автором в рассматриваемом отрывке.

Оригинал:

Когда начинают бить *Куранты*, народ уже ждет: снимал шапки и потупился.

Варианты перевода учащихся:

1. Когато *часовниците на Кремъл* започнаха да звънят, народът вече чакаше: със свалени шапки и приведени глави.

2. Когато *камбаните* започнаха да бият, хората вече бяха надошли: свалили шапки и с наведени глави.

3. Когато забият *камбаните*, хората вече са готови: свалят шапки и свеждат глави.

4. Когато започват да бият *камбаните*, хората вече чакат: свалиха шапките и погледнаха надолу.

5. Когато *камбаните* започват да бият, хората вече чакат със свалени шапки и сведени глави.

6. Когато *Кремълските камбани* започнат да бият, народът вече чака: свалил шапки и с наведени глави.

7. Когато *камбаните* започват да бият, народът вече чака: свалил шапките и свел глава.

8. С биенето на *градския часовник* народът вече чакаше със свалени шапки и сведени погледи.

9. Когато *Кремълският часовник на Спаската кула* заби, народът вече чакаше: наведен, със свалени шапки.

10. Когато *часовниковата кула* започва да бие, народът вече чака със свалени шапки и сведени погледи.

11. Когато започват да бият *камбаните**; хората вече чакат, свалили шапки и гледащи надолу. * Часовници, инсталирани на Спаската кула на Московския Кремъл, които отброяват всеки кръгъл час с камбанен звън.

12. *Камбаните* започват да бият, а множеството вече чака, снело шапки и навело глави.

13. Когато започне да бие *часовникът на Кулата*, хората вече чакат: свалили шапки и навели глави.

14. Когато *часовниковата кула* започва да бие, народът вече чака: снел шапка и навел глава.

Из приведенных фрагментов переводов видно, что большинство учащих ся выбрало в качестве эквивалента слово *камбана* в мн. ч. (рус. колокол – мн. колокола). Этот прием можно не считать ошибочным и рассматривать как трансформацию, связанную с конкретизацией на основе целого – части целого, поскольку колокола являются элементом устройства Кремлевских курантов. Конечно, с точки зрения максимальной эквивалентности, самыми лучшими вариантами являются (9) *Кремълският часовник на Спаската кула* и (1) *часовниците на Кремъл*, которые свидетельствуют о том, что учащиеся не только смогли понять значение данного урбанонима, но и передать его с большей точностью в болгарском переводе. Заслуживает внимания также вариант (11), в котором переводящий указал точное значение слова *Куранты* в сносках – один из самых предпочтительных вариантов передачи национально-специфических реалий, в числе которых можем рассматривать и данное слово.

Недоумение, однако, вызывает решение переводчика опубликованного романа на болгарский язык в отношении передачи рассматриваемого урбанонима, которое звучит так: «Когато започват да бият *курунтите*, народът вече чака, свалил шапка и пристъпвайки от крак на крак». В данном случае переводчик принял решение протранскрибировать данное слово без каких-либо других объяснений, считая, по всей вероятности, что это знакомое слово для болгарского читателя. Однако давно уже среднестатистический болгарский читатель не знаком с русскими реалиями, как это было более 30 лет назад. Тем более, что этот роман принадлежит к жанру так называемой «постапокалиптической фантастики», и ориентирован преимущественно на молодое поколение, большинство представителей которого не имеет страноведческих познаний в области русских реалий. Кроме того, если все-таки будем транскрибировать это слово без объяснений в сносках или в тексте, то по меньшей мере нужно сохранять прописную букву, как написал название автор в оригинале, поскольку это имя нарицательное функционирует в качестве собственного в данном контексте.

Следующий урбаноним в тексте для перевода – *Спасская башня*. Как известно, Спасская башня – это проездная башня Московского Кремля, выходящая на Красную площадь.

Оригинал:

Снег мягкий, но идет густо – и *Спасская башня* уже за полверсты сквозь белый тюль почти не видна.

Варианты перевода учащихся:

1. Снегът бе мек, но се сипеше на парцали и *Спаската кула* през белия тюл от сняг едва се виждаше на петстотин метра.

2. Снегът е мек, но вали нагъсто и *Спаска кула* зад тях е почти невидима вече поради мъглата от бял снежен тюл.

3. Снегът е мек, но обилен – на около километър разстояние *Спаската часовникова кула* е почти невидима през белия тюл.

4. Снегът е мек, но вали силно – и *Спаската кула* вече почти не се виждаше от половин верста през белия воал.

5. Снегът е мек, но вали на едри парцали – през белия тюл *Спаската кула* вече почти не се вижда и от петстотин метра разстояние.

В данном случае благодаря идентичному лексическому оформлению переводной конструкции в обоих языках, затруднений в переводе для учащихся не наблюдается, поэтому в статью не включены все отрывки конкурсных переводов. Только в переводе (2) обнаруживаем ошибку – отсутствие определенного артикля *-та* в первом компоненте словосочетания, который обязателен в болгарском языке в данном случае.

К выбранному переводчиком способу передачи этого урбанонима тоже не имеется комментариев:

Снегът е мек, но гъст – и *Спаската кула* вече не се вижда от половин километър зад белия тюл.

В следующем отрывке рассматриваются названия *Иерусалимские ворота* и *Красная площадь*.

Иерусалимские ворота – это ворота Спасской башни, парадный въезд в Кремль. Сначала ворота именовались Иерусалимскими по названию храма Входа Господня в Иерусалим, а уже позже начали называть их Спасскими в связи с тем, что до конца XVIII века у Москворецких ворот располагалась церковь Спаса Смоленского, в память взятия Смоленска. Позже по названию Спасских ворот стали именовать и саму башню.

Красная площадь – главная площадь Москвы, расположена между Московским Кремлем и Китай-городом.

Оригинал:

... когда бьет двенадцатый удар и *Иерусалимские ворота* раскрываются под всеобщий восторженный вздох, собравшаяся на *Красной площади* толпа вся уже кажется седой.

Варианты перевода учащихся:

1. ... в онзи момент, в който часовникът бие за дванадесети път и *Йерусалимските порти* на кулата се отворят, предизвиквайки всеобщо ахване от възторг, цялата събрала се на *Червения площад* тълпа вече изглежда сива.

2. ... щом удари дванадесетият звън и *Йерусалимските порти* се разтвори под всеобща пламенна въздишка, струпаната на *Червения площад* тълпа бе побеляла цялата.

3. ... към онзи миг, когато дванадесетият удар бие и *Йерусалимските порти* се отварят под всеобща ентузиазизирана въздишка, събраната на *Червения площад* тълпа цялата вече изглежда побеляла.

4. ... в момента, когато дванадесетият удар настъпва и *Йерусалимските порти* се откриват под обща възторжена въздишка, тълпата на *Червения площад*, вече изглежда сива.

5. ... до мига, в който камбаните озвучават дванадесетия си удар и *Йерусалимските порти* се отварят под всеобща възторжена въздишка, събралата се на *Червения площад* тълпа е вече с прошарени коси.

6. ... в мига, когато удря дванадесет часа и *Йерусалимската порта* се отваря пред всеобщия възторг, събралата се на *Червения площад* тълпа вече изглежда изцяло сива.

7. ... в мига, в който отекне дванадесетият удар и *Йерусалимските порти* се отворят с всеобща възторжена въздишка, вече цялата тълпа, събрала се на *Червения площад*, изглежда така, сякаш косите ѝ са побелели.

8. ... когато удари дванадесетият удар и *портите на Йерусалим** се отворят под всеобщата възторжена въздишка, събралата се на *Червения площад* тълпа ще бъде цялата с посребрени коси. * Част от Спаската кула.

9. ... в мига, когато отеква дванадесетият удар и под всеобщата възторжена въздишка се отварят *Йерусалимските врати*, събралата се на *Червения площад* тълпа вече изглежда сива.

10. ... така че до момента на дванадесетия удар и разтварянето на *Йерусалимските врати*, под всеобщия възторг, събралата се на *Червения площад* тълпа, вече изглежда побеляла.

В отношении названия *Йерусалимские ворота* интересно то, что слово *ворота* в русском языке принадлежит к разряду *pluralia tantum*, а его болгарский эквивалент *порта* употребляется в единственном и множественном числе. Однако в болгарском языке существуют специфические оттенки значения этого слова, связанные с его морфологической категорией числа: если имеются в виду большие проездные ворота каких-нибудь зданий, башен, крепостей и т.п., то предпочтительно употребление мн. ч. – *порти*, а когда подразумевается вход, въезд в здание или пространство меньшего размера – дом, двор и т.п. – употребляется в ед. ч. – *порта*. Как видно из приведенных отрывков, подавляющее большинство студентов и учеников отметили эту разницу в семантике и правильно употребили слово во множественном числе. Только в варианте (6) переводящий выбрал эквивалент *порта*, также обнаруживаются два не со-

всем уместных употребления болгарского слова *врата* – рус. *дверь* (9), (10), которые, впрочем, не искажают значение данного отрывка текста в целом.

Перевод названия главной площади Москвы – *Красной площади* – не вызвал никаких затруднений у учащихся, поскольку она достаточно известна, да и само название характеризуется довольно ясной внутренней формой. По традиции это название переводится на болгарский язык и известно как *Червеня площад*.

Приведем и вариант переводчика, в котором семантическая разница, связанная с морфологической категорией числа в болгарском языке в отношении эквивалента русского слова *ворота*, не учтена.

... в мига, когато камбаните удрят за дванайсети път и *Йерусалимската порта* се разтваря под съпровода на всеобща възторжена въздишка, събралата се на *Червеня площад* тълпа вече изглежда цялата белокоса.

В последнем анализируемом фрагменте перевода рассматриваются названия урбанонимов и улиц: *ГУМ* (аббревиатура от *Государственный универсальный магазин*), *Исторический музей*, *Манежная площадь* (одна из самых больших площадей в центре Москвы, расположенная рядом с Кремлем и Александровским садом), *Софийская набережная*, *Ильинка*, *Лубянка*, *Тверская* и *Варварка*.

Оригинал:

Громкоговорители вторят ему от *Исторического музея*, от *ГУМа*, от *Софийской набережной*, от *Манежной площади*, с *Ильинки*, с *Лубянки*, с *Тверской*, с *Варварки* – отовсюду, где сейчас собрались в честь светлого праздника люди.

Варианты перевода учащихся:

1. Високоговорители отекваха от *Историческия музей*, от *ЦУМ-а*, от района на *Софийската крайбрежна зона*, от *Манежния площад*, от улиците *Илинка*, *Любянка*, *Тверска*, *Варварка* – от всички места, където се бяха събрали хора в чест на светлия празник.

2. Високоговорители отекват от *Историческия музей*, от *ГУМа*, от *Софийска крайбрежна*, от *Манежния площад*, от *Илинка*, от *Любянка*, от *Тверская*, от *Варварка* – отвсякъде, където са се събрали хора в чест на светлия празник.

3. Високоговорители го отекват от *Историческия музей*, от *ГУМ*, от *Софийския насип*, от *площад Манежная*, от *Илинка*, от *Лубянка*, от *Тверская*, от *Варварка* – отвсякъде, където са се събрали хора в чест на светлия празник.

4. С помощта на високоговорители гласът отеква от *Историческия музей*, от *ГУМ*, от *Софийския насип*, от *площадите «Манежен»*, *«Лубянски»*, от улиците *«Илинка»*, *«Тверска»*, *«Варварка»* – отвсякъде, където сега хората са се събрали в чест на светлия празник.

5. Високоговорителите го повтарят от *Историческия Музей*, от *ГУМ*, от *Софийската крайбрежна улица*, от *Манежния площад*, от *улица Илинка*,

от зданието *Любянка*, от улица *Тверска*, от улица *Варварка* – отвсякъде, където в чест на светлия празник се бяха събрали хора.

6. Високоговорителите огласяят съобщението и от *Историческия музей*, от *ГУМ*, *Софийската крайбрежна алея*, *Манежния площад*, ул. «*Илинка*», ул. «*Любянка*», ул. «*Тверская*», ул. «*Варварка*» – отвсякъде, където сега са се събрали хора в чест на светлия празник.

7. Глашатаяите повтарят казаното на всички страни – от *Историческия музей*, от *Централния универсален магазин*, от *Софийската крайбрежна улица*, от *Манежния площад*, от улица *Илинка*, от *сградата на Любянка*, от улица *Тверская*, от улица *Варварка* – към всички посоки, в които са се събрали хората, дошли да почетат светлия празник.

8. Говорителите повтаряха това от *Историческия музей*, *ГУМ*, *Софийската крайбрежна линия*, *Манежния площад* и така чак до *Илинки*, *Любянки*, *Твер* и *Варварки* – навсякъде, където сега са бяха събрали хора в чест на светлия празник.

9. Високоговорителите го повтарят от *Историческия музей*, от *ГУМ*, от *Софийската крайбрежна улица*, от *Манежния площад*, от улиците *Илинка*, *Тверска*, *Варварка*, от *Любянския площад* – отвсякъде, където са се събрали хора да честват празника.

10. Високоговорители повтарят тези думи от *Историческия музей*, от *ГУМ-а*, от *Софийската крайбрежна алея*, от *Манежния площад*, от улица «*Илинка*», от *Любянка*, от улица «*Тверская*», от улица «*Варварка*» – отвсякъде, където са се събрали хора в чест на светлия празник.

11. Високоговорители го повтарят от *Историческия музей*, от *ГУМ*, от *Софийската крайбрежна улица*, от *Манежния площад*, от *Илинка*, от *Любянка*, от *Тверска*, от *Варварка* – отвсякъде, където хората сега са се събрали в чест на светлия празник.

12. Високоговорителите ехтят от *Исторически музей*, от *универсалния магазин*, от *Софийска крайбрежна*, от *Манежния площад*, от *Илинка*, *Любянка*, от *Тверския*, от *Варварка* – отвсякъде, където сега хора са се събрали в чест на светлия празник.

13. Високоговорители връщат гласа откъм страната на *Историческия музей*, от *ГУМа*, от *Софийската крайбрежна улица*, от *Манежния площад*, от *Илинка*, от *Любянка*, от *Тверската улица*, от *Варварка* – отвсякъде, където в този момент са се събрали хора в чест на светлия празник.

14. Гръмко ехо му отговаря от *Историческия музей*, от *ГУМ*, от *Софийска набережна*, от *Манежния площад*, от *Илинка*, от *Любянска*, от *Тверска*, от *Варварка* – отвсякъде, където в този миг са се събрали хора в чест на светлия празник.

Среди всех урбанонимов в рассматриваемом фрагменте текста единственное название, переданное без ошибок в переводном тексте, это *Исторический музей*, по причине идентичного звучания и значения данного сло-

восочетания в болгарском языке. Только один из молодых переводчиков написал второй компонент словосочетания *музей* ошибочно с прописной буквы. Аббревиатура *ГУМ* расшифровывается как *Государственный универсальный магазин*, и это название сохранено, несмотря на то, что в 1990 г. магазин был приватизирован и в настоящее время не является собственностью государства. Большинство учащихся сохранило графический облик в переводе, наверное, по аналогии с болгарской аббревиатурой *ГУМ – Градски универсален магазин*. Это допустимый вариант перевода, однако в таком случае лучше указать в сносках полное название соответствующего объекта. В двух из переводов учащихся употребляется аббревиатура *ЦУМ* и полное название *Централен универсален магазин* по аналогии с названием главного универсального магазина в болгарской столице в прошлом, что является ошибочной заменой реалии реалией. В отношении орфографии аббревиатур в болгарском языке можно отметить, что почти во всех переводах наблюдаются ошибки. Данная синтаксическая позиция сокращения требует употребления неопределенного артикля, который присоединяется к аббревиатуре через дефис *ГУМ-а*. В большинстве переводов присутствует аббревиатура с нулевым артиклем, а в двух – отсутствует дефис, связывающий артикль с аббревиатурой.

Урбаноним *Софийская набережная* ни в одном из переводов не передан в соответствии с требованиями болгарской пунктуации. Здесь наблюдается и определенное разнообразие ошибочных вариантов: *Софийската крайбрежна зона*, *Софийската крайбрежна линия*, непереуведенный компонент *Софийска набережна* и самое неудачное переводческое решение, обнаруженное в двух из переводов, – *Софийския насип* (рус. *насыпь*). В двуязычных русско-болгарских словарях (см. Библиография) такого соответствия не обнаруживается, но интернет-сервис «Google Переводчик» переводит слово *набережная* как *насыпь*, исходя из значения «Берег, укрепленный стенкой из камня, дерева и т.п.». Перевод названия *Манежная площадь* как и Красная площадь, не оказался сложным для учащихся, болгарский язык по традиции сохраняет форму русского оригинала – *Манежен площад*. Обнаруживается только одна ошибка – *площад Манежная*, где воспроизводится русское родовое окончание второго компонента словосочетания. Среди переводов присутствует и другой вариант, который не считается ошибочным – *площад «Манежен»*, хотя он не соответствует традиционному написанию этого топонимического названия в болгарском языке.

Ильинка, *Лубянка*, *Тверская* и *Варварка* – известные урбанонимы – улицы, находящиеся в Центральном административном округе города Москвы. Только в двух из студенческих переводов названия этих улиц правильно заключены в кавычки, все остальные переводящие воспроизвели русское оформление данных урбанонимов. Самая грубая ошибка наблюдается в переводе (8), в котором названия улиц написаны в болгарском переводе в их

падежных формах – *Илинки, Лубянки и Варварки*. Помимо неумения переводить, это свидетельствует также о серьезных пробелах в области грамматики русского языка.

Другая проблема в этом фрагменте – некорректный перевод топонима *Лубянка*, который присутствует в разных вариантах: *Любянка* (в трех примерах), *Лубянска*, *зданието Любянка*, *сградата на Лубянка*, *Лубянская площадь*, *площад «Лубянки»*. Причина неправильной передачи графического облика топонима кроется в том, что *Лубянской* называют площадь, расположенную в центральном районе Москвы, а также здание ФСБ на Лубянской площади. Ошибки в переводе появились в результате недосмотра, невнимательного чтения, небрежного отношения и, по всей вероятности, по аналогии с другим известным топонимом с близким звучанием – столицей Словении – Любляной.

При передаче топонима *Тверская* улица основной ошибкой является сохранение русского окончания *-ая* в противоречии с правилом, согласно которому в болгарском языке названию *Тверская* улица следует придать облик болгарской топонимики – ул. «*Тверска*» (Васева, 1980, 132–133). В варианте переводчика романа на болгарский язык соблюдаются требования, связанные с заключением в кавычки названий улиц, аббревиатура *ГУМ* воспроизводит русскую форму названия.

Високоговорителите му пригласят от *Историческия музей*, от *ГУМ*, от «*Софийска крайбрежна*», от *Манежния площад*, от «*Илинка*», от «*Лубянка*», от «*Тверска*», от «*Варварка*» – отвсякъде, където сега са се събрали хора в чест на светлия празник.

Итак, анализ настоящих переводов студентов и учеников старших классов позволил выявить следующие ошибки в области передачи топонимических названий – урбанонимов с русского на болгарский язык:

- несоблюдение пунктуационных правил в написании названий урбанонимов, обозначающих улицы, площади и т.п., отсутствие кавычек, обязательных в болгарском языке;

- искажения в передаче названий, входящих в разряд национально-специфических реалий – собственно реалий и аббревиатур;

- неточности, связанные с недостаточным владением языком на уровне морфологии и ошибочным восприятием графической формы названий-топонимов.

Следует отметить, что большинство учащихся хорошо справились с переводом рассматриваемых фрагментов романа Дмитрия Глуховского «Пост 2. Спасти и сохранить», их версии оказались не хуже варианта переводчика этого произведения. При более углубленном обучении художественному переводу ошибки такого рода могут быть устранены, и молодые переводчики сумеют достичь хорошего уровня на начальном этапе переводческой практики.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ангелова, Н. (2003). *Нов учебен руско-български и българо-руски речник*. Велико Търново: Слово.
- Бархударов, Л.С. (1975). *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. Москва: Международные отношения.
- Басик, С.Н. (2006). *Общая топонимика: учебное пособие для студентов географического факультета*. Минск: БГУ.
- Васева, И. (1980). *Теория и практика перевода*. София: Наука и искусство.
- Влахов, С. (2007). *Нов руско-български речник*. Под редакцията на А. Липовска. Второ преработено и допълнено издание. София: Парадигма.
- Глуховски, Д. (2022). *Граничен пост 2*. София: Сиела.
- Глуховский, Д. (2021). *Пост 2. Спастись и сохранить*.
- Карпенко, Ю.А. (1964). *О синхронической топонимике*. В: *Принципы топонимики* (50–57). Москва: Наука.
- Мезенко, А.М. (1991). *Урбанонимия Белоруссии*, Автореф.: дисс... докт. филол. наук. Минск.
- Мурзаев, Э.М. (1982). *География в названиях*. Москва: Наука.
- Подольская, Н.В. (1990). *Ономастическое словообразование (Сопоставительный анализ на материале восточно-славянской ономии)*, Дисс... докт. филол. наук. Москва.
- Суперанская, А.В. (1973). *Общая теория имени собственного*. Москва: Наука.
- Флорин, С., Влахов, С. (1980). *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения.
- Черняховская, Е.М. (1967). *История топонимии в СССР* (12–14). Москва: АН СССР.
- Чукалов, С. (1981). *Руско-български речник*. Москва: Русский язык.

- Angelova, N. (2003). *Nov ucheben rusko-b“lgarski i b“lgaro-ruski rechnik*. Veliko T“rnovo: Slovo.
- Barkhударov, L.S. (1975). *Yazyk i perevod (Voprosy obshchei i chasnoi teorii perevoda)*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Basik, S.N. (2006). *Obshchaya toponimika: uchebnoe posobie dlya studentov geograficheskogo fakul’teta*. Minsk: BGU.
- Chernyahovskaya, E.M. (1967). *Istoriya toponimiki v SSSR* (12–14). Moscow: AN SSSR.
- Chukalov, S. (1981). *Rusko-b“lgarski rechnik*. Moscow: Russkii yazyk.
- Florin, S., Vlahov, S. (1980). *Nepervodimoe v perevode*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Glukhovski, D. (2022). *Granichen post 2*. Sofiya: Siela.
- Glukhovskii, D. (2021). *Post 2. Spastis’ i sokhranit’*.
- Karpenko, Yu.A. (1964). *O sinkhronicheskoi toponimike*. V: *Printsipy toponimiki* (50–57). Moscow: Nauka.
- Mezenko, A.M. (1991). *Urbanonimiya Belorusii*, Avtoref.: diss... dokt. filol. nauk. Minsk.
- Murzaev, E.M. (1982). *Geografiya v nazvaniyah*. Moscow: Nauka.
- Podol’skaya, N.V. (1990). *Onomasticheskoe slovoobrazovanie (Sopostavitel’nyi analiz na materiale vostochno-slavyanskoi onimii)*, Diss... dokt. filol. nauk. Moscow.
- Superanskaya, A.V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo*. Moscow: Nauka.
- Vaseva, I. (1980). *Teoriya i praktika perevoda*. Sofiya: Nauka i iskusstvo.
- Vlakhov, S. (2007). *Nov rusko-b“lgarski rechnik*. Pod redaktsiyata na A. Lipovska. Vtoro preraboteno i dop“lneno izdanie. Cofiya: Paradigma.

Zoja Kuca

 <https://orcid.org/0000-0003-2194-9250>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki

Zakład Przekładu i Dydaktyki

90-236 Łódź, ul. Pomorska 171/173

zoja.kuca@uni.lodz.pl

Elona Curkan-Drózka

 <https://orcid.org/0000-0002-5256-433X>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki

Zakład Przekładu i Dydaktyki

90-236 Łódź, ul. Pomorska 171/173

elona.curkan@uni.lodz.pl

НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Non-Verbal Communication for Developing Intercultural Competence

Резюме

Предметом исследования в статье являются роль и значение средств невербальной коммуникации на уроках иностранного языка.

В связи с тем, что средства невербальной коммуникации играют значимую роль в установлении межличностных контактов, а кроме этого, в значительной степени повышают уровень межкультурной компетентности, они должны являться неотъемлемой составляющей программ обучения иностранным языкам. Необходимость обращения внимания учащихся на данную составляющую диалога вызвана отличиями в использовании и интерпретации кодов невербального общения представителями разных культур, так как именно в данных семи-

отических системах (экстралингвистических и паралингвистических, кинесике, окулесике, проксемика, такесике) заложена специфика данной культуры.

В статье излагаются установки для введения в программу обучения иностранному языку невербальных средств передачи информации. Авторы, основываясь на многолетнем опыте преподавания русского как иностранного, представляют способы введения данных средств в процесс урока иностранного языка и предлагают последовательность этапов работы с невербальными компонентами высказывания.

К статье прилагаются результаты небольшого исследования, проведенного в разных группах филологического направления.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, русский как иностранный, межкультурная компетентность, невербальная коммуникация.

Summary

The article focuses on the role and importance of non-verbal communication in foreign language lessons.

Non-verbal communication tools play a significant role in establishing interpersonal contacts and, in addition, significantly increase the level of intercultural competence, they should be an integral part of foreign language teaching programmes. The necessity of paying attention to this component of dialogue is caused by the differences in the use and interpretation of non-verbal communication codes by different cultures, as these semiotic systems (extralinguistic and paralinguistic, oculosics, proxemics, tactics) are based on the specificity of a particular culture.

In the article are presented the guidelines for the introduction of non-verbal media into the foreign language teaching program. Based on many years of experience in teaching Russian as a foreign language the authors present a ways of introducing these means in a foreign language lesson and offer a sequence of steps to work with non-verbal components of speech.

The results of a small-scale research conducted with different groups of philological students are attached to the article.

Keywords: foreign language teaching, Russian as a foreign language, intercultural competence, non-verbal communication.

РОЛЬ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕНИЯ

Процесс глобализации в мире поставил новые требования перед человеком. Умение адаптироваться в поликультурной¹ среде, желание взаимодействовать с представителями разных культур, справляться с языковыми трудностями в процессе международного общения сегодня как никогда раньше

¹ Понятие *поликультурность* связано с образовательным пространством, оно распространяется на языковую, духовную и культурную сферу индивида. Поликультурность предполагает способность человека к интеграции, его открытость на другие, чужие ему, культурные и поведенческие модели.

актуально и востребовано. Однако стоит подчеркнуть, что свободного овладения иностранным языком без умения интерпретировать культурные коды и реалии данного народа недостаточно для успешного и эффективного общения. Интересно отметить, что знание невербальной коммуникации способствует лучшему пониманию речи собеседника даже на родном языке. Использование невербальных средств во время общения не только усиливает значимость произнесенного, но также поддерживает эмоциональный аспект разговора, делая его более интересным и увлекательным. Подтверждением сказанного выше могут послужить слова профессора Григория Крейдлина:

Многие невербальные, и прежде всего телесные, или, иначе, соматические аспекты поведения людей – то, как они сидят или стоят, как располагаются друг по отношению к другу, какие исполняют жесты и какие принимают, каким голосом и тоном разговаривают, смотрят друг на друга или нет и др. – играют важную роль в диалогическом взаимодействии (Крейдлин, 2017, 100).

Невербальное общение является наиболее древней формой коммуникации. Альберт Меграбиан установил, что в процессе общения вербальной составляющей отводится 7%, паралингвистическим средствам – 38%, невербальным системам – 55% (Крель Л., Крель В., 2020, 476). В свою очередь, Рэй Бердвистел в своих исследованиях доказал, что в течение дня в процессе общения людей словам уделяется всего лишь 10–11 минут (Королева, Тюменцева, 2012, 148). Из этого следует, что процессу коммуникации свойствен синкретизм, объединяющий и взаимодополняющий вербальные и невербальные системы.

Взаимопроникновение разных культур, а тем самым и языков, способствовало проведению новых исследований в области обучения иностранному языку. Сейчас уже известно, что психосоматический фактор в процессе общения играет ключевую роль. Методика преподавания иностранного языка включила в свои исследовательские рамки также психологию, поскольку психологические особенности обучения иностранному языку напрямую связаны с развитием лингвострановедческой и коммуникативной компетенции учащихся (Королева, Тюменцева, 2012).

Известно, что в процессе изучения иностранного языка важно овладеть не только языковыми навыками и умениями, но также фактами культуры и нормами поведенческого этикета данной страны. Умение правильно интерпретировать невербальные знаки представителей чужой культуры является залогом успеха в доскональном овладении новым языком. Не ошибочным будет мнение, что успешность вербальной межкультурной коммуникации во многом зависит от того, насколько правильно мы понимаем и интерпретируем невербальную составляющую общения (Вольская, 2018, 139). Только комплексное обучение языку с учетом вербальных и невербальных ресур-

сов принесет ощутимые результаты. Обучая иностранному языку, уже с азов необходимо прививать учащимся понимание ментальности чужой культуры с учетом невербальных средств. Как справедливо замечает польская ученая Эва Мэндак, обучать иностранному языку необходимо комплексно, чтобы информация, которую передают учащиеся, как с помощью языка, так и жестов была схожей (Мэндак, 1996, 63). При этом вербальным и невербальным кодам необходимо придавать такое же самое значение. Их обучение и совершенствование должно быть параллельным. Кроме того, неизбежным становится сопоставление невербальных сигналов в иностранном и родном языках. Сравнение нормативов социального поведения родной культуры и иностранной обогащает кругозор иностранного слушателя.

Многие исследователи невербальной коммуникации подчеркивают, что невербальные сигналы не только подкрепляют вербальную составляющую, но очень часто они выразительнее и точнее, чем слова. Зачастую они более понятны изучающему иностранный язык, чем целая вереница синонимов, определяющих одно и то же действие.

В ходе преподавания иностранного языка необходимо учитывать такие невербальные, семиотические коды как: кинесика (жесты, мимика, пантомимика); окулесика (визуальное поведение); проксемика (расположение собеседников и дистанция между собеседниками, передвижение по классу или аудитории); такесика (тактильные прикосновения) (Вольская, 2018, 140; Манукян, 2017, 28–31; Морчинэк-Абрамчик, 2018, 12), а также паралингвистические (голос, его диапазон, тональность) и экстралингвистические (темп речи, паузы, смех) системы. Именно в кинесическом, окулесическом, проксемическом и такесическом кодах отражается специфика данной культуры, понимание которой невозможно без учета целого комплекса невербальных компонентов. Обратим внимание только на некоторые семиотические коды, к которым, по нашему мнению, преподаватель/учитель чаще всего прибегает в процессе обучения иностранному языку.

В преподавании иностранного языка используются все невербальные группы, только с разной степенью применения. Кинесической составной мы рискнем отвести важнейшее место, поскольку жесты и мимика в речи могут выполнять несколько функций: вспомогательную, замещающую, выражающую и скрывающую, а также регулирующую. Напомним, что жесты подразделены на несколько основных групп: жесты-эмблемы, жесты-иллюстраторы, жесты-показатели эмоций, жесты-регуляторы, жесты-адаптеры и автоадаптеры. То есть классификация жестов зависит от того, замещают они речь или только ее сопровождают. К примеру, вместо прощания или приветствия можно использовать жест рукопожатия (Формановская, 2005, 194).

Во многих случаях пониманию вербальной единицы предшествует осознание ее невербального содержания, то есть учащийся сначала по жестам

учителя/преподавателя осознает, о чем идет речь, и только несколько секунд спустя понимает значение слова или выражения. В связи с этим, с особой бдительностью нужно отбирать невербальный материал, сопоставляя две разные культуры. На начальном уровне работы с иностранной аудиторией жесты преподавателя/учителя должны быть строго регламентированы, особенно когда речь идет о жестах-иллюстраторах, чаще всего используемых для более точной передачи речевого материала и усиливающие содержание сказанного.

Известно, что один и тот же жест в разных культурах может приобретать разное значение. К примеру, кивок, жест-регулятор в болгарской культуре означает несогласие, в то время как в русской – однозначное одобрение. Или же другой жест-регулятор, например, улыбка, свойственный без исключения каждому народу, культурно маркирован, поскольку зависит от норм и традиций невербального поведения в данной культуре. Россияне считаются менее улыбчивыми, чем представители других западных и восточных народов. Для французов, к примеру, улыбка – это их визитная карточка (Крель Л., Крель В., 2020, 477). Не стоит забывать о том, что улыбка имеет множество оттенков передачи эмоций: радость, дружелюбие, ирония и т.д. Преподаватель/учитель должен быть готов к тому, что изображение улыбки на лице может быть знаком замешательства или даже сожаления, например, в аудитории нигерийских студентов (Королева, Тюменцева, 2012, 151).

Интересно дело обстоит с жестами-эмблемам (жесты-символы): ок! или пальцы колечком, два пальца или знак «V» – победа, большой палец вверх или вниз – хорошо или плохо. Жесты-эмблемы не нуждаются в словах, в них закодировано конкретное содержание. Визуализация информации с помощью жестов-эмблем в настоящее время стала более распространенной среди представителей всех возрастных категорий. Например, выставление большого пальца вверх и указательного вперед в русской культуре обозначает *пистолет*, в китайской культуре – *цифру 8*, у англичан же – смысловой жест – *попался* (Королева, Тюменцева, 2012, 150). Дополнительным примером использования жестов-символов могут быть смс-сообщения и имейлы. Распространенное использование жестов-иллюстраторов и жестов-эмблем, иллюстрируемых при использовании эмодзи, расширяет возможности методики обучения иностранным языкам. В иноязычной аудитории данные группы жестов могут быть не только подспорьем преподавателя и студента в процессе общения, но также неопенимым материалом, использование которого можно применить в заданиях с видеоматериалами без звука или же просто при составлении перечня знаков-символов, которые учащиеся должны трансформировать в речевое высказывание.

Человек, произносящий речь, с помощью мимики лица передает эмоциональный и содержательный подтекст вербальной информации. Правильное использование языка жестов преподавателями/учителями – отмечает

Сюй Минь – напрямую связано с желанием студентов активно включиться в учебный процесс (Сюй, 2021, 11–18). Все невербальные инструменты имеют прямое влияние на успешность учащихся. Ограниченное использование невербальных средств в процессе обучения иностранному языку даже преподавателю с большим профессиональным стажем не принесет ожидаемых результатов от аудиторной группы, а как раз наоборот – негативно повлияет на мотивацию учащихся к преподаваемому предмету. В ходе исследований данной темы неоднократно было доказано, что ограниченное использование мимики оратором становится причиной потери 20% информации, какой бы интересной она ни была. По выражению лица студента/ученика преподаватель может судить, понят ли его вопрос/комментарий или нет. Лицо в данном случае является неким невербальным эпицентром, через который проходят все остальные невербальные сигналы. Ведь на самом деле большинство жестов тела сопровождается соответствующим выражением лица. Лицо является регулятором настроения, самочувствия, мысли, действий. Мимические движения лица имеют культурно обусловленные значения. К примеру, поднятые брови в культуре Китая обозначают гнев, в то время как в русской – удивление. В Германии же – знак восхищения чьей-то идеей, англичане таким жестом выражают скептическое отношение (Королева, Тюменцева, 2012, 151). В свою очередь, глаза являются чувственным индикатором внутренних эмоций (Сюй, 2021, 14). Как говорится, глаза о многом скажут. Данный жест тоже маркирован культурой, поэтому мастерство преподавателя/учителя сводится не столько к успешной и результативной языковой работе с учащимися, сколько к осведомленности в теме различий невербальных сигналов в разных культурах. Поддерживание постоянного зрительного контакта с аудиторией помогает укреплять атмосферу сотрудничества. Умение сохранять зрительный контакт – это один из эффективных методических приемов. Однако и здесь понадобится бдительность и осторожность, поскольку, например, японцы в общении считают прямой взгляд в лицо – жестом невежливости. Арабы же, наоборот, считают, что залогом искреннего разговора как раз и является взгляд прямо в лицо (Королева, Тюменцева, 2012, 152).

Отметим, что в русском общении взгляд несет большую коммуникативную нагрузку. Легер Броснахэн пишет, что представители русской культуры, в отличие от английской, смотрят в лицо друг другу дольше и пронзительнее (Brosnahan, 1998, 73). Иейл Ричмонд подчеркивает, что взгляд русского человека, его продолжительность и пристальность во многом зависят от темперамента собеседника, а также культуры личности (Richmond, 1996, 123).

Интересными в общении нам представляются проксемические знаки. В разных культурах сложилось разное отношение к пространственному контакту. Оптимальное расстояние между собеседниками тоже должно быть строго регламентированным, поскольку маркировано конкретной культурой. В немецкой традиции, например, как и во многих европейских, организация

пространства играет немаловажную роль. У немцев дверь должна быть солидной и обязательно закрытой, в то время как у американцев, распахнутая дверь является символом комфорта на рабочем месте, а также открытостью к окружающим (Королева, Тюменцева, 2012, 152). Межличностная дистанция в общении с представителями разных культур неодинаковая. Если русский и китайский народы пытаются эту дистанцию сократить, то немцы и англичане ее только увеличивают. Вдобавок, расстояние между собеседниками зависит от того, личный это разговор или деловой. Все эти нюансы необходимо учесть, работая с иностранной аудиторией.

Паралингвистические и экстралингвистические параметры речи играют немаловажную роль как в личном, деловом общении, так и в обучении иностранным языкам. В процессе преподавания взгляд преподавателя/учителя, его интонация речи, громкость голоса, ритмико-интонационная особенность речи являются неким контактными мостом между учащим и учащимся. Монотонная речь преподавателя/оратора, лишенная жизни и эмоций, вряд ли заинтересует учащегося, скорее наоборот – притупит мотивацию к изучению языка. В данном случае важно не только то, как говорит преподаватель, но и его слежение/наблюдение за реакцией аудитории. Только при таком условии возможно обоюдное сотрудничество оратора и реципиента. Слишком быстрое или медленное, громкое или тихое произнесение речи не принесет ощутимых результатов в работе с иностранной аудиторией. Произносимая информация не будет усваиваться, и рано или поздно учащиеся потеряют к ней интерес. Как во всем остальном, так и в использовании паралингвистических и экстралингвистических средств нужна золотая середина. Преувеличение в одну или в другую сторону будет прямой неудачей преподавателя/учителя и потерянным временем для учащихся.

Обоюдное и адекватное взаимопонимание в диалоге двух иностранных участников возможно только в случае учета обеими сторонами вербального и невербального аспекта коммуникации.

ДИАПАЗОН НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ/УЧЕНИКОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Итак, как же вводить в процессе обучения студентов/учеников информацию об отличиях невербальных систем в разных культурах? Отвечая на данный вопрос, мы постараемся предложить несколько установок и решений, которые были проверены нами в течение многолетней работы со студентами поляками, изучающими русский язык как иностранный.

Задумываясь над введением в программу обучения информации о кодах, используемых в невербальной коммуникации, необходимо принять во внимание исходные знания обучающихся. Как показывает наш опыт, представления о невербальной коммуникации часто являются размытыми и неполными, например, многие студенты относят к этому понятию только жесты и мимику, и лишь немногие включают в него голосовые и интонационные модуляции речи, а также расположение в пространстве и соблюдение дистанции, тактильный контакт. Исходя из этого, в самом начале необходимо представить вниманию учащихся все элементы невербальной коммуникации, чтобы показать, насколько широк диапазон данных средств (для начала основываясь на средствах родной культуры).

Когда уже студенты/ученики будут обладать базовой информацией на тему компонентов, входящих в состав невербальной коммуникации, стоит постепенно вводить отобранный материал, способствующий ознакомлению со спецификой невербального поведения страны изучаемого языка. Мы видим две возможности введения материала из данной области, которые могут использоваться попеременно либо взаимно дополняться. Первая – это отведение на уроке (либо через урок) определенного количества времени для введения данного материала, независимо от реализуемой темы. Это значит, что невербальные компоненты общения вводятся без непосредственной связи с лексическим блоком, который отрабатывается на занятиях. Данный подход может быть уместен в применении для нефилологических специальностей, когда в изучаемых студентами темах большее количество времени отводится лексике и конструкциям, связанным со специальностью (напр., технические направления). Элемент культуроведческого характера, несомненно, разнообразит занятия, а также поможет студентам чувствовать себя более комфортно и уверенно со знанием культурных отличий в стране изучаемого языка. Применяя данный подход, можно обратить внимание учащихся на жесты, свойственные именно представителям иностранной культуры. Вот, например, в русской культуре к таким жестам относятся следующие (Прохоров, Стернин, 2007, 163–164): *начальство, власти* – указательный палец вверх, *сложная проблема* – чесать правой рукой левое ухо, *тюрьма, решетка* – скрещенные в форме решетки пальцы двух рук, *поздравление с днем рождения* – дергать за уши именинника, *вот так меня держат* – имитация держания себя за горло, *чуть-чуть* – изображение щепотки, а также многие другие жесты (Прохоров, Стернин, 2007). Несомненно, осведомленность в данной теме учащихся будет способствовать лучшему достижению коммуникативных целей, так как поможет избежать непонимания либо недопонимания участников диалога.

Следующая возможность введения материала – это подбор его таким образом, чтобы он органично дополнял лексические блоки, прорабатываемые на занятиях. Итак, например, в теме «Знакомство» отбираются те единицы невербальной коммуникации, которые используют представители данной

культуры при первой встрече. Основываясь на наших наблюдениях, во время занятий по русскому как иностранному с польской аудиторией стоит обратить внимание студентов на следующие жесты-эмблемы (заменители)²: *проходите* – жест рукой, указывающий в направлении открытой двери, *присаживайтесь* – жест рукой, указывающий на место для сидения, *пойдем, иди сюда* – манящий жест ладонью, *давай, давай* – окружный жест ладонью. Среди жестов-иллюстраторов важно обратить внимание студентов на часто используемый русскими жест, который выражается через прикосновение открытой ладони к грудной клетке – жест «подкрепляющий» местоимение «я» – «меня», также применяемый при выражении кому-либо благодарности. В свою очередь, жест потирать ладони друг о друга свидетельствует о готовности собеседника к чему-то приятному либо вообще к действию и тоже заслуживает толкования.

Независимо от избранного метода введения средств невербальной коммуникации на занятиях, важно задержаться на группе сигналов, которые могут восприниматься как неуважительные. К примеру, в компании русских такими сигналами считаются следующие: сидеть и разговаривать со стоящим собеседником; говорить, не глядя на собеседника; отвечать, не останавливаясь при ходьбе; отвергнуть протянутую руку; есть при разговоре; смотреть на часы при разговоре; постукивать при разговоре ногой либо пальцами по столу; нести бутылку спиртного за горлышко; нести неупакованную бутылку спиртного; сидеть на полу; сидеть на корточках; вытягивать ноги вперед (Прохоров, Стернин, 2007, 170). Осведомленность обучающихся в сфере норм невербального поведения поможет избежать непреднамеренного проявления неуважения по отношению к иностранным собеседникам.

При подборе материала стоит учитывать как устоявшиеся традиции в сфере невербальной коммуникации, так и новые тренды, которые вносят в нее изменения. Итак, некоторые жесты уже можно отнести в разряд вышедших из употребления, но тем не менее бытующих в русской культуре. Одним из таких жестов является *сообразить на троих* – когда три пальца, приглашающего к совместной покупке и в дальнейшем совместному распитию спиртного, находятся на уровне груди, а остальные пальцы спрятаны за полу одежды³. Данный жест уже не употребляется, тем не менее он остался символом культуры определенного периода и его можно встретить в старых

² Жесты-эмблемы (заменители) имеют самостоятельное лексическое значение. По мнению Крейдлина, «Есть эмблемы – невербальные аналоги слов, но для русского языка жестов более типичны эмблемы, являющиеся аналогами речевых высказываний. Большинство русских эмблем в пределах одного жестового языка автономны по отношению к речи и могут выступать в коммуникативном акте изолированно от нее, хотя существуют также редкие эмблемы, с обязательностью требующие речевого или звукового сопровождения» (Крейдлин, 2014, 104).

³ Данный жест использовался во времена Н. Хрущева, когда пол-литра водки стоило около трех рублей и взнос каждого, кто хотел составить компанию, составлял соответственно один рубль.

советских фильмах и литературных текстах. А вот, например, жест *присесть на дорожку*, несмотря на смену эпох не вышел из употребления.

Элементы невербальной коммуникации, также как и вербальной, остаются под влиянием новых норм и изменений в общении только с еще большим влиянием неформального стиля. Несомненно, время пандемии коронавируса повлияло на сферу невербальной коммуникации. Фокус внимания при общении сдвинулся с кинесирики и окулесирики на паралингвистические и экстралингвистические системы, исключая проксемику и такесику. Именно голос стал ведущим инструментом общения при удаленной системе работы/учебы.

Итак, решаясь на выбор единиц невербальной коммуникации, которые преподаватель/учитель планирует ввести на занятиях, стоит начать с визуализации и объяснения значения выбранных жестов и ситуаций, в которых данный жест может быть использован. Сделать это можно с помощью фотографий и/или иллюстраций, позже фрагментов фильмов, интервью, публичных выступлений известных личностей, фрагментов ток-шоу.

Далее следует этап распознавания жеста/-ов учащимися. Для этого могут быть полезны упражнения с иллюстрациями жестов и подбором к ним их словесного описания и толкования значения. На начальных этапах обучения описание и/или значение предоставляется преподавателем (например, дается под упражнением).

Следующим (подчеркнем, что не завершающим) этапом является применение обучающимися на практике элементов невербальной коммуникации изучаемого языка. В этом помогут ролевые игры или тематические сценки с использованием знакомой жестикуляции, придумывание историй к выбранным кадрам фильмов, замена слов и выражений жестами, составление мини-диалогов с использованием жестов.

Важно помнить, что не стоит ожидать от учащихся применения жестов из изучаемой культуры в повседневном, естественном общении (тут мы имеем в виду ситуацию, когда изучение иностранного языка происходит за пределами страны (стран) его применения). Целью ознакомления с кодами невербальной коммуникации является их узнавание и правильная интерпретация учащимися.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ

С помощью анкетирования мы попытались проверить и проанализировать, насколько студенты-русисты и лингвисты осведомлены в теме невербальной коммуникации. В анкете №1 приняли участие студенты двух направлений: «Русистика» (1 курс второй ступени – 6 человек, 2 курс первой ступени – 4 человека, 3 курс первой ступени – 5 человек) и «Лингвистика для бизнеса» с русским языком как иностранным (2 курс первой ступени – 6 человек).

На вопросы анкеты №1 молодые люди отвечали очень коротко, так как в самом начале отметили, что тема роли невербальной коммуникации при изучении иностранного языка никогда на занятиях не прорабатывалась. Именно по этой причине у них нет знаний, чтобы исчерпывающе ответить на вопросы, поставленные в анкете. Тем не менее анализ ответов респондентов показался нам очень познавательным и интересным. Благодаря проведенному анкетированию мы поняли и осознали, на какие аспекты невербальной системы стоит обратить особое внимание и задержаться на них во время занятий по практике русской речи.

На первый вопрос анкеты: «Обращаете ли вы внимание во время занятий по русскому языку как иностранному на мимику и жесты преподавателя?» – все участники без исключения ответили утвердительно «да».

Ответы на второй вопрос: «Укажите в процентах, какова роль невербальной коммуникации в общении, если принять, что 100% – это весь коммуникативный акт, в который включены вербальные и невербальные средства общения?» – были самые разнообразные. Студенты-русисты роли невербальной коммуникации ответили 40% (6 человек), 50% (2 человека), 80% (1 человек), 15% (1 человек), 70% (5 человек). Такие данные в очередной раз показывают неосведомленность респондентов по теме опроса. Студенты-лингвисты, в свою очередь, на второй вопрос ответили следующим образом: 4 человека роли невербальной коммуникации ответили 80% и два – 70%.

На третий вопрос: «Считаете ли вы, что использование преподавателем/учителем невербальных средств коммуникации помогает лучше усваивать материал?» – последовал утвердительный ответ «да» с уточнением в трех анкетах. «В некоторых ситуациях это помогает усвоить материал», – комментарий студента с «Русистики». «Помогает, если преподаватель умеет использовать средства невербальной коммуникации», – другой ответ. В одной анкете комментарий к данному вопросу был следующий: «Очень помогает, если мы чего-то недопонимаем из разговора». Очень интересным нам показался комментарий одного участника анкетирования, он касался мимики преподавателя. Участник подчеркнул, «что если мимика преподавателя является приятной, то мотивация к занятиям заметно повышается, в обратном случае возникает нежелание участвовать в занятиях».

К четвертому вопросу: «Назовите, какие именно невербальные средства коммуникации⁴ способствовали вашей мотивации в изучении иностранного языка?» – в сноске была дана подсказка, которой студенты могли воспользоваться. Большинство респондентов «Русистики» ответили, что на их мотивацию

⁴ Кинесика (жесты, мимика, пантомимика); окулесика (визуальное поведение); проксемика (расположение собеседников и дистанция между собеседниками, передвижение по классу или аудитории); такесика (тактильные прикосновения); паралингвистические (голос, его диапазон, тональность) и экстралингвистические (темп речи, паузы, смех) системы.

вацию к изучению языка повлияли кинесика (жесты, также указывание на доску, показывание расстояния, мимика, смех, улыбка) и паралингвистические системы (8 человек). Два участника анкетирования кроме кинесики указали на окулеснику (зрительный контакт) и экстралингвистические системы (интонация). Один ответ касался также внешнего вида преподавателя. В двух последних анкетах студентов-русистов было отмечено, что голос преподавателя, его интонация и темп речи играют ключевую роль в мотивации студента к изучаемому языку. Отвечая на четвертый вопрос, студенты-лингвисты практически не воспользовались подсказкой в ссылке (названия невербальных систем), только перечислили факторы, влияющие на мотивацию студентов: тон, голос, мимика лица, жесты, пантомимика, зрительные контакт, улыбка (в пяти анкетах). Один респондент отметил «энтузиазм преподавателя». Еще в одной анкете ответ не полностью соответствовал вопросу, поскольку в нем было обращено внимание не столько на невербальные системы, сколько на дидактический материал: презентации, фильмы, картинки, песни.

На пятый вопрос: «Влияет ли тембр голоса, темп и скорость речи преподавателя/учителя на усвоение вами материала?» – ответ был короткий и утвердительный, решительное «да». Так ответили все респонденты как русисты, так и лингвисты. Лишь в одной анкете (студенты-лингвисты) было дополнение, что «жесты и тон голоса делают материал более интересным и привлекательным».

Ответ на шестой вопрос: «Были ли ситуации, когда невербальное поведение, замеченное у преподавателя/носителя языка, либо увиденное в русских фильмах, интервью, телепередачах, было для вас непонятным? Опишите такой случай», – во всех анкетах (русистов и лингвистов) был отрицательный – «нет». В двух анкетах студентов-лингвистов вместо ответов был сделан прочерк, что можно трактовать как отрицательный ответ.

Более креативно респонденты подошли к седьмому вопросу: «Укажите ресурсы, которые помогают вам освоить компоненты невербальной коммуникации при изучении русского как иностранного?». В большинстве анкет студентов-русистов ответом были фильмы, поскольку они, по мнению студентов, «помогают освоиться со средствами вербальной и невербальной коммуникации». Один респондент (русист) отметил, что «рисование схем, показывание с помощью жестов размера чего-либо», помогает освоить компоненты невербальной коммуникации. Студенты-лингвисты перечислили следующие компоненты: русские фильмы, сериалы, музыка, контакт с носителями языка, языковые приложения, подкасты, мемы, просмотр канала „Russian with max” (1 ответ).

И последний вопрос: «Какие жесты-эмблемы/иллюстраторы чаще всего использует ваш преподаватель/учитель на занятиях русского языка?». Студенты I курса второй ступени в двух анкетах указали жест-иллюстратор «палец вверх». В одной анкете респонденты отметили жест пальцем, указывающим на доску, если на ней что-то написано. Большинство респондентов написа-

ли об использовании преподавателем жестов рук, ладоней (открытых к слушателю). В свою очередь студенты-лингвисты перечислили следующие жесты-символы и жесты-иллюстраторы, используемые преподавателем: жест *ок*, палец вверх, мимика лица, приятный голос, улыбка, кивание головой.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕДЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДИ СТУДЕНТОВ-РУСИСТОВ И ЛИНГВИСТОВ

АНКЕТА 1

(для иностранных учащихся – студенты-русисты)

№	Утверждения	да	нет
1.	Русские люди редко улыбаются.	8	6
2.	Русские преувеличивают с тактильным контактом.	3	12
3.	Отличается ли речь преподавателя, работающего с иностранной аудиторией, от речи среднестатистического русского человека?	13	2
4.	Русские в разговоре лишены эмоций и жестов.	4	11
5.	Русские практически не используют жестов-иллюстраторов.	5	10
6.	Русские воспринимают пристальный взгляд как жест неприличия.	5	10 ⁵
7.	Русские держат слишком короткую дистанцию в общении с другими людьми.	7	8
8.	Русским свойственно говорить на повышенных тонах.	10	5

АНКЕТА 2

(для иностранных учащихся – студенты-лингвисты)

№	Утверждения	да	нет
1.	Русские люди редко улыбаются.	4	2
2.	Русские преувеличивают с тактильным контактом.	0	6
3.	Отличается ли речь преподавателя, работающего с иностранной аудиторией, от речи среднестатистического русского человека?	6	0
4.	Русские в разговоре лишены эмоций и жестов.	0	6
5.	Русские практически не используют жестов-иллюстраторов.	2	4
6.	Русские воспринимают пристальный взгляд как жест неприличия.	4	2
7.	Русские держат слишком короткую дистанцию в общении с другими людьми.	5	1
8.	Русским свойственно говорить на повышенных тонах.	6	0

⁵ Один ответ был в виде черточки по середине, то есть, скорее всего респондент не был уверен в своем ответе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вольская, Н. (2018). *Невербальные средства коммуникации как один из аспектов преподавания РКИ*. В: *Материалы XXXI Международной научно-практической конференции. Сборник научных трудов* (139–141). Москва: Издательство «Перо».
- Королева, И., Тюменцева, Е. (2012). *Невербальное поведение – психологический фактор при обучении русскому языку иностранных студентов*. Известия Волгоградского государственного технического университета, 3 (90), 147–152.
- Крейдлин, Г. (2014). *Семиотическая концептуализация тела и проблема мультимодальности*. Экология языка и коммуникативная практика, 2, 100–120.
- Крель, Л., Крель, В. (2020). *Проблема исследования невербального коммуникативного поведения в обучении иностранным языкам*. В: *Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы XIV Международной научной конференции, посвященной 99-летию образования БГУ* (474–479). Минск: Издательство БГУ.
- Манукян, Г. (2017). *Невербальные средства коммуникации в аспекте преподавания РКИ*. В: *Материалы Международной научной конференции: Речевая коммуникация в современной России* (28–31). Москва: МГУ.
- Прохоров, Ю., Стернин, И. (2007). *Русские: коммуникативное поведение*. Москва: Издательство Наука.
- Сюй, М. (2021). *Невербальная коммуникация в процессе обучения русскому языку как иностранному*. Litera, 9, 11–18.
- Формановская, Н. (2005). *Культура общения и речевой этикет*. Москва: Икар.

- Brosnahan, L. (1998). *Russian and English Nonverbal Communication*. Moscow: Belingva.
- Formanovskaya, N. (2005). *Kul'tura obshcheniya i rechevoi etiket*. Moscow: Ikar.
- Koroleva, I., Tyumentseva, E. (2012). *Neverbal'noe povedenie – psikhologicheskii faktor pri obuchenii russkomu yazyku inostrannykh studentov*. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 3 (90), 147–152.
- Kreidlin, G. (2014). *Semioticheskaya kontseptualizatsiya tela i problema mul'timodal'nosti*. Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika, 2, 100–120.
- Krel', L., Krel', V. (2020). *Problema issledovaniya neverbal'nogo kommunikativnogo povedeniya v obuchenii inostrannym yazykam*. V: *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannym yazykam: materialy KhIV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 99-letiyu obrazovaniya BGU* (474–479). Minsk: Izdatel'stvo BGU.
- Manukyan, G. (2017). *Neverbal'nye sredstva kommunikatsii v aspekte prepodavaniya RKI*. V: *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: Rechevaya kommunikatsiya v sovremennoi Rossii* (28–31). Moscow: MGU.
- Mendak, E. (1996). *Kody niewerbalne jako obiekty nauczania języka polskiego*. Acta Universitatis Lodziensis. Kształcenie Polonistyczne Cudzoziemców, 6, 63–68.
- Morcinek-Abramczyk, B. (2018). *Komunikacja pozawerbalna w glottodydaktyce*. Kwartalnik Polonicum, 28/29, 12–15.
- Prokhorov, Yu., Sternin, I. (2007). *Russkie: kommunikativnoe povedenie*. Moscow: Izdatel'stvo Nauka.
- Richmond, Y. (2003). *From Nyet to Da. Understanding the Russians*. London: Intercultural Press.

- Syui, M. (2021). *Neverbal'naya kommunikatsiya v protsesse obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu*. Litera, 9, 11–18.
- Vol'skaya, N. (2018). *Neverbal'nye sredstva kommunikatsii kak odin iz aspektov prepodavaniya RKI. V: Materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sbornik nauchnykh trudov* (139–141). Moscow: Izdatel'stvo «Pero».

ПРИЛОЖЕНИЯ

АНКЕТА 1

(для иностранных учащихся)

1. Обращаете ли вы внимание во время занятий по русскому языку как иностранному на мимику и жесты преподавателя (речь идет о носителях языка и польских преподавателях)? _____
2. Укажите в процентах, какова роль невербальной коммуникации в общении, если принять, что 100% – это весь коммуникативный акт, в который включены вербальные и невербальные средства общения? _____
3. Считаете ли вы, что использование преподавателем/учителем невербальных средств коммуникации помогает лучше усваивать материал? _____
4. Назовите, какие именно невербальные средства коммуникации способствовали вашей мотивации в изучении иностранного языка? _____
5. Влияет ли тембр голоса, темп и скорость речи преподавателя/учителя на усвоение вами материала? _____
6. Были ли ситуации, когда невербальное поведение, замеченное у преподавателя/носителя языка, либо увиденное в русских фильмах, интервью, телепередачах было для вас непонятным? Опишите такой случай. _____
7. Укажите ресурсы, которые помогают вам освоить компоненты невербальной коммуникации при изучении русского как иностранного. _____
8. Какие жесты-эмблемы/иллюстраторы⁶ чаще всего использует ваш преподаватель/учитель на занятиях русского языка? _____

⁶ Например, , , .

АНКЕТА 2
(для иностранных учащихся)

№	Утверждения	да	нет
1.	Русские редко улыбаются.		
2.	Русские преувеличивают с тактильным контактом.		
3.	Отличается ли речь преподавателя, работающего с иностранной аудиторией, от речи среднестатистического русского человека?		
4.	Русские в разговоре лишены эмоций и жестов.		
5.	Русские практически не используют жестов-иллюстраторов.		
6.	Русские воспринимают пристальный взгляд как жест неприличия.		
7.	Русские держат слишком короткую дистанцию в общении с другими людьми.		
8.	Русским свойственно говорить на повышенных тонах.		

Piotr Baleja

 <https://orcid.org/0000-0002-5329-1652>

Uniwersytet Łódzki

Szkoła Doktorska Uniwersytetu Łódzkiego

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki

Zakład Przekładu i Dydaktyki

90-226 Łódź, ul. Pomorska 171/173

piotrbaleja@icloud.com

О КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ПЕРЕВОДЕ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

On Cultural Memory in Translation (Theoretical Perspective)

Резюме

Статья посвящена категории культурной памяти в переводе, которая в существенной степени влияет на переводческие решения. Автором подчеркивается, что теоретические положения зарубежных ученых, особенно Яна Ассмана и Мориса Хальбвакса, играют важную роль в осмыслении сложностей, с которыми приходится столкнуться переводчику. В статье отмечаются идентификационная и компенсаторная функции культурной памяти, ибо они ярчайшим образом проявляются в национальных мифах и других важных нарративах культуры оригинала и перевода.

Учитывая достижения в области переводоведения, автор расценил как необходимое вписать понятие культурной памяти в уже существующие положения выдающихся теоретиков данной научной дисциплины. Существенными для настоящего исследования оказались работы Кшиштофа Хейвовского, Романа Левицкого, Анны Беднарчик, Фрица Пепке и других. Автором отмечается, что в культуре перевода добиться ассоциаций схожих, с возникающими в культуре подлинника, учитывая специфику культурной памяти народов-реципиентов, может оказаться задачей весьма сложной или порой невозможной.

В статье сформулирован вывод о необходимости формировать переводческую компетентность в области культурной памяти. Автором проводится также классификация возможных проблем, мотивированных культурной памятью. Выделяются объективные, то есть сугубо онтологические, сложности и субъективные, определяющиеся человеческим фактором.

Ключевые слова: переводоведение, культурная память, национальные мифы, переводческие проблемы, теория и критика перевода.

Summary

This paper is devoted to the category of cultural memory in translation, which has a major influence on decisions made by translators. The author highlights that the theoretical positions of foreign researchers, and especially of Jan Assmann and Maurice Halbwachs, have an important contribution to the understanding of the problems that the translator is confronted with. In the article there are also noticed identification and compensatory functions of cultural memory, as they are most prominent in national myths and other important narratives of the cultures of the original and translation.

The author has considered as necessary to incorporate the concepts of cultural memory into the already existing statements of prominent theorists of Translation Studies, due to the achievements in the field of the translation studies. Significant for the present research were the works of Krzysztof Hejwowski, Roman Lewicki, Anna Bednarczyk, Fritz Paepcke and several others. This article points out that achieving associations similar to those of the original culture in the culture of translation, due to the specific cultural memory of the recipients, can be a very difficult or sometimes impossible task.

The paper formulates the conclusion about the necessity to create translation competence in the area of cultural memory. Additionally, the author provides a classification of potential problems, which are motivated by cultural memory. The article identifies objective, that is, ontological, difficulties and subjective ones, which are determined by the human factor.

Keywords: translation studies, cultural memory, national myths, translation problems, translation theory and criticism.

Тадеуш Котарбински, польский философ, справедливо отметил, что: «прошлое, хранящееся в памяти, становится частью настоящего» (Adamus, 1964, 43). На наш взгляд, ведущую роль в формировании обобщенного восприятия литературного произведения, переведенного на иностранный язык, играют, именно, глубоко укоренившиеся в культуре устойчивые фоновые представления реципиента о прошлом своего народа. Переводчик также подвластен историко-культурным соображениям среды, в которой становится как личность и мастер своего ремесла. Настоящая статья посвящена довольно объемному понятию «культурная память». На наш взгляд, данная категория непосредственно определяет различные переводческие решения, касающиеся отображения в переводном варианте макротекстовой организации подлинника.

В попытках проанализировать разные подходы к определению сущности проблемы, особое внимание мы уделим интердисциплинарности проводимых по данной теме исследований, которые будем приводить функциональным способом, ибо не ставим перед собой задачу целостного представления истории развития понятия в литературе различных наук. Мы постараемся также перенести результаты отдельных работ на почву переводоведения и определить важность данной проблемы как в формировании компетентности переводчика, так и во влиянии переводного варианта подлинника, насыщенного элементами культурной памяти, на его потенциальное восприятие реципиентом. Актуальность исследования обусловлена оживленным инте-

ресом к вопросам памяти в научном дискурсе, а также недостаточной разработкой темы в области переводоведения.

Итак, объектом нашего исследования является проблема культурной памяти, а предметом – воплощение упомянутой идеи в теории и практике перевода.

В рамках гуманитарного дискурса одним из первых исследователей, занимающихся проблемой памяти в более широком, то есть общественном, контексте, был Морис Хальбвакс – французский социолог, философ и психолог. Как утверждает Лидия Козлова:

теоретические взгляды этого ученого [...] практически неизвестны в России, в то время как в западной социологии его идеи с определенной периодичностью становятся предметом научных дискуссий (Козлова, 2014, 221).

Мы считаем необходимым привести хотя бы общие тезисы из фундаментального труда Хальбвакса *Социальные рамки памяти*¹, впервые изданного еще в 1925 году, поскольку они оказали определенное влияние на исследования других ученых. По поводу природы памяти Хальбвакс пишет:

Итак, следует отказаться от мысли, что прошлое сохраняется неизменным в памяти индивидов, как будто с него делается столько же разных снимков, сколько есть индивидов. Люди, живущие в обществе, пользуются словами и понимают их смысл – такова предпосылка коллективного мышления (Хальбвакс, 2007, 325).

Исследователь предполагает существование некой общей памяти, которая объединяет членов того или другого общества. Однако, на его взгляд, коллективность памяти не проявляется в трансляции и интегрированности отдельных человеческих воспоминаний, совокупность которых создает общую картину, а суть коллективности памяти заключается в сосуществовании единиц в рамках одной общей системы координат.

Хальбвакс обращает внимание также на соединяющую роль языка и его семантических свойств как одного из детерминантов коллективной памяти:

[...] прежде чем вызвать в памяти воспоминания, мы их проговариваем; реконструировать в любой момент наше прошлое нам позволяет речь и вся солидарная с нею система социальных конвенций (Хальбвакс, 2007, 326).

Французский социолог придает особое значение разным социальным установкам, которые напрямую влияют на формирование общих воспоминаний, одновременно будучи их интегральной частью.

¹ Данное издание является русским переводом монографии: M. Halbwachs (1925). *Les cadres sociaux de la memoire*. Paris. Факт так позднего перевода труда Хальбвакса на русский язык, несомненно, является главной причиной менее широкой известности данного автора в пространстве русскоязычной науки, чем в западном научном мире, что отмечалось Козловой.

Наряду с этим необходимо отметить мнение Евгении Романовской, которая в своих попытках осмысления наследия Хальбвакса приходит к следующим заключениям:

Хальбвакс переносит рассмотрение памяти в окружающий индивида социальный контекст. С одной стороны, воспоминания человека вписываются в рамки его личной жизни, с другой – он способен вести себя как член группы, вызывая в памяти воспоминания, затрагивающие его группу. Эти две памяти часто проникают друг в друга, но не смешиваются. Индивидуальная и коллективная память развиваются по собственным законам (Романовская, 2010, 41).

Саратовская исследовательница обращает внимание в теории Хальбвакса на взаимосвязь двух пластов памяти: личного и общего. Согласно предположениям ученого, человеку свойственно принимать свои и чужие воспоминания, однако формирование памяти коллектива происходит по другим принципам. В силу объективных ограничений объемом работы и прагматической ценностью для дальнейших наших рассуждений, разнообразность вышеотмеченных механизмов мы рассматривать не будем.

Стоит, однако, отметить, что значимость труда Хальбвакса, по мнению Натальи Колягиной – историка и философа, заключается в его междисциплинарности. Данную монографию она позиционирует как:

одну из важнейших работ в теории коллективной памяти XX в. Автор этой книги [Хальбакс – П.Б.] был хорошо осведомлен о достижениях современной науки в наблюдении за индивидуальными переживаниями человека, равно как и владел разрабатывающимися в то время методиками социального анализа, учитывающего обусловленность интимной жизни индивидуума общественными явлениями (Колягина, 2009, <https://web.archive.org/web/20130806024531/http://urokiistorii.ru/media/book/halbwachs>, доступ: 5.10.2023).

Мы вполне согласны с высказыванием Колягиной. На наш взгляд, работу Хальбвакса можно считать первой целостной монографией, посвященной проблеме памяти как социальной составляющей. Упомянутому социологу приписывается концепция коллективной памяти.

Стоит отметить, что новаторской для второй половины последнего столетия концепцией памяти можно считать теорию Яна Ассмана – немецкого историка религии и культуры, египтолога. Как показывает исследовательская практика, действительно, труды гейдельбергского ученого оказали значительное влияние на современное понимание памяти как составной части общекультурной жизни народа, а его фундаментальная работа *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*², изданная в Мюнхене в 1992 г., хоть и базируется на

² Данное издание является русским переводом монографии: J. Assmann (1992). *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*, München: Beck.

античном периоде, стала основой для многочисленных трудов, предметом интереса которых служили другие эпохи и народные массы.

Ассман во многом развивает теоретические положения Хальбвакса, переосмысливает отдельные элементы его концепции, часть из них используя как основу для дальнейших рассуждений. Немецкий историк делает следующую пометку: «у Хальбвакса мы хотим заимствовать концепцию прошлого, которую можно назвать *социально-конструктивистской*» (Ассман, 2004, 49). В своем исследовании Ассман, однако, уходит от коллективной памяти Хальбвакса, постепенно приходя к выводам о существовании двух видов общей памяти: коммуникативного и культурного (Ассман, 2004, 52).

По мнению Ассмана, коммуникативная память (Ассман, 2004, 50–54) кодирует воспоминания недавнего прошлого. Коммуникативность заключается в передаче и разделении своего восприятия действительности со своими современниками. Она имеет свойство принадлежать прежде всего одному поколению. Информация передается как устным, так и письменным способом, тем не менее в большинстве случаев не распространяется на последующие поколения. Исследователь отмечает, что коммуникативная память – общераспространенная. Причину общедоступности данного вида памяти, мы находим в ее социальной природе. На наш взгляд, находясь в разного рода социальных взаимоотношениях, человек вынужден коммуницировать с другими, учитывая их личную историю, переживания социальной общины и т.п., тем самым приобретая и транслируя информацию, являющуюся естественным наследием процессов коммуникации. Ассман таким образом описывает данную проблему:

Конечно, одни знают меньше, другие больше, и память стариков уходит дальше в прошлое, чем память молодых. Однако в этой неформальной традиции не существует специалистов и экспертов, хотя отдельные люди могут помнить больше и лучше, чем остальные. Знание, о котором идет здесь речь, приобретается вместе с языком и повседневной коммуникацией. Здесь каждый считается в равной мере компетентным (Ассман, 2004, 56).

В свою очередь, Ассман полагает существование еще одной разновидности памяти – культурной. Немецкий автор утверждает, что:

культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом. [...] Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание. [...] Для культурной памяти важна не фактическая, а воссозданная в воспоминании история, и только она (Ассман, 2004, 54–55).

Ассман в своей теории обращает внимание на символичность фигур, мифичность событий и обязательную временную дистанцию. Можно сказать, что культурная память является важной частью национальной идентичности, ибо способствует созданию общего культурного фона для определенной этнической общины.

Немецкий исследователь подчеркивает, что «культурному воспоминанию присуще нечто сакральное» (Ассман, 2004, 55). В нашем восприятии, данное замечание является ключевым для правильного выделения субъектов культурной памяти. Стоит попытаться дать ответ, что подразумевает определение «сакральное». Ассман, опираясь на древние традиции, перечисляет: традиции, обряды, праздники и т.п. На наш взгляд, учитывая общественные изменения последних лет, стоило бы добавить также всякого рода тексты культуры, которые приобрели в некотором смысле сакральный, а вернее культовый, характер.

Можно сделать вывод, что, по мнению Ассмана, культурная память является важнейшим показателем, формирующим общественную картину мира. Автор утверждает, что:

Благодаря культурной памяти человеческая жизнь приобретает двухмерность, или двувременность, сохраняющуюся на всех стадиях культурной эволюции. [...] Культурная память опирается на твердое. Это не поток, который, приходя извне, пронизывает отдельного человека, а скорее вещный мир, который человек создает сам (Ассман, 2004, 60–62).

Вышеприведенная цитата иллюстрирует суть и содержание понятия культурной памяти. Разные составные части культурной памяти проявляются в человеческой деятельности, распространяются в ней, а, в свою очередь, влияют на мировоззрение индивида как отдельного субъекта, так члена общества, а также указывают на коллективный взгляд социальной среды, одновременно будучи определяющим фактором. Данные элементы органично существуют в сознании человека, пребывающего в укрепленной временем системе общественных координат.

Стоит упомянуть, что внутри понятия культурная память Ассман выделяет еще две опции: горячую и холодную (Ассман, 2004, 72–74). Холодная культурная память проявляется в сохранении повторяющихся социокультурных схем и укреплении общественного порядка вещей. В свою очередь, доминантой горячей культурной памяти являются переломные, уникальные моменты истории, исторические лица, события, способствующие «изменению, становлению и росту или же разложению, деградации, ухудшению» (Ассман, 2004, 74).

В теорию Ассмана вписываются также теоретические положения нидерландского литературоведа – Эрнста ван Альфена, который по поводу памяти и культуры пишет:

«Myślenie kultury» dotyczy przede wszystkim konkretnego sposobu odnoszenia się do kultury, do tekstów, obrazów i praktyk kulturowych, powiedzmy, że konkretnej metodologii. Traktuję kulturę jako sposób myślenia. Jak pisałem wyżej, to metaforyczny sposób ujęcia zagadnienia, ponieważ wymaga od widza szczególnego zaangażowania, które wyzwoli idee obecne w kulturze. To zaangażowanie najlepiej rozumieć jako krytyczną interwencję (van Alphen, 2019, 16).

Исследователь понимает культуру как концептуальную схему, формирующую мировоззрение зрителя, что приводит к особой рецепции произведений в разных культурах. Культурная система мышления, по мнению ван Альфена, включает в себя конкретные тексты, образы, лейтмотивы и др.; благодаря культурному фону реципиент интерпретирует отдельные фрагменты действительности, а также дает им оценку, становясь участником культуры. Своим участием, он расширяет семантическое поле произведения, а данное расширение оно и есть – критическое вмешательство.

Среди разных подходов к проблеме взаимоотношений памяти и культуры стоит выделить особый взгляд Юрия Лотмана – советского литературоведа, семиотика и культуролога. Исследователь отмечает, что:

С точки зрения семиотики, культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т. е. надиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, т. е. пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы (Лотман, 1992, 200).

Лотман обращает внимание на существование культуры как пространства общей памяти. По мнению ученого, различные тексты, важные для общества, могут сохраняться, о чем писали упомянутые ранее Хальбвакс и Ассман, но имеют также свойство подлежать процессам актуализации, что отчасти совпадает с мнением ван Альфена. Советский исследователь подчеркивает также, что культурная память «сохраняет прошедшее как пребывающее» (Лотман, 1992, 201). Вместе с тем Лотман отмечает, что «каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению» (Лотман, 1992, 201). Можно сделать вывод, что разные культурные среды, хотя и пережившие общие моменты истории, в рамках культурной памяти своего пространства могут использовать отличное повествование, касающееся одних и тех же событий.

Челябинский культуролог Мария Шуб в своих исследованиях, посвященных культурной памяти, выделяет следующие функции данной онтологической категории: накопительную, идентификационную, стабилизационную, объяснительную, легитимирующую и компенсаторную (Шуб, 2016, 71). Для целей нашего исследования наиболее продуктивными являются компенсаторная и идентификационная.

В рамках идентификационной функции Шуб отмечает, что:

И нации, и локальные этнические коллективы, и государства, и сектантские объединения нуждаются в *своей истории*, в своей точке отсчета, в собственных истоках (желательно уходящих вглубь веков) (Шуб, 2016, 72).

Такая трактовка понятия позволяет сделать вывод о том, что собственное повествование в пределах культурной памяти данной группы чрезмерно важно. Группа, в том числе национальная, сама определяет ключевые события в своей истории, интерпретирует их, а также проводит своеобразную мифизацию, что свидетельствует о компенсаторности культурной памяти, поскольку «реализация данной функции подразумевает компенсацию несовершенства настоящего через конструирование *идеального* прошлого» (Шуб, 2016, 74).

Передача элементов культурной памяти определенной группы, выраженной в литературных произведениях, в переводном варианте текста, которого реципиентом является читатель из другого культурного круга – задача сложная. Анна Беднарчик утверждает, что «воссоздание в литературном переводе национального колорита является одним из основных вопросов современной науки о переводе» (Bednarczyk, 2002, 48). На наш взгляд, национальный колорит формируется под влиянием, напрямую определенной культурой, общей памяти группы.

В свою очередь, Зигмунд Гросбарт отмечает, что «существует мнение, что литературное произведение в переводе должно воздействовать на читателя так же, как оригинал воздействует на его реципиента» (Grosbart, 2006, 205). Данное предположение ставит перед переводчиком задачу подбора соответствующих языковых средств, образов, культурных схем и т.п.. Однако, на наш взгляд, в произведениях, содержащих яркие элементы культурной памяти другого народа, достичь похожего восприятия текста ожидать не стоит. Польский исследователь Кшиштоф Хейвовски, рассматривая перевод элементов культуры, приходит к сходным заключениям:

Innymi słowy, w przypadku elementów kulturowych nie należy oczekiwać u odbiorców przekładu podobnej reakcji, gdyż to, co jest dobrze znane i swojskie dla odbiorców oryginału, będzie obce, a czasem wręcz egzotyczne dla odbiorców przekładu (Hejwowski, 2006, 72).

Разные культурные группы ведут собственный нарратив, касающийся одних и тех же событий, героев, историй. Неоднократно данное повествование имеет не столь различный, сколь противоположный характер, что обусловлено компенсаторностью культурной памяти. В польском и сугубо постсоветском информационном поле отдельные моменты истории воспринимаются, как известно, по-разному. Даже в рамках сегодняшней риторики бывших республик Советского союза историческое повествование отличается, что, отчасти, можно попытаться растолковать, используя достижения западных исследователей, занимающихся проблематикой постколониализма³. В свете вышесказанного важно отметить, что переводчику необходи-

³ Поскольку данная тематика не является прямой областью нашего исследования, мы не будем ее подробно рассматривать. Отметим только, что среди авторов, занимающихся постколониальной теорией, стоит назвать Петера Томсона, Бритту Олинде, Джона Маклеода и других.

мо понимать разницу между трактовкой отдельных семантических пластов произведения в кругу языка оригинала и перевода. На наш взгляд, в программу профессиональной подготовки переводчиков стоит включать разделы, посвященные культурной памяти народов, говорящих на изучаемом языке, что позволит будущим переводчикам более широким взглядом смотреть на текст. Вацлав Осадник, польский переводовед, констатирует похожее:

Tłumacz nie tylko musi znać języki, którymi operuje w przekładzie, bezwzględnie powinien też zapoznać się z tekstem wyjściowym pod kątem jego kontekstu kulturowego (Osadnik, 2008, 158).

Переводчик, столкнувшись с насыщенными элементами культурной памяти текстом, стоит перед рядом дилемм, часто этического характера. Отличительное повествование оригинала вызывает определенные риски неприятия текста иноязычным реципиентом, сознание которого своими корнями глубоко уходит в начерченную национальными мифами картину общей культурной памяти группы. Переводчик должен понимать, что его тексту будет свойственно разрушать устойчивые концепции, мифические сюжеты, представления о правильности и благородности различных событий общей истории народа-реципиента переводного варианта. Анализируя переводческие дилеммы, польские исследователи Катажина Майдзик и Даниэль Слапек, пришли к следующим заключениям:

Wybory mikrotranslatorskie ogranicza i wytycza rzecz jasna oryginał (ze wszystkimi właściwymi mu uwarunkowaniami), a także wyobraźnia i biegłość tłumacza poruszającego się w ramach danego kodu językowo-kulturowego, zobowiązania etyczne wobec tekstu oryginału oraz zależność i zdolność emocjonalna powstająca w wyniku kontaktu z oryginałem (też z autorem) i twórczej pracy nad przekładem (Majdzik, Ślapek, 2015, 168).

На основании вышеприведенной цитаты можно сделать вывод, что переводчик находится под влиянием различных факторов. Мы разделим их на две группы: объективные и субъективные. К объективным мы причислим: структуру и семантику оригинала, языковые знания, культурную компетентность и навыки переводчика. В свою очередь, на наш взгляд, ряд субъективных факторов составляют: воображение переводчика, а также эмоциональная привязанность к автору и тексту. Мы предполагаем, что стоит также упомянуть привязанность автора перевода к культурной памяти своего народа, которая также играет немаловажную роль в принятии переводческих решений. Переводчик, ведь, работает на стыке языков, текстов, культур, историй, мифов и памяти.

Автор перевода, однако, в своей работе встречается не только с отвлеченностью приведенных понятий. Элементы культурной памяти другого народа он изучает на практике, пытаясь надежным образом выполнять свою

задачу. Прочтение текста переводчиком должно опираться на выделение компонентов, свидетельствующих о укрепившихся в культурном сознании мифах, образах и представлениях. Память народа, как мы уже рассуждали, является обширным понятием, включающим в себя целый ряд составляющих. Часть из них Роман Левицки, польский русист – переводовед, объединяет под понятием «реалии», выделяя следующие основные группы: «названия природных явлений; названия явлений традиционной культуры; названия явлений общественно-политической жизни» (Lewicki, 2022, 234). А также подгруппы:

- a) nazwy obiektów kultury materialnej: tradycyjnych budowli i ich części, odzieży i obuwia, mebli i sprzętów domowych, potraw i napojów, narzędzi, tradycyjne nazwy miar, wag i pieniędzy, a także ludzi według ich tradycyjnego zajęcia;
- b) nazwy obiektów kultury duchowej: postaci mitologicznych, pojęć religijnych, tradycyjnych obrzędów, zwyczajów, tańców, instrumentów muzycznych, przedstawień, gier, a także nazwy ludzi uczestniczących w tych obrzędach, grach itd. (Lewicki, 2022, 235–236).

На наш взгляд, приведенные Левицким составляющие в большей части являются определяющим фактором культурной памяти. Тем не менее, перечень, хотя и обширный, далеко не полный. В культурной памяти, действительно, предметы повседневной жизни, явления природы, объекты религиозной, социальной, политической и культурной жизни народов играют ведущую роль. Однако, гораздо важнее не их форма, а суть – информация, носителем которой они являются; идеи, которых реализацию воплощают. Наши предположения отчасти находят свое отображение в теории Левицкого, который пишет о двух разных исследовательских вопросах: проблеме перевода реалий как явлений и проблеме перевода названий реалий (Lewicki, 2022, 228).

В свою очередь, Фриц Пепке, немецкий языковед и переводчик, утверждает, что:

rozumienie konkretyzuje zatem na podstawie przekazu tekstualnego związek z szerszą całością, która istnieje, jeszcze zanim wejdziemy w kontakt z danym tekstem. [...] Rozumiany tekst dostarcza wszakże nie tylko informacji, lecz również przekazu, który dla słuchacza, czytelnika lub tłumacza jest obecny jako świadomościowa treść i steruje słuchaczem, czytelnikiem lub tłumaczem (Paepcke, 2009, 340).

Исследователь полагает существование некоего «целого», то есть комплексных фоновых знаний, присущих реципиенту. Данному «целому» свойственно быть, на наш взгляд, частью мировоззренческой структуры, поскольку «широкое целое» является носителем информации, проявляется мимовольно, еще до непосредственного контакта с содержательной частью произведения, а также имеет воздействующую на реципиента силу. Размышления Пепке представляют особую ценность для нашего исследования, ибо являются доказательством существования своего рода целостной системы

координат, влияющей на сознание переводчика и его переводческие решения. Мы настаиваем на том, что данное «целое» можно попытаться декодировать как культурную память.

Пепке, однако, не конкретизирует, что именно подразумевается под понятием «целое» и каковы его составляющие. На наш взгляд, перечисленные Левицким реалии, и как мы уже упомянули, их суть, отчасти, могут служить попыткой деконцептуализации рассуждений Пепке. Тем не менее, «целое» – культурная память не ограничивается всего лишь реалиями. Культурная память – целый набор сведений о нации, ее материальной и духовной культуре, мифах, героях, врагах, мировоззрении.

Польский исследователь, Ольгерд Войтасевич, определяет цели перевода следующим способом:

operacja tłumaczenia tekstu a sformułowanego w języku A na język B polega na sformułowaniu tekstu b w języku B, który to tekst b wywoływałby u jego odbiorców skojarzenia takie same lub bardzo zbliżone do tych, które u odbiorców wywołał tekst a (Wojtasiewicz, 2007, 28).

Данные цели, уже неоднократно прозвучали в нашей работе, однако, мы считаем необходимым подчеркнуть, к чему должен стремиться переводчик. Добиться схожих ассоциаций в культуре перевода, учитывая специфику культурной памяти народов, может оказаться задачей весьма сложной или, как мы уже упоминали, порой невозможной. Стоит задаться вопросом, какие препятствия придется преодолеть переводчику, столкнувшемуся с проблемой насыщенного элементами культурной памяти текста. На основе всего вышесказанного, мы выделили несколько групп препятствий:

Субъективные – определенные человеческим фактором:

- недостатки системы образования;
- нехватка знаний и умений переводчика;
- привязанность переводчика к отечественному историческому и культурному повествованию;
- эмоциональное отношение переводчика к тексту оригинала, его содержанию и/или автору;

Объективные – сугубо онтологические:

- отличительные или взаимоисключающиеся национальные мифы культуры подлинника и перевода;
- другое историческое повествование народов культуры подлинника и перевода;
- другие реалии повседневной, праздничной, общественной, религиозной, политической и культурной (духовной и материальной) жизни народов подлинника и перевода;
- другая система нравственных координат;
- другие архетипные герои с отличительным набором качеств;

- отличительные группы стереотипных/ мифических/ геополитических «друзей/ братьев» и «врагов» среди народов мира;
- в ранее связанных политическим сосуществованием народах также постколониальные культурные зависимости и последствия.

Переводчику приходится понимать суть представленных выше препятствий, а также находить их непосредственную реализацию в языке произведения, семантике и структуре текста, речи героев, представленных обрядах, обычаях, приведенных текстах культуры (литературных произведениях, песнях, фольклорных стихах, фильмах, картинах и т.д.), исторических, религиозных и политических сведениях (названиях героев, событий, лозунгах, предметах и т.д.). Данный перечень возможных препятствий и их практического существования в тексте, конечно, далеко не полный. Ведь культурная память – понятие достаточно емкое, позволяющее выразить национальный колорит определенной группы.

Культурная память является важной научной теорией как с точки зрения практики и дидактики, так и теории перевода. Знания в области культурной памяти народов подлинника и перевода, несомненно, влияют на качество переводов, их ценность, примененные переводчиком стратегии, а также напрямую определяют рецепцию произведения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ассман, Я. (2004). *Культурная память: письмо, память и политическая идентичность в высших культурах древности*. Москва: Языки славянской культуры.
- Козлова, Л.В. (2014). *Теория социальных классов Мориса Хальбвакса*. Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология, 4, 219–234.
- Колягина, Н.К. (2009). *Морис Хальбвакс. Социальные рамки памяти. Уроки истории*, <https://web.archiwa.org/web/20130806024531/http://urokiistorii.ru/media/book>, доступ: 5.10.2023.
- Лотман, Ю.М. (1992). *Память в культурологическом освещении*. В: *Избранные статьи в трех томах. Том первый. Статьи по семиотике и топологии культуры (200–203)*. Таллин: Александра.
- Романовская, Е.В. (2010). *Морис Хальбвакс: культурные аспекты памяти*. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика, 10 (3), 39–45.
- Шуб, М.Л. (2016). *Функции культурной памяти*. Вестник культуры и искусств, 4, 71–76.

- Adamus, J. (1964). *O kierunkach polskiej myśli historycznej*. Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Assman, Ya. (2004). *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat'i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.

- Bednarczyk, A. (2002). *Kulturowe aspekty przekładu literackiego*. Katowice: Śląsk.
- Grosbart, Z. (2006). *O arcytrudnej sztuce przekładu*. Katowice: Śląsk.
- Halbwachs, M. (2007). *Social'nye ramki pamyati*. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Hejwowski, K. (2006). *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Kolyagina, N.K. (2009). *Moris Khal'bvaks. Sotsial'nye ramki pamyati. Uroki istorii*, <https://web.archiwa.org/web/20130806024531/http://urokiistorii.ru/media/book>, accessed: 5.10.2023.
- Kozlova, L.V. (2014). *Teoriya sotsial'nykh klassov Morisa Khal'bvaksa*. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya, 4, 219–234.
- Lewicki, R. (2022). *Zagadnienia lingwistyki przekładu*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Lotman, Yu.M. (1992). *Pamyat' v kul'turologicheskoy osveshchenii*. V: *Izbrannyye stat'i v trekh tomakh*. Tom pervyy. *Stat'i po semiotike i topologii kul'tury* (200–203). Tallin: Aleksandra.
- Majdzik, K., Słapek, D. (2015). *Narzędzia analizy przekładu*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek.
- Osadnik, W. (2008). *Przekład jako poszukiwanie ekwiwalencji kulturowej (O angielskim tłumaczeniu „Wojny polsko-ruskiej pod flagą biało-czerwona” Doroty Masłowskiej)*. W: *Odmienność kulturowa w przekładzie (157–189)*, P. Fast, P. Janikowski (red.). Katowice–Częstochowa: Śląsk – Wydawnictwo Wyższej Szkoły Lingwistycznej.
- Paepcke, F. (2009). *Rozumienie tekstu a przekład*. W: *Współczesne teorie przekładu. Antologia (335–346)*, P. Bukowski, M. Heydel (red.). Kraków: Znak.
- Romanovskaya, E.V. (2010). *Moris Khal'bvaks: kul'turnye aspekty pamyati*. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika, 10 (3), 39–45.
- Shub, M.L. (2016). *Funktsii kul'turnoy pamyati*. Vestnik kul'tury i iskusstv, 4, 71–76.
- van Alphen, E. (2019). *Krytyka jako interwencja. Sztuka, pamięć, afekt*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Wojtasiewicz, O. (2007). *Wstęp do teorii tłumaczenia*. Warszawa: Translegis.

Agata Bunevitch

 <https://orcid.org/0009-0009-2858-2771>

*Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II
Wydział Nauk Humanistycznych
Kolegium Lingwistyki Stosowanej
20-708 Lublin Konstantynów 1D/203
agata.bunevitch@outlook.com*

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА ПОЗИТИВНЫХ ЭМОЦИЙ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ (НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЫБРАННОГО КОНТЕНТА INSTAGRAM, VK И YOUTUBE)

**Development of the Language of Positive Emotions in the Russian-Speaking Online
Environment (Based on Research on Selected Content from
Instagram, VK, and YouTube Platforms)**

Резюме

В статье рассматриваются изменения тенденций выражения эмоций в русскоязычной онлайн-среде. Основной целью было выявление языковых средств, которые используются при общении в интернет-пространстве.

Основными методами, которыми мы пользовались, были метод наблюдения, методы сплошной выборки, метод систематизации и описания языкового материала. В статье мы после определения особенностей данной среды и характерных для нее способов коммуникации выдвигаем гипотезу, что в период с 2010 по 2023 гг. наблюдается переход от склонности пользователей интернета к выражению негативных эмоций либо сокрытию своих чувств к более позитивному и открытому отношению к собственным эмоциям.

Собранные данные позволяют не только подтвердить гипотезу, но и указать, что с 2018 по 2019 год, то есть с момента, по нашим наблюдениям, а также подтверждения их статистическими данными, начала большей заинтересованности пользователей ментальным здоровьем, стали образовываться новые языковые средства, а также активное заимствование (в различной форме) психологических терминов из иностранного интернет-пространства и их интенсивное использование.

В конце статьи выдвигается предположение, что данная тенденция может быть связана с уровнем эмоционального интеллекта среднестатистических молодых пользователей.

Данные статьи могут послужить базой для дальнейших междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: русский язык, интернет-пространство, язык эмоций, коммуникация в интернете, тенденции развития русского языка.

Summary

This article explores the evolving trends in expressing emotions within the Russian-speaking online environment. The primary objective is to identify the linguistic mechanisms employed in online communication.

The main methodologies applied include observation, systematic sampling, and the systematization and description of linguistic material. The hypothesis posited in this article suggests a shift in the period from 2010 to 2023, where internet users are moving away from expressing predominantly negative emotions or concealing their feelings. Instead, there seems to be a growing inclination toward a more positive and open expression of emotions.

The gathered data not only confirm this hypothesis but also highlight that from 2018 to 2019, coinciding with an observed and statistically supported surge in user interest in mental health, new linguistic expressions emerged. There was also a notable trend of actively incorporating psychological terms from foreign online spaces.

Towards the conclusion of the article, we propose that this trend may be linked to the emotional intelligence levels of average young users.

This research provides a foundation for future interdisciplinary studies.

Keywords: Russian, online environment, language of emotions, online communication, tendencies of the Russian language development.

В современном дискурсе интернет зачастую упоминается в качестве *пространства* или *медиапространства*. Несмотря на то, что на данный момент не существует единого определения этого медиапространства, нельзя отрицать, что это исключительно широкое понятие, включающее в себя различные формы коммуникации, а «его основу составляют средства производства и распространения массовой информации, а также сама массовая информация» (Дзялошинский, 2013, 341, 343). Таким образом, использование этого термина по отношению к интернету обоснованно, поскольку он выступает в качестве площадки для создания и распространения контента, а также его хранения и предоставления. Однако, в отличие от других форм коммуникации, интернет характеризуется размытыми границами и многофункциональностью. Одной из основных его функций является доступное общение и взаимодействие с другими людьми, что делает интернет-площадкой в том числе и для выражения своих эмоций, которое имеет свою специфику в связи с разнообразием выступающих в нем форм общения.

Как сообщает исследователь Мозговая, в виртуальной среде текст является мультимодальным многомерным текстом, вовлекающим в свое восприятие все органы сенсорной системы человека (Мозговая, 2018, 128). При этом наблюдается тенденция к визуализации интернет-сообщений (Мозговая, 2017, 127). В результате пользователь ежедневно сталкивается как с текстовой, так с аудиовизуальной формой коммуникации, которые благодаря специфике технологий накладываются друг на друга, создавая нетипичные способы передачи информации:

- речь в видео может нарочито прерываться звуками, несущими отсылку к другому видео, фильму или песне, с расчетом на то, что знакомый с оригиналом пользователь сможет правильно распознать посыл автора без необходимости проговаривания шутки или подразумеваемых эмоций;

- используется переключение между верхним и нижним регистром, специальные символы или сокращения;

- фильтры для фотографий и соответствующие подписи к ним, а иногда и отсутствие подписи само по себе также могут передавать настроение пользователя;

- активно используются эмодзи, которым в зависимости от текущих трендов могут придаваться различные значения;

- все еще используются GIF-изображения с текстом и без него, хотя отмечается очевидное угасание их популярности.

Важно отметить, что лаконичные знаковые способы передачи информации могут помогать не только выражать, но и скрывать эмоции (Изотова, 2023), благодаря чему могут быть предпочтительными для пользователей в определенных ситуациях. Тем не менее, текст без каких-либо дополнительных форм коммуникации не теряет своей актуальности и активно используется в блогах, новостных изданиях и т.п. Языковые средства, применяемые для описания эмоций, не отличаются от используемых в офлайн-общении: это лексика эмоций и эмоциональная лексика, которые выражаются с помощью, главным образом, глаголов, существительных и метафорических глагольных словосочетаний. Лексика эмоций используется для называния психических состояний, в то время как эмоциональная лексика имеет экспрессивную функцию (Камалова, Берестнев, 2019, 353–357).

Следует заметить, что, так же, как и в случае с иными пространствами, такими, как телевидение или печатные издания, информация в интернете отражает специфическую ситуацию и настроения в обществе конкретной страны или региона при условии, что речь не идет о материалах, содержащих пропаганду и манипуляцию фактами. В связи с этим существует обоснованное разделение на «региональные» сегменты интернета: русскоязычный, англоязычный, японский и т.д., поскольку содержащийся в каждом отдельном сегменте контент может разительно отличаться и нести ярко выраженные

культурные черты. В данной статье речь пойдет о тенденциях в развитии языка эмоций, характерных именно для русскоязычной части интернета.

Русскоязычный интернет, или Рунет, характеризуется относительной обособленностью: к примеру, одной из самых используемых платформ в нем, несмотря на спад популярности в последние годы, является *VK* (социальная сеть *ВКонтакте*), в основном предназначенный для русскоязычных пользователей. Таким образом, создается своеобразная изоляция пользователей от контента на иностранных языках и взаимодействия с иностранными создателями контента, если только пользователь целенаправленно не воспользуется международной платформой, к примеру, *Instagram* или *Youtube*. Тем не менее, даже на этих платформах русскоязычный сегмент является достаточно замкнутым: поскольку русскоговорящие пользователи нечасто создают контент на иностранных языках (например, английском), их аудитория состоит из представителей их собственной или относительно похожей на их собственную культуры. В рамках такого обособленного пространства создаются свои тренды и тенденции развития как контента, так и языка, распространяющиеся за рамки одной платформы и влияющие на русскоязычных пользователей интернета в целом.

Целью исследований является анализ языка эмоций, основанный на следующем тезисе: в последние несколько лет в Рунете наблюдается тенденция более здорового подхода к собственным эмоциям и их открытому обсуждению, в отличие от негативных явлений, которые преобладали в онлайн-пространстве в 2010–2018 гг.. Также предполагается, что позитивная тенденция связана со взрослением поколения интернет-пользователей, практикующих новый подход к ментальному здоровью и транслирующих его в свое окружение. Следует обратить внимание, что, согласно мнению Мозговой, тема эмотивной составляющей в онлайн-коммуникации еще слабо изучена (Мозговая, 2017, 125) и найденные публикации в основном направлены на обсуждение средств выражения эмоций, без ярко выраженных попыток указать на преобладающие в интернете тенденции, поэтому исследование частично опирается на наш личный опыт.

В 2010-х годах в Рунете было заметно преобладание негативных эмоций, что отмечают и авторы имеющихся исследований на данную тему: контент, помимо всего прочего, характеризовался агрессией (Тарса, 2021, 163), что, вероятно, было следствием политической ситуации в стране, а также финансовой, социальной и психологической ситуации пользователей (Пильгун, 2013, 270). Примером площадки, демонстрирующей подобные тенденции, можно назвать сообщество *Hikikomori* на платформе *VK*, созданное в 2011 году. Сегодня сообщество насчитывает около 750 000 пользователей и в основном представляет собой место, где одинокие люди – как правило, молодежь – испытывающие проблемы с коммуникацией и включением в общественную жизнь, могут анонимно высказать свои эмоции, а также узнать

новости – преимущественно из мира игр и японской культуры. Нами была проведена выборка из 200 случайных текстовых постов за 2015 год, анализ которых показал, что чаще всего в текстах, описывающих эмоции, встречались следующие фразы:

*Я устал;
Мир несправедлив ко мне;
Я ненавижу себя;
Мне не с кем поговорить;
Я виню себя;
Мне уже все равно.*

Поскольку платформа *VK* позволяет просматривать все когда-либо опубликованные в том или ином сообществе записи в хронологическом порядке, поиск постов за соответствующие годы можно было осуществить относительно легко. После этого были выбраны и проанализированы случайные записи, размещенные в различные месяцы и дни определенного года, а основные выражения, касающиеся описания эмоций, были выделены с целью установить частотность их употребления. Представленные выражения являются усредненными в плане формулировки и в оригинальных постах могут незначительно отличаться, однако их посыл остается неизменным. «Позитивные» в понимании среднестатистического человека записи (например, об активной социальной жизни, счастливых отношениях и т.п.) не приветствовались самой администрацией группы, поскольку сообщество предназначалось для людей, в жизни которых преобладает негатив, и которые чувствуют потребность высказаться. Тем не менее, в последние несколько лет это правило частично перестало соблюдаться, и в группу начали проникать более позитивные, но вместе с тем осторожные сообщения, выражающие скорее принятие тяжелой жизненной ситуации и надежду на лучшие времена.

К примеру, в выборке из 200 текстовых постов за 2023 год периодически встречаются и повторяются подобные выражения:

*Давайте дождемся лучших времен;
Добро согревает мне сердце;
Я стараюсь наслаждаться маленькими радостями;
У меня пока не получается, но я пытаюсь;
Теперь делаю то, что для меня лучше;
Сегодня я смог о себе позаботиться.*

Несмотря на то, что частотность таких высказываний едва ли составила 20% от общего числа, их количество заметно выше по сравнению с прошлой картиной. Особенно примечательным является факт, что такие улучшения произошли в пространстве, изначально не созданном для выражения позитивных эмоций.

Тенденции к изменениям наблюдаются и на таких платформах, как *Youtube* и *Instagram*, не позиционирующих себя как пространства для узкой группы пользователей. К примеру, приблизительно с 2018 года и по сей день наблюдается некий переходный период, когда все большее количество создателей контента поднимает тему токсичной продуктивности и токсичного позитива, используя следующие слова и выражения:

*токсичная продуктивность,
выгорание,
усталость,
погоня за успехом,
чувство вины,
стресс.*

Проведенное нами исследование опиралось на поиске контента на платформах *Youtube* и *Instagram* по соответствующим ключевым словам (таким, как *токсичная продуктивность* или *выгорание*), фильтрации и сопоставлению контента по дате публикации с целью выведения статистики, выборке наиболее часто употребляемых выражений, а также анализе контента, который публиковался на данном аккаунте до того, как на нем начала подниматься тема настоящих эмоций и чувств автора. Основные *Youtube*-каналы (а также *Instagram*-аккаунты их создателей), использованные для анализа: *IM maulida*, *PLANETRINATV*, *полинэ кудрявцева*, *Malyshka Polly*, *Tanya Boguslavskaya*. Результат показал, что тема заботы о себе является относительно новой, в то время как до 2018 года основной контент составляла информация об «идеальной» жизни, продуктивности, постоянном достижении новых целей, работе над проектами и учебе.

Исследование 2013 года показало, что выражение эмоций в интернете зачастую воспринималось как признак слабости и помеха для успеха в будущем (Изотова, 2023). Это подтверждается наблюдениями, что создатели контента упоминают продолжительное сокрытие своих эмоций и неудач, в то время как они выставляли в интернет лишь идеальные, а потому нереальные моменты своей жизни, что и привело к выгоранию и потребности переосмыслить свой подход к эмоциям. Напрашивается вывод, что большая часть площадок не приветствовала выражение искренних негативных эмоций и сообщества, подобные *Hikikomori*, не удовлетворяли потребности всех пользователей высказать свои настоящие чувства, что могло вызывать искусственную агрессию в интернете. Заметный всплеск подобного контента позволяет судить о реально существующей проблеме, давно скрываемой многими блогерами и публичными личностями, которые лишь в последние 4–5 лет начали чувствовать себя комфортно, высказываясь аудитории на эту тему. Параллельно в это же время начала все более широко освещаться тема психологической помощи, роли психотерапии и душевного равновесия.

К примеру, созданная в 2017 году платформа *yasno.live*, предназначенная для онлайн-терапии, активно проводит рекламные интеграции с русскоязычными блогерами, а мобильное приложение *Mindspa* (с 2019 г.) с курсами по проработке эмоций использует активное продвижение постов со своего аккаунта в *Instagram*, чтобы попасть в ленту рекомендованных записей пользователей. Онлайн-издания, к примеру *Горящая изба* (*burgninghut.ru*), или *Лайфхакер* (*lifehacker.ru*) создают отдельные тематические вкладки, в которых преобладают статьи о выражении эмоций и ментальном здоровье. Благодаря доступности различных сервисов информация, а вместе с ней и новые лексические единицы, перетекают на все новые и новые платформы, не оставляя возможности отследить происхождение. Таким образом, язык позитивных эмоций в данный момент можно наблюдать в специализированных блогах (*yasno.live*, *Mindspa.me*, *alter.ru*), на Youtube-каналах (полинэ кудрявцева, IM maulida, Tanya Boguslavskaya), Instagram-аккаунтах (*lea.helps.*, *mechtagram*, *zigmund.online*, *mindspa_ru*, *yasno.live*). Используемые авторами подходы к называнию и описанию эмоций схожи, имеется склонность использования новой лексики, что приводит к периодическому появлению статей, направленных на разъяснение терминов. Наиболее популярными подходами являются:

– Аффирмации – позитивные утверждения, предназначенные для ежедневного повторения и укрепления позитивного мышления. Примеры:

Любовь к себе – это мое естественное состояние;
Я спокоен (-йна) и уверен (-а) в себе;
Я прощаю тех, кто причинил мне боль, и отпускаю обиды;
Мои чувства в моей власти, и сегодня я выбираю быть счастливым (-ой).

– Выражения, называющие чувства и состояния:

– осознанность,
– медленная жизнь,
– эмоциональная зрелость,
– благодарность,
– гармония,
– душевное равновесие,
– любовь к себе.

– Вербно-номинальные конструкции и метафоры:

– создавать прочные эмоциональные связи,
– практиковать бережное отношение к себе и своим эмоциям,
– быть в ресурсе/моменте,
– выражать эмоции экологично,
– проговаривать эмоции,
– устанавливать границы.

Помимо этого сервисы психологической помощи часто делятся инфо-графиками, целью которых является предложение пользователям способы открытого выражения эмоций, которые не должны спровоцировать конфликт. Предлагается использовать нейтральные, обдуманнные фразы, к примеру, *Я чувствую тревогу и страх тебя потерять, когда ты общаешься со своей бывшей вместо Ты что, хочешь вернуться к бывшей? Иначе зачем ты с ней общаешься?* (Mindspa, 2023). Интересен посыл о том, что умение открыто сообщать о собственных негативных эмоциях собеседнику должно вызывать у говорящего позитивные эмоции и ощущения по отношению к самому себе – например, удовлетворение, гордость за установление личных границ, чувство уверенности и защищенности, которыми после этого можно поделиться с другими, используя перечисленные выше языковые средства.

Рис. 1. Пример нейтральной фразы от сервиса Mindspa, размещенный на Instagram-аккаунте сервиса¹.

Хочется подчеркнуть, что, согласно исследованию 2019 года, 94% процента опрошенных россиян назвали свою ленту позитивной и указали, что испытывают положительные эмоции после пребывания в соцсетях (Тарса, 2021, 165). Поскольку такой высокий показатель позитивного опыта совпадает с развитием открытого подхода к разговору об эмоциях

¹ <https://www.instagram.com/p/Cp2xCjavX3w/>, доступ: 20.04.2023.

в онлайн-пространстве, можно предположить, что между этими двумя явлениями существует связь. Одновременно нельзя забывать, что алгоритмы подбора контента в Facebook и Instagram, впервые внедренные в 2012 году (Пильгун, 2013, 265), заметно улучшились и стали более агрессивными, тем самым сильно затрудняя возможность выйти за пределы собственного информационного поля, как и опасалась М. Пильгун. Исследование М. Гурини и Дж. Стояно показало, что контакт преимущественно с негативным либо позитивным контентом приводит к воспроизведению соответствующего типа контента. Люди, чаще сталкивающиеся с негативом, становятся склонны к его созданию (Guerini, Staiano, 2015, 300), что с учетом алгоритмов может приводить к своеобразной ловушке информационного пузыря. К счастью, возможность отключения «умной ленты» все еще позволяет делать выводы об общих данных, а не только о персонализированном контенте и опыте отдельных пользователей.

В связи с вышеупомянутыми изменениями наблюдается интересная возрастная динамика: тема ментального здоровья и эмоций чаще всего поднимается создателями контента 20–30 лет, из которых не все профессионально связаны со сферой психологии. По-видимому, представителей данного поколения в повседневной жизни заботит уровень собственного эмоционального интеллекта, то есть способности распознавать свои и чужие эмоции, а также оперировать ими. Исследование 2013 года показало, что пользователи интернета в возрасте 16–17 лет более склонны к выражению своих эмоций онлайн, что, в свою очередь, является показателем более высокого эмоционального интеллекта, чем у поколения их родителей, дедушек и бабушек (Изотова, 2023). Речь идет именно о той группе людей, которая сегодня входит в вышеупомянутый возрастной промежуток 20–30 лет, представители которого создают более честный и эмоционально открытый контент, делятся им и взаимодействуют. К сожалению, не удалось установить, как в 2013 году выглядела онлайн-репрезентация эмоций подростков 12–15 лет, однако можно предположить, что они также характеризуются склонностью к высокому эмоциональному интеллекту. Отдельного исследования заслуживает предположение, что представители старших поколений в целом отличаются более низким эмоциональным интеллектом и чаще испытывают такие его признаки, как:

- трудности с пониманием чужих эмоций,
- трудности с регуляцией собственных эмоций,
- сниженная эмпатия,
- акцент на информационной составляющей, игнорирование эмоциональной составляющей,
- эмоциональный эгоцентризм².

² <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/593/691>, доступ: 20.04.2023.

Предположительно, различия поколений могут быть связаны со сменой курса воспитания. Как известно, во времена СССР воспитание отличалось низким вниманием к психическому здоровью и деспотичностью, а в наше время проявляется большая демократичность по отношению к детям, которые с выходом в интернет получают доступ к огромному количеству информации и реальные шансы ознакомиться с темой ментального здоровья, даже если она не обсуждается дома. Однако этот тезис требует проведения отдельного исследования с обязательным опросом представителей всех целевых возрастных групп и проведением анализа данных по возрасту, частотности поисковых запросов и показа соответствующего контента в новостной ленте.

Таким образом, язык эмоций в Рунете за последнее десятилетие претерпел определенные изменения, став более честным и открытым. Произошел переход от преобладающей агрессии/сокрытия проблем к признанию наличия трудностей и выражения готовности с ними бороться. Появились новые лексические единицы, описывающие позитивные стороны заботы о ментальном здоровье, а уже существующие набирают все большую популярность, благодаря чему доходят до пользователей вне зависимости от площадки, которой они пользуются. Стремление открыто описывать свои чувства зачастую приводит к появлению позитивных эмоций по отношению к себе, из-за чего современный язык эмоций характеризуется прежде всего индивидуализмом и лексическими единицами, отражающими уверенность, независимость, самодостаточность и удовлетворение.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дзялошинский, И. (2013). *Медиапространство России: сущность и основные характеристики*. В: *Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы: материалы научно-практической конференции (26–27 апреля 2013 г.)* (330–345). Москва: АПК и ППРО
- Евстафьева, Е. (2023). *50 полезных аффирмаций на каждый день*, <https://lifehacker.ru/affirmacii-na-kazhdyj-den/>, доступ: 20.04.2023.
- Изотова, Е. (2014). *Инструменты эмоциональной насыщенности интернет-сообщения: эмоциональный интеллект и способы кодирования эмоций*. Психологические исследования, 7 (3), <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/593/691>, доступ: 20.04.2023.
- Как безопасно сообщать о своих чувствах партнеру*, <https://mindspa.me/как-безопасно-сообщать-о-своих-чувств/>, доступ: 20.04.2023
- Камалова, А.А., Берестнев, Г.И. (2019). *Эмоции как предмет лингвистического изучения (на материале русского языка)*. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 10 (2), 349–360.
- Мозговая, А. (2017). *Эмотивные маркеры интернет-коммуникации (на примере интернет-сервиса Instagram)*. Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2 (68), 125–129.
- Мозговая, А. (2018). *Средства манифестации эмоций в Интернет-коммуникации*. Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки, 13 (807), 125–138

- Новоселова, Ю. (2023). *Зрелая любовь: 9 признаков зрелости в отношениях*, <https://yasno.live/blog/priznaki-zreloj-lyubvi>, доступ: 29.04.2023.
- Пильгун, М. (2013). *Особенности формирования контента в русскоязычном медиaproстранстве*. В: *Развитие русскоязычного медиaproстранства: коммуникационные и этические проблемы: материалы научно-практической конференции (26–27 апреля 2013 г.)* (262–271). Москва: АПК и ППРО.
- Тарса, Я. (2021). *Способы выражения положительных эмоций в Интернете*. *Stylistyka*, 30, 163–176.

- Dzylashinskii, I. (2013). *Mediaprostranstvo Rossii: sushchnost' i osnovnye kharakteristiki*. В: *Razvitie russkoyazychnogo mediaprostranstva: kommunikatsionnye i eticheskie problemy: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (26–27 aprelya 2013 g.)* (330–345). Moscow: APK i PPRO.
- Evstaf'eva, E. (2023). *50 poleznykh affirmatsii na kazhdy den'*, <https://lifehacker.ru/affirmacii-na-kazhdj-den/>, accessed: 20.04.2023.
- Guerini, M., Staiano, J. (2015). *Deep Feelings: A Massive Cross-Lingual Study on the Relation between Emotions and Virality*. В: *WWW '15 Companion: Proceedings of the 24th International Conference on World Wide Web, Association for Computing Machinery* (299–305). New York, <https://doi.org/10.1145/2740908.2743058>
- Izotova, E. (2014). *Instrumenty emotsional'noi nasyshchennosti internet-soobshcheniya: emotsional'nyi intellekt i sposoby kodirovaniya emotsii*. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 7 (3), <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/593/691>, accessed: 20.04.2023.
- Kak bezopasno soobshchat' o svoikh chuvstvakh partneru*, <https://mindspa.me/kak-bezopasno-soobshchat'-o-svoikh-chuvstv/>, accessed: 20.04.2023.
- Kamalova, A.A., Berestnev, G.I. (2019). *Emotsii kak predmet lingvisticheskogo izucheniya (na materiale russkogo yazyka)*. *Przeгляд Wschodnioeuropejski*, 10 (2), 349–360.
- Mozgovaya, A. (2017). *Emotivnye markery internet-kommunikatsii (na primere internet-servisa Instagram)*. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2 (68), 125–129.
- Mozgovaya, A. (2018). *Sredstva manifestatsii emotsii v Internet-kommunikatsii*. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, 13 (807), 125–138.
- Novoselova, Yu. (2023). *Zrelaya lyubov': 9 priznakov zrelosti v otnosheniyakh*, <https://yasno.live/blog/priznaki-zreloj-lyubvi>, accessed: 29.04.2023.
- Pil'gun, M. (2013). *Особенности формирования контента в русскоязычном медиaproстранстве*. В: *Развитие русскоязычного медиaproстранства: коммуникационные и этические проблемы: материалы научно-практической конференции (26–27 апреля 2013 г.)* (262–271). Moscow: APK i PPRO.
- Tarsa, Ya. (2021). *Способы выражения положительных эмоций в Интернете*. *Stylistyka*, 30, 163–176.

Paweł Kmieć

 <https://orcid.org/0009-0000-5819-9081>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Studiów Międzynarodowych i Politologicznych

90-127 Łódź, ul. Składowa 43

kmiec.kontakt@gmail.com

ODPOWIEDZIALNOŚĆ JAKO ODPOWIEDŹ NA WARTOŚCI

Responsibility as an Answer to Values

Streszczenie

Celem niniejszego artykułu jest ukazanie pojęcia „odpowiedzialność” w jego interdyscyplinarnym znaczeniu, a również w ujęciu filozoficznym oraz językowym. Drugim istotnym celem pracy jest podkreślenie istoty odpowiedzialności w życiu ludzkim i uwidocznienie, że jest ona kluczowym elementem do wypełniania wartości oraz odnalezienia sensu własnego istnienia. W pracy również została zawarta historyczna transformacja znaczeniowa pojęcia od starożytności do czasów współczesnych.

Do napisania artykułu autorowi posłużyła analiza artykułów naukowych o charakterze filozoficznym i językowym, słowniki pojęciowe, encykliki papieskie oraz książka autorstwa Victora Frankla – *Człowiek w poszukiwaniu sensu*. Autor posłużył się też etymologią słowa pochodzącą z prawa rzymskiego, co stanowi punkt wyjściowy do dalszych rozważań i transformacji znaczenia słowa na przestrzeni epok. W starożytności przede wszystkim odnosiło się do sfery sądowniczo-prawnej, w chrześcijaństwie rolę zaczęła odgrywać wolna wola i sprawowanie woli boskiej, w oświeceniu nastąpiło rozgraniczenie między porządek, a wolę, co stanowi fundament rozważań dwudziestowiecznych filozofów przede wszystkim w sferze moralności i etyki. Swoje wnioski autor konfrontuje z dziełem autorstwa Victora Frankla przedstawiającego istotę odpowiedzialności w warunkach obozu koncentracyjnego.

Artykuł uwidacznia trudność w jednoznacznym zdefiniowaniu pojęcia „odpowiedzialność”, co może posłużyć do dalszych badań językoznawczych, literackich dotyczących tego pojęcia.

Słowa kluczowe: odpowiedzialność, obowiązek, powołanie, odpowiadanie, filozofia, zobowiązanie, respondere, responsum, imputare, sens.

Summary

This article aims to explore the interdisciplinary concept of “responsibility”, delving into its philosophical and linguistic dimensions. A significant focus is placed on elucidating the essence of responsibility in human life, emphasizing its pivotal role in realizing values and discovering the meaning of existence. The work also traces the historical transformation of the concept from antiquity to modern times.

The author conducted an analysis of philosophical and linguistic scientific articles, consulted concept dictionaries, examined papal encyclicals, and drew insights from Victor Frankl’s book, *Man’s Search for Meaning*. Additionally, the author explored the etymology of the word rooted in Roman law, providing a foundation for its evolution across eras. In antiquity, the concept primarily pertained to the judicial-legal sphere, while in Christianity, the notions of free will and the exercise of divine will gained prominence. The Enlightenment era introduced a distinction between order and will, forming the basis for 20th-century philosophical considerations, particularly in the realms of morality and ethics. The author juxtaposes their conclusions with Victor Frankl’s depiction of responsibility in concentration camp conditions, highlighting the challenges in unequivocally defining the concept.

This article contributes to the ongoing discourse on “responsibility” and serves as a springboard for further linguistic and literary research on the subject.

Keywords: responsibility, duty, vocation, answering, philosophy, commitment, responder, responsum, imputare, sense.

WSTĘP

Na przestrzeni wieków wiele aspektów życia społecznego uległo zmianie, m.in. ustrój feudalny czy system patriarchalny. Elementem, który łączy wszystkie epoki jest obowiązujący w każdej z nich system aksjonormatywny, czyli zespół norm i wartości regulujących funkcjonowanie danej społeczności i nadających jej pewne ramy, dzięki którym nie panuje chaos. Jednak sam system wartości jest bezużyteczny bez powszechnej odpowiedzialności za jego przestrzeganie. Można zatem stwierdzić, że odpowiedzialność katalizuje procesy społeczne, pozwala zrzeszać ludzi wokół określonych wartości bądź przedmiotów, za które członkowie grupy czują się współodpowiedzialni. Mimo że samo pojęcie wydaje się bardzo proste i zrozumiałe, jest ono jednym z trudniejszych do zdefiniowania. Jego znaczenie jest wielowymiarowe i odnosi się do rozlicznych aspektów życia ludzkiego: od odpowiedzialności za siebie i własne życie, przez odpowiedzialność za drugiego człowieka po odpowiedzialność prawną za popełniane uczynki. Wielość sfer, których dotyka odpowiedzialność, sprawia, że nie można ograniczyć jej znaczenia do pojedynczej, uniwersalnej definicji. Znaczenie słowa musi zostać ujęte w sprecyzowanym kontekście, w którym jest używane. Próby sformułowania definicji odpowiedzialności podejmowali wielcy myśliciele: Karol Wojtyła, Józef Tischner, Joseph Ratzinger i Victor Frankl. Czym zatem jest odpowiedzialność? Jakiej jej wymiary można wyodrębnić? W jaki sposób może być ona interpretowana?

ETYMOLOGIA I ZNACZENIE SŁOWA W MYŚLI FILOZOFICZNEJ

Zdefiniowanie *odpowiedzialności* jest wyzwaniem nie tylko dla współczesnych filozofów. Słowo *odpowiedzialność* pochodzi od łacińskich słów użytych w prawie rzymskim: *respondare* i *responsum*, zawierających przedrostek *re-*, odwołujący się do idei powtarzania oraz czasowniki *spondare* i *sponsum*, oznaczające przede wszystkim ‘odpowiadać’ lub ‘zobowiązywać’ (Schwartlander, 2004, 175). W tym znaczeniu odnosiło się przede wszystkim do sfery prawnej i sądowniczej – człowiek odpowiadał przed sądem za popełnione uczynki bądź wykroczenia przeciwko społeczeństwu, a jednocześnie zobowiązywał się do naprawienia wyrządzonej szkody. W swoich pracach do tego wymiaru odpowiedzialności nawiązywał Paul Ricoeur (francuski filozof XX w.), wychodząc od łacińskiego słowa *imputare*, oznaczającego przypisywanie komuś sprawczości określonych działań i czynów, jednocześnie czyniąc go za nie odpowiedzialnym (Zielińska, 2012, 175).

Oprócz sfery prawno-sądowniczej odpowiedzialność czerpie swoje znaczenie z tradycji rzymsko-stoickiej, w której była rozumiana jako *officium*, czyli obowiązek bądź służbę (Schwartlander, 2004, 174). W tym wymiarze można zauważyć, że człowiek jest powołany do wypełniania powierzanych mu zadań i to przez ich wykonanie dowodzi swojej odpowiedzialności. Warto zaznaczyć, że osoba jest odpowiedzialna nie tylko za rzeczy, które zrobiła, ale również za te, które powinna była zrobić, ale ich wykonania zaniechała. Wówczas zachodzi zło, ponieważ jednostka nie dokonała tego, co powinna była, a tym samym zaniechała potencjału, którym została obdarzona. Pojęcie wraz z czasem ewoluowało i nabierało nowego znaczenia. W tradycji chrześcijańskiej odpowiedzialność i obowiązek były rozumiane jako posłuszeństwo wobec Boga i należyte sprawowanie jego woli na Ziemi. Chrześcijaństwo podkreśla, że każdy człowiek jest wolny w swoich wyborach, a za te niewłaściwe, które doprowadziły do złego, poniesie konsekwencje na sądzie ostatecznym. Odpowiedzialność była nierozzerwalnie powiązana z bojaźnią Bożą, więc za człowieka odpowiedzialnego można było uznać osobę podążającą za przykazaniami i dogmatami ustalonymi przez kościół katolicki. Natomiast w oświeceniu, w epoce racjonalności, oprócz prawa i porządku, którego człowiek musiał przestrzegać, jeszcze większe znaczenie zyskała wolność woli ludzkiej – aby człowiek mógł być za coś odpowiedzialny, musi być wolny w swoich czynach i decyzjach. Nie ma odpowiedzialności bez wolności. Myśl oświeceniowa była punktem wyjściowym dla rozważań XX-wiecznych filozofów.

Nierozzerwalna więź odpowiedzialności i wolności jest bardzo bliska idei proponowanej przez Karola Wojtyłę w pracy *Osoba i czyn*. Autor stwierdza w niej, że człowiek przede wszystkim „posiada zdolność odpowiadania wolą na wartości” (Wojtyła, 1969, 178). Oznacza to, że osoba może dzięki swojej woli brać na siebie odpowiedzialność za swoje wartości i czyny, aby ich bronić. Jednakże,

odpowiedzialność nie ma prawa zaistnieć w momencie, kiedy jednostka była przymuszana do podjęcia określonego działania. Wolność stanowi klucz i niezbędny element w myśli odpowiedzialności moralnej i naturalnej – musi ona wynikać z wnętrza człowieka, z jego intencji, a nie z uwarunkowań zewnętrznych wpływających na jego zachowanie. W tym kontekście człowiek jest odpowiedzialny nie tylko przed innymi, ale również przed samym sobą i swoim sumieniem.

Do tej pory w każdej epoce i myśli pojawiał się element „odpowiadania”, a skoro jest odpowiedź, to wcześniej musiało być pytanie bądź inny komunikat skłaniający ku niej. Taką wizję prezentuje Józef Tischner (polski prezbiter, profesor i filozof) w idei dialogicznego wymiaru odpowiedzialności. W procesie jest obecny pytający i odpowiadający – pytający wzywa do reakcji, a odpowiadający poprzez odpowiedź na wezwanie dowodzi swojej odpowiedzialności (Tishner, 1990, 81). W tym wymiarze odpowiedzialność najpełniej ukazuje się przede wszystkim w bezpośredniej relacji między ludźmi, gdzie jeden jest dla drugiego i bierze odpowiedzialność jeden za drugiego. W filozofii dialogicznej następuje wyrwanie jednostki z jej egoistycznej tożsamości i otwarcie się na innego. W człowieku potrafiącym zaspokoić swoje potrzeby i zapewnić sobie trwanie w szczęściu i istnieniu, rodzi się poczucie pustki i pragnienie drugiego, dla którego mógłby zrobić to samo. Dopóki ta chęć nie zostaje zaspokojona, to głód innego pogłębia się i nie daje o sobie zapomnieć. Przejście od odpowiedzialności za siebie i swój byt do odpowiedzialności za innego pozwala człowiekowi zwracać uwagę na niedolę i potrzeby osób doświadczających trudności bądź niesprawiedliwości, dzięki temu możliwe staje się szerzenie dobra i niesienie pomocy dla drugiego, a nie dla własnych korzyści. Aby można było mówić o odpowiedzialności dialogicznej, należy zwrócić uwagę, by obie strony były autentyczne wobec własnego „ja” i wolne w swoich działaniach. Od przyjęcia odpowiedzialności za drugiego jest bardzo cienka granica do przyjęcia odpowiedzialności za świat, ponieważ świat stanowi całość życia człowieka i jego działań. Wypełniając odpowiednio obowiązki, troszcząc się o innych i reagując w momentach doświadczania krzywdy, osoba przyczynia się do poprawy sytuacji na świecie, przez co zaczyna rozumieć szersze znaczenie podejmowanych decyzji i aktywności – wie, że jej czyny wywierają wpływ nie tylko na bliskie otoczenie, ale również szersze grono. Jednakże, aby człowiek mógł być odpowiedzialny za świat, najpierw przede wszystkim musi być odpowiedzialny w nim, dlatego, jeżeli zacznie zaniedbywać obowiązki i powierzone zadania, powinien wrócić do początku procesu i wziąć na nowo odpowiedzialność przede wszystkim za siebie.

Obecnie, w czasach współczesnych, odpowiedzialność nabiera coraz szerszego znaczenia i charakteru wspólnotowego, który przekracza własne ja, a nawet wychodzi ponad relacje z innym. Ma to przede wszystkim związek z zaawansowanym stopniem globalizacji i wzrostu współzależności między społecznościami, które w niektórych przypadkach są oddalone od siebie o tysiące kilometrów. Jednym z przykładów jest kryzys ekonomiczny z 2008 roku, zapoczątkowany

w Stanach Zjednoczonych, który swoje skutki miał na całym świecie. Oprócz tego kryzysy, których doświadcza dzisiejsze społeczeństwo, nie dotyczą tylko danego regionu bądź państwa, a niosą ze sobą zagrożenia globalne, takie jak m.in. zmiany klimatyczne, wyczerpywanie zasobów wodnych i surowcowych oraz pogłębiające się nierówności. Skłania to ludzi do refleksji nad własnym zachowaniem na poziomie jednostki i podejmowania działań mogących przyczynić się do poprawy sytuacji światowej. Jednym z przykładów odpowiedzialności wspólnotowej jest 15 celów zrównoważonego rozwoju ustalone przez Organizację Narodów Zjednoczonych w 2015 roku jako strategia wdrażania zmian w państwach członkowskich do 2030 roku. Dotyczą one przede wszystkim takich sfer, jak walka ze skrajnym ubóstwem, głodem, nierównościami społecznymi i budowanie jakościowej edukacji. Warto zdefiniowania w tym wymiarze jest pojęcie *zrównoważonego rozwoju*. Według norweskiego premiera Gro Harlem Brundtlanda jest to „zaspokajanie potrzeb teraźniejszości bez narażania na szwank możliwości przyszłych pokoleń na zaspokajanie własnych potrzeb” (Poter, Kramer, 2006, 3). Odpowiedzialność przestaje być rozumiana jako coś, co się dzieje tu i teraz, a nabiera wymiaru dalekowzrocznego, w którym podkreślane są dalekosiężne skutki działań podejmowanych w teraźniejszości. Doskonale tę myśl zawarł papież Benedykt XVI w *Caritas in veritate* – „solidarność to przede wszystkim fakt, że wszyscy czują się odpowiedzialni za wszystkich” (Benedykt XVI, 2023).

WYJĄTKOWE ZNACZENIE ODPOWIEDZIALNOŚCI W DZIELE VICTORA FRANKLA CZŁOWIEK W POSZUKIWANIU SENSU

Odpowiedzialność w ujęciu Victora Frankla jest o tyle wyjątkowa, że została ujęta w realiach obozu koncentracyjnego, gdzie wszelka moralność, zasady i wcześniejsze wartości w wielu przypadkach przestawały mieć jakiegokolwiek znaczenie – liczyło się tylko, żeby przetrwać za wszelką cenę. Sam Frankl urodził się w 1905 roku w Wiedniu, w rodzinie żydowskiego pochodzenia. Swoje młodzińcze lata spędził w rzeczywistości I wojny światowej, doświadczał okrucieństw masowego rozlewu krwi i walki na globalną skalę. Następnie studiował medycynę, specjalizując się w zagadnieniach psychiatrii i neurologii. Już będąc studentem, pasjonował się tematyką egzystencjalizmu, często zadawał sobie pytania o sens istnienia ludzkiego. W pierwszych latach swojej kariery naukowej mocno inspirował się pracami i dokonaniem Sigmunda Freuda, lecz później odrzucił jego koncepcję, krytykując ją jako zbyt deterministyczną. Początki jego pracy w zawodzie psychiatry były obiecujące, wyróżniał się na tle innych podejściem i nastawieniem do pacjentów, a w 1939 r. został kierownikiem Katedry Neurologii Szpitala Rothschilda. Tego samego roku stał się świadkiem drugiej wojny – na

świecie i w trakcie swojego życia. Fakt, że miał żydowskie korzenie, nie wróżył dobrego scenariusza jemu i jego rodzinie, jednak pomimo możliwości ucieczki do Stanów Zjednoczonych, Frankl zdecydował się solidarnie pozostać ze swoimi bliskimi w Austrii. Do czasu wtrącenia do obozu koncentracyjnego w 1942 r. pracował nad rękopisem dzieła mającego być załącznikiem nowej formy psychoterapii – logoterapii. W odróżnieniu od swoich poprzedników nie przywiązywał aż takiej uwagi do kwestii związanych z przeszłością, a o wiele większe znaczenie nadawał przyszłości.

W obozie wszystkie notatki zostały mu odebrane, co znaczyło, że dzieło jego życia mogło nigdy nie zostać opublikowane. Wiele osób uznałoby, że jest to sytuacja bez powrotu, szczególnie w miejscu, w którym szanse na przeżycie kurczą się z każdym dniem. Dla Frankla myśl o tym, że nie ma innej osoby na świecie, która za niego mogłaby to napisać, okazała się źródłem nadziei i siły potrzebnej do przezwyciężenia nieludzkiego traktowania w obozie.

Kiedy uświadomimy sobie, że nie da się zastąpić jednego człowieka drugim, rola odpowiedzialności, jaką ponosimy za własne życie i jego podtrzymywanie, ukaże nam się w całej swej wielkości (Frankl, tłum. 2016, 75).

W tym fragmencie Frankl doskonale obrazuje, że sam fakt tego, że każdy jest inny i niepowtarzalny, rodzi odpowiedzialność. Pomogła ona mu nie pogрузić się w beznadziei i rozpacz, odnalazł dzięki niej sens własnego istnienia, który musiał wypełnić niezależnie od okoliczności. Droga wiodąca przez czyn i działanie jest jedną z dróg do odnalezienia sensu, zaprezentowanych przez autora w dziele *Człowiek w poszukiwaniu sensu*.

Drugim sposobem na radzenie sobie w trudnych sytuacjach jest spotkanie lub doświadczenie czegoś. Przed zesłaniem do obozu poślubił Tilly Grosser, z którą został rozdzielony w 1944 r. w momencie przeniesienia więźniów z Theresienstadt do Auschwitz. Wielokrotnie w stanie wycieńczenia i wyciępienia wspominał żonę, nie wiedząc czy dalej żyje. Wspomnienia miały o wiele głębszy wymiar, były niemalże transcendentalne. Franklowi w najtrudniejszych chwilach towarzyszyła jej postać, z którą prowadził dialog, jakby stała tuż obok niego fizycznie. Nierozzerwalna więź łączącej ich miłości nie pozwalała pogрузić się w letargu i agonii, a odwrotnie – sprawiała, że Victor Frankl chciał walczyć dalej o życie pomimo nieludzkiego traktowania.

Człowiek, który zda sobie sprawę z odpowiedzialności, jaką ma wobec innej ludzkiej istoty, która go kocha i z niecierpliwością wyczekuje jego powrotu, albo wobec jakiejś nieukończonych pracy, nigdy nie będzie zdolny odebrać sobie życia. Wie już, dlaczego żyje, a to pozwoli mu znieść to, jak żyje (Frankl, 2016, 75).

Wzięcie na siebie odpowiedzialności za drugą osobę w ostateczności sprowadza się do tego, że gdzieś na świecie istnieje człowiek, na którym drugiemu

zależy. Niezależnie od odległości od niego, świadomość jego istnienia nie pozwala odebrać sobie życia albo utonąć w beznadziei i bezsensie. Można założyć, że kluczowym elementem w odnalezieniu sensu i powołania jest odpowiedzialność. Przyjmując wobec kogoś bądź czegoś zobowiązanie, człowiek obiecuje, że nie zawiedzie i doprowadzi dzieło do końca, w innym przypadku skazuje siebie na karę zaniechania albo na utratę czyjegoś zaufania i swojej wiarygodności. Odpowiedzialność jest na tyle niezbędna w istnieniu, że nawet realia obozu koncentracyjnego nie są w stanie złamać wewnętrznie człowieka, bowiem wie on, że okrucieństwo wokół niego nie zwalnia go z odpowiadania za własne czyny.

Ostatnią drogą prowadzącą do znalezienia sensu, według Frankla, jest cierpienie, którego w jego życiu nie brakowało. Frankl uważa, że człowiek jest w stanie wznieść się ponad ból i przykre doświadczenia i uczynić z nich własne, niepowtarzalne zwycięstwo oraz symbol siły ducha, że przeszedł przez to i nie poddał się pod naporem złego. Jednak, jak sam podkreśla, cierpienie nie jest warunkiem znalezienia sensu – „jeżeli zaś można go uniknąć, sensownym działaniem będzie usunąć jego przyczynę, ponieważ przyjmowanie cierpienia, które nie jest konieczne, to raczej masochizm, a nie heroizm” (Frankl, 2012, 126). Jedynie człowiek odpowiedzialny jest zdolny, aby przejść przez cierpienie i uczynić z niego swój triumf, ponieważ wie, że jeżeli się mu podda, to zaniecha potencjału, nie wypełni powołania i zawiedzie ludzi, których kocha. Cierpienie nie jest niezbędne na drodze do odnalezienia sensu, ale odpowiedzialność już tak – nie ma sensu bez odpowiedzialności.

ZAKOŃCZENIE

Odpowiedzialność mimo swojego intuicyjnego znaczenia, obecnego w głowach ludzi, jest pojęciem wielowymiarowym i głębokim. Może być rozpatrywana w sferze sądowiczo-prawnej, gdzie człowiek przede wszystkim odpowiada za popełnione wykroczenia, jest to jednak najbardziej podstawowy i najpłytszy jej wymiar. Od czasów rozprzestrzenienia chrześcijaństwa, odpowiedzialność nabiera szerszego znaczenia i zaczyna dotyczyć takich sfer, jak moralność, relacje, wolność i wspólnota. Objawia się jako element katalizujący osiągnięcie wyższych wartości w każdym z ww. wspomnianych aspektów życia. Podkreślali to w swoich dziełach Karol Wojtyła, Józef Tischner, Joseph Ratzinger i Victor Frankl. Ostatecznie odpowiedzialność sprowadza się do odpowiadania za coś lub za kogoś, w tym za siebie. Człowiek w relacji z losem, ze światem czy z Bogiem nie jest nadawcą, a adresatem zobowiązaniem do odpowiedzi na otrzymane wezwanie, nawet jeżeli oznacza ono cierpienie.

BIBLIOGRAFIA

- Benedykt XVI (2023). *Caritas in veritate*. W: *Caritas in veritate – Encyklika, Benedykta XVI / BENEDICT XVI*, <https://vatican.va>, accessed: 11.07.2023.
- Frankl, V. (2016). *Człowiek w poszukiwaniu sensu*. Warszawa: Czarna Owca.
- Kruszyński, R.J. (2015). *Odpowiedzialność naturalna człowieka*. Acta Universitatis Lodzianis. Folia Iuridica, 74, 9–19.
- Porter, M., Kramer, M. (2006). *Strategy and Society. The Link between Competitive Advantage and CSR*, Harvard Business Review, 84 (12), 3–16.
- Schwartlander, J. (2004). *Odpowiedzialność jako podstawowe pojęcie filozoficzne*. W: *Filozofia odpowiedzialności XX wieku (173–185)*, J. Filek (red. i tłum.). Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, https://ruj.uj.edu.pl/xmlui/bitstream/handle/item/259354/schwartlander_filek_odpowiedzialnosc_jako_podstawowe_pojecie_filozoficzne_2004.pdf?sequence=1&isAllowed=y, accessed: 20.03.2023.
- Tischner, J. (1998). *Filozofia Dramatu*. Kraków: Znak.
- Wojewoda, M. (2021). *Odpowiedzialność moralna*. W: *Etyka polityczna (169–185)*, P. Świercz (red.). Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Ignatianum.
- Wojtyła, K. (1969). *Osoba i czyn*. Kraków: Polskie Towarzystwo Teologiczne.
- Zielińska, L. (2012). *Od odpowiedzialności za siebie do współodpowiedzialności*. Annales. Ethics in Economic Life, 15, 171–180.

Julia Kożuchowska

 <https://orcid.org/0009-0000-5624-0183>

Uniwersytet Wrocławski

Instytut Filologii Słowiańskiej

53-313 Wrocław, ul. Poczтова 9

321924@uwr.edu.pl

Z RODZINĄ WYCHODZI SIĘ NAJLEPIEJ NA ZDJĘCIU. RELACJE RASKOLNIKÓWÓW W POWIEŚCI ZBRODNIA I KARA FIODORA DOSTOJEWSKIEGO

**Family Looks Best in Photos. The Raskolnikov Family Relationships
in Fyodor Dostoyevsky's Novel, *Crime and Punishment***

Streszczenie

Tematem artykułu jest próba analizy rodziny Raskolnikowów oraz relacji pomiędzy poszczególnymi jej członkami w powieści *Zbrodnia i kara* Fiodora Dostojewskiego.

W badaniach wykorzystano metody psychoanalizy Jacques'a Lacana i Carla Gustava Junga oraz hermeneutykę.

Człowiek jako stworzenie stadne od zarania dziejów tworzy swego rodzaju rodziny. Rodzina jest podstawową i bardzo ważną grupą społeczną, do której przynależą ludzie. Rodzice uczą dzieci zachowań i reakcji na dane sytuacje, przekazują im zasady moralne i poświęcają się dla prawidłowego rozwoju potomstwa. Rodzice są wzorami do naśladowania dla dzieci i na podstawie obserwacji zachowań dorosłych dzieci kształtują swój charakter, mechanizmy obronne oraz światopogląd. Ważnym nauczycielem umiejętności interpersonalnych jest również rodzeństwo, które uczy między innymi kompromisów, zdolności negocjowania oraz odpowiedzialności za innych. Rodzina Raskolnikowów jest niepełna z powodu samobójczej śmierci ojca, którego nieobecność odbiła się na życiu Pulcherii, Rodiona i Awdotii. Mimo trudnej sytuacji życiowej, ubóstwa i różnorodnych problemów, każdy z członków rodziny okazuje wobec innych szacunek, troskę i gotowość do poświęceń. Każde z nich przedkłada dobro innych nad swoje, nie oczekując niczego w zamian. Zbrodnia Rodiona wpłynęła na jego relacje z matką i siostrą, przez co ich stosunki uległy pogorszeniu, lecz ostatecznie losy każdego z bohaterów kończą się szczęśliwie.

Słowa kluczowe: rodzina, relacje rodzinne, Raskolnikow, *Zbrodnia i kara*, psychoanaliza.

Summary

This paper aims to analyse the dynamics within the Raskolnikov family and the relationships among its individual members in Fyodor Dostoyevsky's novel, *Crime and Punishment*.

The study employs psychoanalytic methods inspired by Jacques Lacan and Carl Gustav Jung, along with hermeneutics.

As social beings, humans have formed familial structures throughout history, with the family serving as a fundamental and crucial social unit. Parents play a pivotal role in shaping their children's behavior, moral principles, and overall development. Acting as role models, parents influence their children's character, defense mechanisms, and worldview. Siblings, too, contribute significantly to the development of interpersonal skills, teaching compromise, negotiation, and responsibility. The Raskolnikov family, marked by the absence of their father due to suicide, has faced challenges affecting Pulcheria, Rodion, and Avdotya. Despite their difficult circumstances, poverty, and various problems, each family member displays respect, care, and a willingness to make sacrifices for others. They prioritize the well-being of others without expecting reciprocity. Rodion's crime disrupts his relationships with his mother and sister, leading to their deterioration. However, ultimately, the fate of each character concludes on a positive note.

Keywords: family, family relations, Raskolnikov, *Crime and Punishment*, psychoanalysis.

Fiodor Dostojewski jest jednym z czołowych i najbardziej rozpoznawalnych pisarzy rosyjskich. Po mistrzowsku buduje portrety bohaterów od podstaw. Stworzone przez niego postaci cechuje wyjątkowość i dbałość o ich historię w każdym szczególe. Tak jest również w przypadku Raskolnikowów.

Relacje między członkami rodziny Raskolnikowów pokazują, jak ważne jest wsparcie bliskich. Pomocne w zrozumieniu pewnych zachowań i mechanizmów będą teorie dwóch psychoanalityków: Carla Gustawa Junga oraz Ericha Fromma.

Człowiek od zarania dziejów tworzył swego rodzaju *rodziny*. Na przestrzeni wieków definicja tego słowa ulegała modyfikacji, a powodem tego były liczne zmiany społeczne. Obecnie rodzina jest jedną z podstawowych i najważniejszych grup, do których człowiek przynależy już od momentu poczęcia. Rodzina to nie tylko osoby połączone ze sobą więzami krwi czy aktem prawnym, lecz przede wszystkim społeczność spełniająca określone funkcje. Jarosław Szymczak w *Definicjach rodziny* przedstawia pedagogiczny obraz rodziny w następujący sposób:

Zwróćmy jednak uwagę, że [...] rodzina służy realizacji jakichś interesów poszczególnych członków rodziny [...]. Do „zaspokajania potrzeb” może być zredukowana także czwarta funkcja – „wychowywanie dzieci” oraz spełnianie funkcji rodzicielskiej. Jeśli jednak miłości osoby nie zredukujemy [...] do gry jakichś „potrzeb” członków rodziny, to wynika stąd, że rodzina jest dla dzisiejszych nauk pedagogicznych instytucją niejako „poza miłością”, poza miłością nieredukowalną do zaspakajania „potrzeb” (Szymczak, 2022, 155).

Pojęcie *rodziny* jest nierozzerwalne z psychologią. Wiele traum, problemów czy zachowań dziedziczonych jest od przodków i nieświadomie są one powiela-

ne. Rodzice są odpowiedzialni za nasze wychowanie, naukę manier i zasad życia w społeczeństwie. Jak więc pojęcie rodziny rozpatrują psychoanalitycy? Co według nich wchodzi w definicję tego słowa?

Psychoanaliza Junga bazuje na odwoływaniu się do przeszłości. W swojej pracy *Znaczenie ojca dla losów jednostki* zajmuje się on rolą tak zwanej konstelacji rodzinnej. Są to: „przejęte od poprzednich pokoleń poczucie winy, nieświadome przejmowanie odpowiedzialności za czyny przodków, powielanie ich zachowań, losów” (Halkiew, 2023). Odszukanie archetypu i zrozumienie go pomaga w przepracowaniu traumy i może uchronić przed powtarzaniem błędów.

W pracy *AION Przyczynki do symboliki jaźni* Carla Gustava Junga (2009) przedstawione są następujące obrazy relacji rodziców z dziećmi. Matka jest pierwszą miłością syna, wzorem kobiety, której często podświadomie poszukuje w życiu, a ojciec jest nieomylny i zawsze zwycięża. Ojciec pokazuje córce zdolność do refleksji i poszerzania własnej wiedzy. W rzeczywistości jest to fałszywa produkcja nieświadomości, która zakorzenia się w umysłach dzieci.

E. Fromm analizował aspekt psychiki ludzkiej na podstawie relacji społecznych, a rodzina jest właśnie tą pierwszą społecznością, z którą mamy do czynienia jeszcze przed narodzinami. „W procesie życia człowiek wchodzi w relację ze światem, asymilując i uzyskując rzeczy oraz wiąże się z ludźmi” (Fromm, 1994, 54). Wyuczone i przyjęte schematy w dzieciństwie oddziałują później na całe życie człowieka.

Rodzice wpływają na rozwój charakteru oraz, poprzez swój autorytet, mogą pełnić funkcje sumienia. Dziecko na podstawie obserwacji uczy się wzorów zachowań w określonych sytuacjach, kontroluje ekspresywność, emocje, uczy się rozładowywania napięcia oraz rozwiązywania problemów. Jak pisze E. Fromm w książce *Niech się stanie człowiek*:

Prawa i sankcje zewnętrznego autorytetu stają się jak gdyby częścią danej osoby, która zamiast czuć się odpowiedzialna za coś będącego poza nią, czuje się odpowiedzialna przed czymś wewnętrznym – przed własnym sumieniem (Fromm, 1994, 120).

Definicja rodziny jest niezwykle pojemna, stąd też należy indywidualnie podchodzić do interpretowania znaczenia tej małej społeczności. Jedno jest pewne – już od poczęcia jest ona fundamentem do dalszego kształtowania się człowieka.

Rodzina Raskolnikowów jest niepełna z powodu samobójczej śmierci ojca. Mimo to jej członkowie potrafią dać sobie nawzajem szczęście i szacunek. Każdego z nich cechuje miłość i oddanie dla innych, gotowość poświęcenia się dla dobra rodziny. Jednak nie zawsze tak jest. Zbrodniczy czyn Rodiona Raskolnikowa zmienia jego samego (bohater popada w obłąd) i zmienia relacje rodzinne.

O ojcu Raskolnikowa dowiadujemy się z powieści niewiele. Najwięcej informacji przekazane jest we śnie Rodiona. We śnie ukazane jest okrucieństwo właściciela wobec konia, czemu sprzeciwił się mały Rodion. Ojciec, zamiast stawić czoła złu, próbuje uniknąć odpowiedzialności, odciągając syna i odwracając jego

uwagę. Jeden z badaczy zwraca uwagę na funkcję tego snu z psychoanalitycznego punktu widzenia:

Этот сон приснился Раскольникову накануне убийства, он подается через восприятие маленького мальчика. Здесь уже проявляется один из принципов появления сновидений по Фрейдю, которые зачастую репродуцируют события из детских впечатлений (Павлова, 2023).

Sen ukazuje postać ojca – obrońcy, który nie sprostał oczekiwaniom własnego dziecka. Raskolnikow buntuje się przeciwko pasywnej postawie ojca. Nie chce powielić jego błędu, dlatego też stawia się w roli obrońcy słabszych od siebie. Poświęca się dla ludzkości poprzez zabicie lichwiarki, wierzy, że jego oddanie przyniesie korzyść społeczeństwu. Zbrodnia jest także symbolicznym i psychologicznym sposobem na odkupienie winy, którą odczuwa syn wobec ojca. Swoim zachowaniem przeciwstawia się bierności i bezczynności wobec cierpiących, aktywnie działa na rzecz ochrony „zwykłych ludzi” oraz próbuje wymazać poczucie winy wobec rodziny, której opiekunem czuł się po śmierci ojca, a której nie był w stanie zapewnić godnego bytu z powodu braku pieniędzy.

Pulcheria Aleksandrowna nauczyła syna czytać i pisać, była troskliwą i kochającą matką. Przysyłała synowi listy i pieniądze. W jednym z listów napisała: „Tyś nasze wszystko, nasza nadzieja i cała otucha. Bądź tylko szczęśliwy, a i my będziemy szczęśliwe” (Dostojewski, 2021, 37). Słowa te podkreślają bezgraniczną miłość do syna i gotowość do poświęceń. Kobieta wierzy w pisarski talent swojego dziecka. Wspomina, że jego ojciec wysyłał do pism wiersze i powieść w celu wydania, lecz nigdy to nie nastąpiło. Natomiast artykuł Raskolnikowa został opublikowany, co napawa Pulcherię dumą: „Jak tylko zechcesz, będziesz miał wszystko od razu, dzięki swemu rozumowi i talentowi” (Dostojewski, 2021, 486). Pokazuje to podobieństwo syna do ojca i podświadome działanie według Jungowskiego archetypu, z taką różnicą, że potomek osiągnął cel zamierzony przez rodzica. Niestety relacje Raskolnikowa z matką są dość skomplikowane, szczególnie w okresie choroby bohatera. Pulcheria boi się go, nie poznaje go, smuci ją jego zmiana. Wierzyła ona, że złe samopoczucie syna jest przejściowe i żywiła żłudną nadzieję na poprawę, a nadzieja ta miała na celu ukryć strach przed utratą kolejnego mężczyzny w swoim życiu, tak jak miało to miejsce z ojcem Rodiona.

В сцене последнего свидания героя с матерью, после же прощания мать неожиданно для окружающих перестает интересоваться реальными событиями из жизни сына, полностью погружаясь в игру собственного воображения. И только перед ее смертью обнаруживается, что она знала о преступлении сына. Можно сказать, что «история отца» возникает в большом сознании матери вместе с истерическим запретом «истории сына» (Исаков, 2023).

Wobec córki Pulcheria wykazywała się taką samą miłością i troską jak w stosunku do syna. Cieszy się z tego, że znów mieszkają razem i nigdy więcej nie chce

rozstawać się z córką: „Czybyś się domyślił, drogi mój Rodia, że Twoja siostra już od sześciu tygodni mieszka tu ze mną i na przyszłość już się nie rozstaniemy” (Dostojewski, tłum. 2021, 30). Żal jej było córki z powodu krzywd, jakich zaznała, pracując jako guwernantka u Swidrygajłowów (pracę tę podjęła, by wspomóc finansowo matkę i brata). Dunia według matki jest mądra, ma silny charakter i potrafi wykazać się męstwem i hartem ducha: „Prawdziwy anioł” (Dostojewski, tłum. 2021, 32). Córka okazuje wsparcie i próbuje pocieszać matkę, stara się znosić plotki krążące o niej. Kobiety są nierozłączne i wzajemnie o sobie dbają. Dunia ze względu na zły stan matki, nie mówi jej prawdy na temat Rodiona, woli oszukiwać Pulcherię dla jej dobra. Wie, że gdyby matka dowiedziała się prawdy, załamała by się i obwiniała za los syna.

Pulcheria podkreśla podobieństwo swoich dzieci. Łączy ich nie tylko podobieństwo z wyglądu, ale również usposobienie: „Oboje jesteście melancholikami, oboje posępni i popędliwi, oboje wyniośli i oboje wielkoduszni” (Dostojewski, tłum. 2021, 227). Przed wyjazdem do Petersburga Dunia podarowała bratu pierścionek, który następnie został zastawiony u lichwiarki, tak jak srebrny zegarek ojca. Artur Groszew w artykule *Анализ поведения Родиона Раскольникова с точки зрения когнитивно-бихевиорального, гуманистического и психодинамического подходов* przedstawia Raskolnikowa przejmującego rolę ojca: „Он стал заменой отца для своей семьи, и когда узнал о том, что его сестра выходит замуж, чтобы помочь ему, он не мог этого допустить, в тот момент он окончательно решил пойти на преступление” (Грошев, 2023). Dziewczyna zauważa w bracie negatywną zmianę, martwi się o niego i próbuje z nim porozmawiać, niestety bezskutecznie. Matka i siostra są w stanie poświęcić wszystko dla ich ukochanego Rodii: „Jest taka mamusia, która, mając sto dwadzieścia pięć rubli emerytury, raczej sama przestanie jeść, ale syneczka poratuje, oraz jest taka siostrzyczka, która za braciszka gotowa skoczyć w ogień” (Dostojewski, tłum. 2021, 117).

Raskolnikow nie chce poświęcenia ze strony matki i siostry. Odczuwa wyrzuty sumienia z powodu ambiwalentnych uczuć do nich. Dawniej kochał matkę i siostrę, a teraz odczuwa nienawiść. Ma mętlik w głowie i pragnie się odciąć od swojej rodziny: „Zapomnijcie o mnie zupełnie. Tak będzie lepiej... Nie dowiadujcie się o mnie” (Dostojewski, tłum. 2021, 296). Prosi Razumichina o opiekę nad kobietami. Po zesłaniu na Sybir ukrywa przed matką prawdę na temat wyjazdu, nie chce jej martwić, natomiast Dunia jest w ciągłym kontakcie z Sonią, która relacjonuje jej przemianę Raskolnikowa. Poczucie winy wynika z rozczarowania swoją osobą. Rodion nie poznaje sam siebie, dostrzega istnienie problemu, który wstrząsnął jego życiem. Ma świadomość ciągłego poświęcania się matki i siostry, przez co nie chce „odwdzięczać się” dokładaniem im zmartwień. Według bohatera najlepszym rozwiązaniem jest odcięcie się od rodziny i zapewnienie jej bezpieczeństwa, korzystając z pomocy Razumichina.

W pewnym momencie pojawia się nadzieja na lepszą przyszłość dla rodziny Raskolnikowów – plan założenia wydawnictwa oraz zamieszkanie razem. Niestety planów tych nigdy nie udało się zrealizować. Relacje Raskolnikowów były skomplikowane, lecz mimo to gotowość do poświęceń i wzajemna miłość są niezastąpionymi wartościami w ich życiu. Miłość obojga dzieci do matki uchroniła ją przed chorobą z powodu zmartwień. Gdyby Pulcheria dowiedziała się o zbrodni popełnionej przez syna, mogłaby nie udźwignąć tego ciężaru psychicznie, a córka skutecznie uchroniła ją przed poznaniem prawdy. Poświęcenie Duni i matki pozwalały przeżyć Rodionowi, który przez kilka miesięcy żył na ich koszt. Miłość Rodiona do siostry sprawiła, że nie musiała ona poświęcić się dla brata i dzięki niemu odnalazła miłość w osobie Razumichina. Nawet morderstwo, którego dopuścił się główny bohater *Zbrodni i kary*, zawierało w sobie motyw chęci pomocy matce i siostrze. Poprzez zabicie lichwiarki i kradzież pieniędzy Raskolnikow chciał wyprowadzić całą swoją rodzinę z ubóstwa.

Życie w niepełnej rodzinie jest trudne zarówno dla rodzica, jak i dla potomstwa. Na barki jednego rodzica spada odpowiedzialność za rozwój i utrzymanie dzieci. Musi wejść w rolę matki i ojca, przekazywać umiejętności, których być może sam nie opanował. Miłość rodzinna jest silna i niezastąpiona. Przykład Raskolnikowów pokazuje, jak ważną rolę odgrywa każdy członek tej małej społeczności i jaki wywiera wpływ na innych. Pomimo odczuwalnego braku ojca, Raskolnikowowie starają się wypełniać tę pustkę, przejmując rolę obrońcy i osoby podejmującej decyzje. Dochodzi w takich momentach do sporów, które na szczęście zawsze udaje się zażegnać. Losy całej trójki, mimo że kończą się w różny sposób, finalnie są szczęśliwe: matka umiera ze świadomością, że jej dzieci są spełnione, Dunia w Razumichinie odnajduje miłość, na którą zasługiwała, a Rodion wstępuje na drogę odkupienia i przemiany wewnętrznej.

BIBLIOGRAFIA

- Dostojewski, F. (2021). *Zbrodnia i kara*, tłum. Cz. Jastrzębiec-Kozłowski. Warszawa: Greg.
- Fromm, E. (1994). *Niech się stanie człowiek*, tłum. R. Saciuk. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Groshev, A. (2023). *Analiz povedeniya Rodiona Raskol'nikova s tochki zreniya kognitivno-bikhevioral'nogo, gumanisticheskogo i psikhodinamicheskogo podkhodov*, <https://propsymoscow.ru/raskolnikov>, dostęp: 5.04.2023.
- Isakov, A.N. (2023). *Prestuplenie i nakazanie: tri analitiki inogo*, http://lacan.narod.ru/psy_an/default_1.htm, dostęp: 5.04.2023.
- Konstelacje rodzinne*, <https://neurolingwistyka.com/artykuly/terapije-naturalne/ustawienia-duchowe>, dostęp: 12.01.2023.
- Pavlova, L. (2023). *Pervyi son Raskol'nikova s tochki zreniya psikhoanaliza*, <https://www.chitalnya.ru/work/3205186/>, dostęp: 19.04.2023.
- Szymczak, J. (2022). *Definicje rodziny*. *Studia nad Rodziną*, 6/2 (11), 151–165.

- Грошев, А. (2023). *Анализ поведения Родиона Раскольникова с точки зрения когнитивно-бихевиорального, гуманистического и психодинамического подходов*, <https://propsy-moscow.ru/raskolnikov>, доступ: 5.04.2023.
- Исаков, А.Н. (2023). *Преступление и наказание: три аналитики иного*, http://lacan.narod.ru/psy_an/default_1.htm, доступ: 5.04.2023.
- Павлова, Л. (2023). *Первый сон Раскольникова с точки зрения психоанализа*, <https://www.chitalnya.ru/work/3205186/>, доступ: 19.04.2023.

Erica Zacharova

 <https://orcid.org/0009-0005-0869-3731>

Университет им. Константина Философа в Нитре

Философский факультет

Кафедра славянской филологии

949 01 Nitra, Štefánikova 67

erikazach3333@gmail.com

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА СНОВИДЕНИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

The Psychological Symbolism of Dreams in the Work of F.M. Dostoevsky

Резюме

В статье рассматривается феномен сновидений в художественном тексте, в творчестве писателя-психоаналитика Федора Михайловича Достоевского, который относится к авторам Золотого века русской литературы и считается одним из самых важных представителей русской и мировой литературы.

Сны сопровождают человека с древнейших времен, поэтому очень интересно наблюдать за их значением не только в психологической, но и в литературоведческой интерпретациях. В художественном тексте можно заметить символику и значение сновидений, а также проанализировать распространенность сновидений в определенном тексте.

В романе *Преступление и наказание* (1866) изображено конкретно пять снов. Первые два сна приснились главному герою романа незадолго до совершения преступления, следующие два сна – после совершения преступления, а последний сон – во время принудительных работ в Сибири. Для анализа был избран второй сон, анализ которого опирается на теоретическую базу символики сновидений (в психологии), в частности на теории швейцарского психолога и психиатра К.Г. Юнга (архетипальные образы) и американского психолога Дж. Хиллмана (мифологические образы).

Путем анализа избранного произведения статья интерпретирует возможную психологическую символику сна Родиона Раскольникова, замечает его смысл и старается эксплицитно и имплицитно показать символику данного сна. Цель статьи – исследовать (психологическое) значение снов как подсознательного конструкта литературного персонажа.

Ключевые слова: русская классическая литература, Ф.М. Достоевский, *Преступление и наказание*, сны, психология, психологическое толкование сновидений.

Summary

The article analyses the phenomenon of dreams in literary texts, specifically in the works of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky, a master of depicting human psychology. Dostoevsky belongs to the authors of the Golden Age of Russian literature and is considered one of the most important representatives of Russian and world literature.

Dreams have accompanied humans since ancient times, making it intriguing to explore their significance not only from a psychological perspective but also within the realm of literary interpretations. Through literary texts, we can grasp the symbolism and meaning of dreams and analyze their prevalence in each context.

In the novel *Crime and Punishment* (1866), there are five distinct dreams. The first two dreams are dreamt by the novel's protagonist shortly before committing the crime, the next two dreams occur after the crime, and the last dream takes place during his forced labour in Siberia. For this analysis, the second dream was chosen, and the interpretation is based on the theoretical foundations of dream symbolism, especially drawing from the theories of Swiss psychologist and psychiatrist C.G. Jung (archetypal images) and American psychologist J. Hillman (mythological images).

Through this analysis, the article aims to interpret the possible psychological symbolism of Rodion Raskolnikov's dream, discern its meaning, and explicitly and implicitly identify the dream's symbols. The goal of the article is to explore the (psychological) significance of dreams as a subconscious construct of a literary character.

Keywords: Russian classical literature, Dostoevsky, *Crime and Punishment*, dreams, psychology, psychological interpretation of dreams.

СНЫ И РАЗЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА СНОВИДЕНИЯ

Сны воспринимаются как фантастические переживания, которые создаются в мозгу во время сна и имеют в основном визуальный и слуховой характер (Heretik, Marsalova Heretikova, 2020). По данным American Sleep Association (ASA)¹, люди спят примерно треть своей жизни, тратя на сон около двух часов за ночь, и каждый сон длится примерно от пяти до двадцати минут.

Во время сна мы неоднократно проходим через две фазы – REM (rapid eye movement) и NREM (non-rapid eye movement). Сны чаще всего снятся во время фазы REM, потому что она сопровождается высокой активностью мозга, похожей на бодрствование (Heretik, Marsalová Heretiková, 2020). Многие люди воспринимают сны как связь с подсознанием – верят, что сны имеют какое-то важное значение, и поэтому пытаются описать их и придать им смысл. Для этого были созданы специальные книги – сонники, которые помогали упростить толкование снов.

В настоящее время существует несколько типов теорий сновидений. Первый тип – это *психоаналитические теории*, к которым относятся теории З. Фрейда²

¹ <https://sleepdoctor.com/>, доступ: 12.04.2023.

² Зигмунд Фрейд (1856–1939) – австрийский невролог и основатель психоанализа, считавший бессознательное важнейшей частью психики, в которую он пытался проникнуть с помощью метода свободных ассоциаций.

или К.Г. Юнга. Следующий тип – *неврологические теории*, согласно которым сны возникают просто в результате случайной активации мозга и не имеют никакого психологического смысла. *Эволюционные теории* утверждают, что функция сновидений заключается в создании «виртуальной реальности» для имитации реальных угрожающих событий, чтобы улучшить нашу способность избегать угроз во время бодрствования. Согласно *когнитивным теориям*, сон реорганизует информацию в человеческом мозге. Помимо упомянутых выше теорий, также выделяются *синтезирующие теории*, которые пытаются объединить когнитивные, неврологические и психоаналитические теории сновидений и, согласно новейшим исследованиям, являются наиболее продуктивными (Fábik, 2023).

Психологическую точку зрения, в рамках междисциплинарных отношений с литературоведением, в том числе и в связи с творчеством Достоевского, во своих исследованиях подчеркивают разные исследователи-литературоведы³. Существует много исследований, в которых авторы анализируют сны и сновидения с разных точек зрения. Например, клинический психолог и вице-президент Российского общества исследователей сновидений С.В. Авакумов утверждает, что психология как наука обычно обращается к психологии бодрствования. Это считается недостаточным, и Авакумов полагает, что психология сновидений должна быть отдельной областью психологических наук (см. Авакумов, 2008). По мнению члена Европейского лингвистического общества И. Васильевой, сны можно рассматривать с точки зрения когнитивной лингвистики. Она утверждает, что содержание сновидения составляют образы, реализующиеся посредством метафор и метонимий (Васильева, 2013). Доктор филологических наук Г.И. Берестнев ссылается на сонник американского психолога Г.Х. Миллера, который учитывал, в частности, культурные реалии соответствующего времени и узкоспециализированные знания (Берестнев, 2014). Значение сновидений рассматривается также в исследованиях специалистов по литературоведению, поскольку образ сна встречается в художественных текстах. Во своей значимой монографии этим занимался словацко-русинский литературовед, филолог, профессор и писатель А. Червеняк, который утверждает, что структура сновидения заметно напоминает структуру Большого взрыва (Červeňák, 1999, 22–51).

В статье используется символ точки зрения психологии, применяя при этом теорию К.Г. Юнга, в частности, словарь символов М. Пушкарковой⁴ и теорию

³ Об этом см., напр., в работах американских, словацких и чешских ученых: I. Pospíšil (1995). *Fenomén šilenství v ruské literatuře 19. a 20. století*, Brno: Masarykova univerzita v Brně; A. Červeňák (1999). *Tajomstvo Dostojevského: F.M. Dostojevskij v recepcii*, Nitra: Pedagogická fakulta v Nitre; L. Breger (2019). *Dostojevskij: Autor ako psychoanalytik*, Bratislava: Издательство F, Pro mente sana; P. Lekeš (2022). *Вопросы самоубийства в произведении Достоевского «Кроткая»: (психологический подход)*, Slavica Litteraria, 25, 85–94 и т.д.

⁴ Мария Пушкаркова (1950) – словацкая писатель и переводчик, которая занимается исследованием аналитической психологии Фрейда, Юнга и их последователей, и психоаналитическим анализом произведений словацких авторов.

Дж. Хиллмана на примере конкретного сна в произведении Ф.М. Достоевского *Преступление и наказание* (1866). Работа указывает на значение этого сна и разнообразие используемых в нем архетипических (психологических) символов.

ТЕОРИЯ СНОВИДЕНИЙ ЮНГА

К.Г. Юнг⁵ характеризовал душу как сознательный и бессознательный процессы, отношения которых дополняют друг друга (Puškárová, 1997). Он различает *индивидуальное бессознательное*, которое определяется индивидуальным опытом, и *коллективное бессознательное*, которое состоит из инстинктов и архетипов⁶ (Puškárová, 1994, 22–23). Сны являются основным источником и входом бессознательных процессов в сознание и имеют две функции: *компенсаторную*, помогающую развитию души к «целостности», и *проспективную*, позволяющую человеку узнать что-то о своем будущем (Puškárová, 1997, 29–62). Когда сознательное и бессознательное разделяются, психическая стабильность и психическое здоровье нарушаются, и именно сновидение служит для их восстановления (Jung, 2017, 320). Далее Юнг различал *малые* и *большие сны*. Малые сны являются более частыми и выражают скорее всего актуальные жизненные проблемы. В сравнении с ними, большие сны более эпичны и часто содержат мифологические и сказочные мотивы (Heretik, Marsalová Heretiková, 2020, 29–62). Теория сновидений Юнга является результатом сотрудничества и последующего разрыва К.Г. Юнга и З. Фрейда и постепенного создания собственного направления в психологии и психиатрии.

ТЕОРИЯ СНОВИДЕНИЙ ХИЛЛМАНА

Дж. Хиллман⁷ основывает свою теорию на связи умирания и смерти со сновидениями, беря за исходную точку психологический образ с мифологической перспективой. По словам Хиллмана: «*Мифология – это психология*

⁵ Карл Густав Юнг (1875–1961) – швейцарский врач, психиатр и психотерапевт, основатель аналитической психологии, которая развивает идею об интровертных и экстравертных личностях, архетипах и силе бессознательного.

⁶ Согласно Юнгу, архетип – это врожденная психическая структура – первобытный образ, генетически закрепленный в коллективном бессознательном (напр.: *Анимус* – мужской принцип в женщине, *Анима* – женский принцип в мужчине, *Персона* – маска, которая позволяет нам соответствовать социальным ожиданиям, *Тень* – архетип наших инстинктивных или асоциальных тенденций и т.п.)

⁷ Джеймс Хиллман (1926–2011) – американский психолог, который считается самым важным представителем архетипической школы юнгианской теории, и его вклад своеобразно превосходит как Фрейда, так и Юнга.

прошлого. Психология – это мифология современности»⁸ (Hillman, 1999, 11–31). Американская психолог Б. Брайт утверждает, что Хиллман не анализирует и не интерпретирует сон и его символы, но «посещает» сновидение в его собственном мире, взаимодействует с ним и наблюдает за тем, что из него получается (Bright, 2013). В своей теории Хиллман использует основу глубинной психологии⁹, которая сопровождается мифологическим потусторонним миром, существующим минуя физическую жизнь, но сохраняющим все свои формы, аспекты и чувства. Образы потустороннего мира подобны метафорам. В сновидениях смысл повседневного мира преобразуется в метафорический смысл, но они в большинстве случаев вовсе не являются неясными, а лишь сопровождаются неясными чувствами при воспоминании о них после пробуждения. Этот факт объясняется ограниченностью понимания ночного мира дневным сознанием (Hillman, 1999).

Теория сновидений Джеймса Хиллмана следует теории сновидений З. Фрейда и К.Г. Юнга, но отвергает их ассоциацию бессознательного с повседневным миром. Хиллман обратил свое внимание на мифологию потустороннего мира, которую он также использовал в символике снов, часто ссылаясь на идеи греческого философа Гераклита.

АНАЛИЗ СНА РОДИОНА РАСКОЛЬНИКОВА

Для анализа мы выбрали один конкретный сон в произведении Ф.М. Достоевского *Преступление и наказание*. Этот сон приснился главному герою романа, Родиону Раскольникову, незадолго до того, как он совершил убийство старухи-процентщицы. Из сна мы узнаем, что он находится в египетском оазисе. Вокруг него мирно лежат верблюды и растут пальмы. Родион пьет воду прямо из холодного ручья, который течет по цветным камням и золотому песку. Этот сон противоположен не только другим его снам, но и реальной жизни, которая печальна, однообразна и бесцветна. В анализе мы постарались показать значение этого сна и разнообразие в нем находящихся символов.

Важным символом, согласно символике сновидений Юнга, является *вода*: «Он же все пьет *воду*, прямо из ручья...» (Достоевский, 1994, 67). Вода очищает все от грязи, подобно тому, как Бог прощает грехи (Puškárová, 1994, 202–203). Раскольников в своей жизни придерживается теории, которая разделяет людей на две категории. К первой категории относятся люди, ведущие достойную

⁸ Перевод наш – Е.З.

⁹ Психологическое направление, представляющее себе сознательные психологические процессы на основе скрытых процессов, происходивших в бессознательном человека в течение его жизни и влияющих на его личность.

и скромную жизнь, а ко второй – те, которые имеют право переступить через некоторые препятствия без чувства вины, если этого требует их идея. Раскольников относит себя ко второй категории, тем самым очищает себя от вины за убийство старухи и верит, что его грехи будут прощены. Это подтверждается символом *пальмы*: «...кругом *пальмы* растут целым кругом...» (Достоевский, 1994, 67). Она может быть знаком моральной чистоты (Puškárová, 1994, 161). Поскольку Раскольников считает, что он «необыкновенный» и имел право совершить этот поступок, он не чувствует вины за свои действия.

Во сне мы также можем увидеть символ *круга*: «...кругом *пальмы* растут *целым кругом*...» (Достоевский, 1994, 67). Замкнутый круг означает застревание в трудностях (Puškárová, 1994, 133). Раскольникова сопровождают трудности с самого начала романа – от финансовых и семейных проблем до самого совершения преступления и событий с этим связанных.

Мы также в имплицитной форме находим в этом сне символ *пустыни*: «...всего чаще представлялось ему, что он где-то в Африке, в Египете, в каком-то *оазисе*¹⁰...» (см. Достоевский, 1994, 67). Пустыня может являться образом моральной и духовной изоляции (Puškárová, 1994, 171). Когда Раскольников погружается в свой план убийства, он начинает сторониться общества и большую часть времени проводит в одиночестве в своей квартире. После совершения убийства он становится замкнутым в себе и отказывается от помощи семьи и друзей. Ему кажется, что никто не может его понять, что он один на свете со своими мыслями и чувствами.

Еще один важный символ – *камень*: «...бежит по разноцветным *камням*...» (Достоевский, 1994, 67). Он символизирует прочное основание, веру, а также архетип *Самости* (Puškárová, 1994, 133). Для Раскольникова прочным основанием является упомянутая выше теория разделения людей на «обыкновенных» и «необыкновенных». Она имеет для него глубокое моральное значение, и поэтому возникает вопрос, совершил бы он это преступление, если бы не было этой теории. Архетип *Самости* означает самопознание и самим собой человек может быть, например, когда признает свою вину и осознает собственную неспособность. Несовпадение с самим собой приводит к невротическому состоянию (Puškárová, 1997, 59). Позднее Раскольников начинает сомневаться в теории, в которую он верит, в своих действиях, отношениях с семьей и друзьями. Этот факт можно считать причиной его невротических состояний. В конце концов Раскольников признает свою вину, но на это признание в значительной степени повлияло давление окружающей среды. Оно не исходит из его сущности, и поэтому нет окончательной встречи сознательного и бессознательного, нет внутренней свободы.

В символике сновидений Хиллмана тоже находится образ *круга*. Для него круг – это целостная, защитная система, которая стремится защитить

¹⁰ Оазис – это изолированная область в *пустыне* вокруг источника воды.

нашу душу от демонов и паранойи. Круг также используется для определения времени, которое представляет собой цикл чередования дней и ночей. Этот цикл – наша сущность и наша судьба. Когда мы осознаем, что наша мысль, сердце и воля вращаются по кругу, происходит исцеление души (Hillman, 1999, 140–143). Раскольников осознает свою монотонную, незаметную жизнь без денег и решает изменить свою судьбу. Он думает, что, убийством старухи решит все свои финансовые, семейные и душевные проблемы, но процесс исцеления его души нарушается из-за его постоянной паранойи. Его жизнь снова возвращается в цикл чередования дней и ночей, мрачных мыслей и отсутствия перспектив на будущее.

Общим для обеих теорий сновидений является и образ *воды*. По мнению Хиллмана, вход в воду символизирует перемены, новую среду, на которую человек может влиять как положительно, так и отрицательно (Hillman, 1999, 132–134). В его жизни происходит много изменений, он вступает в контакт с новыми людьми, другими идеями и ценностями. Он влияет на свое окружение и позитивно, и негативно. Например, он помогает семье умершего друга, но в то же время своим поведением и мнениями беспокоит семью и друзей.

Последний символ – это в имплицитной форме образ *еды*: «...все *обедают...*» (Достоевский, 1994, 67). Еда во сне связывается с жертвами богам. Это процесс питания души, и важно отметить, где, когда, с кем и особенно, что едят и пьют люди во сне, потому что в греческой мифологии определенные продукты питания связаны с потусторонним миром и мертвыми (Hillman, 1999, 152). В контексте того, убийство старухи стоит рассматривать как жертвенный акт, совершенный с целью помочь как себе, так и другим. Раскольников «накормил» свою душу хорошим чувством, что он поступил правильно и помог своим окружающим. Поскольку ход обеда во сне не уточняется, более глубоко понять этот символ невозможно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе результатов анализа мы пришли к выводу, что согласно теории сновидений К.Г. Юнга, этот сон имеет *проспективную функцию*, то есть Раскольников узнает из сна что-то о своем будущем. Также можем классифицировать этот сон как *сон-предупреждение*¹¹, так как сон предупреждает Раскольникова об убийстве старухи и показывает ему последствия этого поступка. Этот сон также относится к *малым снам*, потому что это своего рода послание из личного бессознательного, выражается в текущих жизненных проблемах – плохому финансовому положению и поиску

¹¹ Это сон, который предупреждает сновидца о некоторых будущих событиях в его жизни.

самого себя. В сновидении мы находим общие (архетипальные) символы *воды и круга* и индивидуальные символы *пальмы, пустыни, камня и еды*. Для сна Раскольникова были плодотворны обе теории, но на основе теории и символики сновидений К.Г. Юнга нам удалось более детально понять связь сновидения с психическим миром главного героя, придуманным Достоевским.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авакумов, С.В. (2023). *Психология сновидения*, доступ: 9.04.2023.
- Берестнев, Г.И. (2023). *Сонник Г.Х. Миллера: Структурное своеобразие и когнитивные модели толкования*, <https://cyberleninka.ru/article/n/sonnik-g-h-millera-strukturnoe-svoeobrazie-i-kognitivnye-modeli-tolkovaniya/viewer>, доступ: 9.04.2023.
- Васильева, И. (2023). *Особенности метафор в «пророческих» сновидениях*, <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-metafor-v-prorocheskih-snovideniya/viewer>, доступ: 9.04.2023.
- Достоевский, Ф.М. (1994). *Преступление и наказание*. Paris: Bookking International.
- Lekeš, P. (2022). *Вопросы самоубийства в произведении Достоевского «Кроткая»: (психологический подход)*. *Slavica Litteraria*, 25, 85–94.

- American Sleep Association (2022). *Dreams: What They Mean & Psychology Behind Them*, American Sleep Association, <https://www.sleepassociation.org/about-sleep/dreams/>, accessed: 12.03.2022.
- Antoš, M., Červeňák, A. (1980). *Ruská literatúra XIX. storočia*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo.
- Avakumov, S.V. (2023). *Psichologiya snovideniya*, accessed: 9.04.2023.
- Berestnev, G.I. (2023). *Sonnik G.Kh. Millera: Strukturnoe svoeobrazie i kognitivnye modeli tolkovaniya*, <https://cyberleninka.ru/article/n/sonnik-g-h-millera-strukturnoe-svoeobrazie-i-kognitivnye-modeli-tolkovaniya/viewer>, accessed: 9.04.2023.
- Breger, L. (2019). *Dostojevskij: Autor ako psychoanalytik*, překlad B. Al Zafari. Bratislava: Nakladateľstvo F, Pro mente sana.
- Bright, B. (2013). *Working with Dreams: Depth Psychology Techniques of Carl Gustav Jung and James Hillman*, Depthinsights, <https://www.depthinsights.com/blog/working-with-dreams-depth-psychology-techniques-of-carl-gustav-jung-and-james-hillman/?fbclid=IwAR21J516WlZ5pGs5cfT4U7FUjvcoVvpNLxQEDz0rArjNGqsMGcbIel05T8o>, accessed: 8.04.2023.
- Červeňák, A. (1999). *Dostojevského sny*. Pezínok: Fischer & TypoSet.
- Červeňák, A. (1999). *Tajomstvo Dostojevského: F.M. Dostojevskij v recepcii*. Nitra: Pedagogická fakulta v Nitre.
- Červeňák, A. (2008). *Reflexie esteticko-antropologické*. Nitra: FF UKF Nitra.
- Dostoevskii, F.M. (1994). *Prestuplenie i nakazanie*. Paris: Bookking International.
- Fábik, D. (2023). *Čo je sen?: Odpovedá Freud, Jung, Solms a ďalší...*, <https://www.bratislavapsycholog.sk/co-je-sen/>, accessed: 27.01.2023.
- Hartmann, E. (2013). *Sny*. Trenčín: Nakladateľstvo F, Pro mente sana.

- Heretik, A., Marsalová Heretiková, A. (2020). *Sny: Využitie v psychoterapii a osobnostnom raste*. Bratislava IKAR, a.s.
- Hillman, J. (1999). *Sny a podsvětí*. Praha: Portál, s.r.o.
- Hillman, J., Shamdasani, S. (2014). *Nářek mrtvých*, O. Fafejta (překlad). Praha: Portál, s.r.o.
- Hlbinná psychológia*, Centrum spoločných činností Slovenskej akadémie vied, Encyklopedický ústav, https://beliana.sav.sk/heslo/hlbinna-psychologia?fbclid=IwAR0bxv5oxLwt63CpSb-JrQHgUgMI_OshTXqkalzKibGdCv6XqeGO5pFtO-w, accessed: 7.04.2023.
- Jacobi, J. (2013). *Psychologie C.G. Junga*, L. Menšíková, J. Kocourek, Z. Jančařík (překlad). Praha: Portál, s.r.o.
- Jeffé, A. (2015). *Vzpomínky/ Sny/ Myšlenky C.G. Junga*. Praha: Portál, s.r.o.
- Jung, C.G. (2017). *Člověk a jeho symboly*. Praha: Portál, s.r.o.
- Mangual, W. (2023). *Descent into the Underworld: James Hillman's Dreamwork Model*, https://www.academia.edu/11768113/Descent_into_the_Underworld_James_Hillman_s_Dreamwork_Model, accessed: 5.04.2023.
- Pospíšil, I. (1995). *Fenomén šilenství v ruské literatuře 19. a 20. století*. Brno: Masarykova univerzita v Brně.
- Pospíšil, I. (2013). *K teorii ruské literatury a jejím souvislostem*. Brno: Masarykova univerzita.
- Puškářová, M. (1994). *Kto má v rukách nevedomie?*. Bratislava: Nakladateľstvo SAV a STIMUL: VEDA.
- Puškářová, M. (1997). *Múdry starec: Analytická psychológia C.G. Junga v praxi*. Bratislava: Nakladateľstvo SOFA.
- Vasil'eva, I. (2023). *Osobnosti metafor v «proročeskikh» snovideniyakh*, <https://cyberleninka.ru/article/n/osobnosti-metafor-v-proročeskikh-snovideniya/viewer>, accessed: 9.04.2023.

Elena Nevzorova-Kmech

 <http://orcid.org/0000-0002-4032-1533>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki

Zakład Przekładu i Dydaktyki

90-236 Łódź, ul. Pomorska 171/173

elena.nevzorova@filologia.uni.lodz.pl

СЛОВО О КОНФЕРЕНЦИИ «ЧУВСТВА И ЦЕННОСТИ, КОТОРЫЕ СПАСУТ МИР» (В ЯЗЫКЕ, ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ)

A Word About the Conference “Feelings and Values that Will Save the World” (in Language, Literature and Culture)

Резюме

Данный текст представляет собой описание мероприятия и краткий анализ его результатов. Речь идет о Международной студенческой научной конференции «Чувства и ценности, которые спасут мир», которая состоялась 6 мая 2023 года. События, происходящие в разных частях света, сподвигли студентов и их руководителей обратиться к теме чувств, эмоций, ценностей человека.

На конференции были проанализированы тексты прозвучавших докладов и сделаны выводы, что поле исследования затронутых молодыми исследователями проблем может и должно быть транспонировано на другие научные дисциплины. Докладчики не смогли строго придерживаться рамок одной научной области. Сама тема провоцирует на проведение междисциплинарных исследований. Доклады (статьи), хотя и находятся в рамках языкознания, однако опорой далеко выходят за узкое понимание лингвистических исследований, а именно опираются на достижения литературоведения, философии, психологии, социологии и биологии.

В рамках конференции были рассмотрены разные подходы к пониманию чувств и эмоций, а также их влияния на поведение и коммуникацию. Работы лингвистов показали, как эмоции выражаются через язык и как это влияет на восприятие и коммуникацию.

В целом, конференция была посвящена комплексному изучению чувств, эмоций и их роли в мире. Она явилась хорошим стартом в научной карьере ее участников. Мероприятие позволило молодежи приобрести опыт и вместе с тем уверенность в себе. Конференция дала возможность установить и укрепить международные контакты. Следовательно показала, насколько наука является важной и даже спасительной ценностью в современном мире.

Ключевые слова: конференция, язык, чувства, ценности.

Summary

This text is a description of the event and a brief analysis of its results. We are talking about the International Student Scientific Conference “Feelings and Values that Will Save the World”, which took place on May 6, 2023. Events taking place in different parts of the world forced students and their teachers to touch upon to the topic of feelings, emotions, and human values.

The conference analyzed the texts of the reports and concluded that the field of research on the problems raised by young researchers can and should be expanded to other scientific disciplines. The speakers were unable to strictly adhere to the framework of one scientific field. The topic itself provokes interdisciplinary research. Articles sometimes go far beyond the narrow understanding of linguistic research, namely, they are based on the achievements of literary criticism, philosophy, psychology, sociology and biology.

The conference examined different approaches to understanding feelings and emotions, as well as their impact on behavior and communication. Works by linguists have discussed how emotions are expressed through language and how this affects perception and communication.

In general, the conference was dedicated to a comprehensive study of feelings and emotions and their role in the world. It was a good start in the scientific careers of its participants. The event allowed young people to gain experience and at the same time self-confidence. Students also establish and expand international contacts. At the same time, it showed how science is an important and even saving value in the modern world.

Keywords: conference, language, feelings, values.

Международная студенческая научная конференция «Чувства и ценности, которые спасут мир» состоялась 6 мая 2023 года. Она была организована по инициативе студентов *Культурологического научного кружка молодых русистов*, руководитель Анна Степняк и *Лингвистического кружка русистов* под руководством Елены Невзоровой-Кмеч, действующих при Институте русистики филологического факультета Лодзинского университета, при поддержке и содействии ректора Лодзинского университета профессора Эльжбеты Жондзиньской, декана филологического факультета Лодзинского университета профессора Иоанны Яблковской и директора Института русистики профессора Анны Варды.

Тема конференции была предложена студентами в связи с тем, что есть необходимость в определении «важного» в жизни. В мире, переполненном событиями, вызовами и сложными вопросами, чувства и ценности человека играют важную роль в определении дальнейшего пути развития. Они по-

зволяют сохранить гуманность, право на свободу, равенство и дружбу. Привлечение внимания к этой проблематике молодых ученых явилось основной целью конференции. Кроме этого, в рамках заседаний участники смогли обменяться научным опытом, принять участие в дискуссиях, что помогло определить перспективы изучения чувств и эмоций в литературе, языке и культуре. Также удалось наладить научное сотрудничество между университетами в Польше и за рубежом.

До настоящего времени создано немало подходов и теорий о понимании психологических явлений: чувств и эмоций, хотя эти термины часто употребляются взаимозаменяемо, а иногда могут быть пересекающимися. Чувства часто рассматриваются как более общее понятие, которое включает в себя фундаментальные ощущения, такие как зрение, слух, обоняние, вкус и осязание. Эмоции фокусируются на психологических состояниях, связанных с переживаниями и реакциями на определенные события или стимулы. Также тесно связаны с когнитивными процессами, социальным контекстом и физиологическими реакциями. Например, чувство радости или грусти, возникающее в результате события или взаимодействия с другими людьми, относится к эмоциям. Конечно, чувства и эмоции тесно взаимосвязаны, и различные теории могут рассматривать их взаимодействие по-разному. Например, теория Шахтера-Сингера, теория Джеймса-Ланге, теория Бэрриза-Рассела, Кэннона-Барда, Ричарда Лазариуса, и др. Эти теории представляют лишь некоторые из множества подходов к пониманию чувств и эмоций. Исследования в этой области продолжаются, и ученые стараются получить более глубокое понимание того, как эмоции воздействуют на наше поведение, взаимодействие с окружающим миром и благополучие. В целом, чувства и эмоции представляют собой комплексные психологические явления, которые требуют многоаспектного подхода для их полного понимания. В лингвистике эмоции рассматриваются как часть выражения человеческих чувств и состояний с помощью языка. Язык является мощным инструментом для передачи эмоциональной информации, и исследование эмоциональных аспектов языка является важной областью в языкознании. Лингвисты в рамках семантики эмоций исследуют, как эмоциональные состояния и чувства выражаются через лексические единицы (слова) и семантические отношения между ними. Например, они анализируют «эмоциональные» прилагательные и глаголы, которые описывают состояния, такие как *счастье*, *гнев* или *страх*. Ученые ищут лингвистические признаки и индикаторы, которые указывают на наличие эмоционального контента в тексте или разговоре. Это могут быть различные тоновые интонации, интеръективные частицы, эмоционально окрашенные слова и т.д. Лингвисты анализируют, как различные выражения эмоций могут быть интерпретированы и как они влияют на эффективность общения. Различия в выражении эмоций и эмоциональных значений между разными культурами и языками – это объект кросскультурных

языковедческих исследований. Богатый материал для этого предоставляет литература, в текстах которой представлено разнообразие лексических единиц, стиливых приемов, метафор и символов, которые могут выражать определенные эмоции. Этому способствует и анализ исторического и культурного контекста. Исследователи сосредотачиваются на определенных событиях, социокультурных феноменах, обращают внимание на то, как они влияют на мотивации и внутренние конфликты персонажей, чтобы понять, какие эмоции движут сюжетом и какие эмоции переживают персонажи. Литература сама по себе вызывает у читателей эмоции. Произведение рецептивного анализа текста позволяет понять, какие эмоции вызывает оно у аудитории и какие аспекты влияют на эмоциональный опыт читателей.

С чувствами и эмоциями неразрывно связано понятие ценности. Оно также важно для понимания человеческой природы и поведения. Концепция ценности интересует множество дисциплин, включая философию, психологию, социологию, экономику и другие научные области. В каждой из этих наук существуют разные подходы к изучению и пониманию ценности. В философии изучение ценности начинается с вопросов о том, что является ценным, чем ценность отличается от факта и какие принципы могут определить, что делает что-то ценным. Этот подход касается этических и метафизических вопросов. Философы анализируют различные системы ценностей, исследуют понятие *добра* и *зла*, обсуждают категорический императив и универсальные моральные принципы. В психологии изучение ценности связано с исследованием того, как люди формируют свои ценности и как они влияют на принятие решений и поведение. Психологи исследуют мотивацию, личностные характеристики и социальные факторы, которые влияют на формирование ценностей у индивидуумов и групп. Также изучается вопрос о том, какие ценности могут быть универсальными и как они могут различаться в разных культурах. В социологии изучение ценности связано с анализом социокультурных факторов, которые формируют системы ценностей в обществе. Социологи исследуют, как ценности передаются от поколения к поколению, как они меняются в социокультурных контекстах и как они влияют на социальные отношения и институты. Исследования в этой области помогают понять, как общественные ценности формируют коллективные убеждения и нормы поведения. Все эти аспекты затрагиваются и в лингвистике, и в литературоведении при использовании аксиологического подхода. Ученые рассматривают как отдельные слова и выражения, используемые для названия ценностей, тексты, которые отражают ценности человека, так и общества и являются средством для их передачи. Анализ аксиологических аспектов в языке и литературе позволяет описать нормы, стереотипы, скрытые значения и коды. Он помогает выявить социокультурные изменения и описать динамику в обществе через изменения ценностных установок.

В рамках конференции прозвучали доклады студентов из университетов Польши, Словакии и Австралии. Обсуждение велось в рамках следующих вопросов:

- Диалог ценностей в литературе, культуре и языке;
- Жизнь как высшая ценность в творчестве писателей;
- Мир спасительных ценностей;
- Образ положительного героя вчера и сегодня;
- Ценность произведений культуры;
- Духовность и нравственность в языке и культуре;
- Язык положительных чувств и эмоций в СМИ;
- Названия чувств и эмоций и проблемы их перевода;
- Невербальная коммуникация и ее роль в современном мире;
- Выражение эмоций в языке и речи;
- Ценностные ориентиры в фольклоре;
- Язык как ценность для общества.

Безусловно охватить широкую палитру чувств и ценностей человека, а также представить все многообразие научных подходов не представлялось возможным, однако некоторые из аспектов области языка, литературы и культуры были затронуты авторами докладов. Часть из них представлена для ознакомления в настоящем издании. Так, Александр Муци делает попытку описать, как язык влияет на наше мышление и восприятие мира и как он может его трансформировать. Для ответа на поставленный вопрос он обращается к работам известного психолога и педагога Льва Выготского и проводит анализ его идей. Агата Буневич затрагивает область, находящуюся на стыке психологии, социологии и лингвистики. Автор старается продемонстрировать читателю то, как меняются языковые средства, употребляемые пользователями интернета для описания и выражения чувств. Она обращает внимание на смещение эмоциональных фокусов молодого интернет-сообщества – если ранее акцент делался на выражении отрицательных (неприятных) эмоций, то с увеличением осведомленности общества в области психологии личности, акцент перемещается на позитивный контекст. Автор ищет объяснения причин этого процесса, используя богатый аутентичный языковой материал.

Другая часть докладов была посвящена анализу текстов художественной, теологической, философской литературы, СМИ, а также текстов аудиовизуальной культуры, а именно художественных фильмов, сериалов, мультфильмов. Так, Павел Кмеч обращается к произведению Виктора Франкла и старается показать разные стороны ответственности и доказать, что она может быть и должна быть главной ценностью для человека. Благодаря ей, по мнению автора, как сам человек, так и окружающий мир может стать лучше. Матеуш Яницкий в докладе *Rozsądek ostatnią nadzieją dla świata* сосредотачивает внимание на тестах СМИ, а прежде всего на приемах искажения фактов и манипуляциях мнением читателя или зрителя.

Вероника Еленькая представила доклад о женской прозе XIX–XX вв. как культурной ценности; Михал Викторович и Кацпер Халагус проанализировали текст повести Сергея Лойко *Аэропорт*, выявляя способ реализации в нем концепта *любовь*. Дилбархан Джораева продемонстрировала на примере биографии и творчества Франца Кафки, значимость семьи в жизни человека. В том же контексте находится текст представленной в журнале статьи Юлии Кожуховской, которая сосредотачивает свое внимание на одном из важных мотивов в повествовании, а именно на образе семьи Родиона Раскольников. Роман *Преступление и наказание* Ф.М. Достоевского становится объектом изучения Эрики Захаровой. Она представляет читателям анализ сновидений Раскольникова с привлечением для этого теории К.Г. Юнга, Дж. Хиллмана и З. Фрейда. Данная статья демонстрирует важность и необходимость продолжения разработки психоаналитического подхода в изучении литературных произведений. Иные произведения Ф.М. Достоевского подробно были рассмотрены Патриком Лекешем в докладе *Психодиагностика литературных героев: на материале произведений Ф.М. Достоевского*. Автор предпринял попытку на основе языковых элементов текста выявить признаки психических заболеваний, которые описывают «фрейдовскую» и «постфрейдовскую» эпоху.

Особое место во время конференции было посвящено фильмам. Мария Туруновская и Анна Соберайская представили доклад на тему *Диалог ценностей в культуре (на примере советских и российских кинофильмов)*. Юлия Томчак предприняла попытку проанализировать ценности, которыми руководствуется в своей жизни главная героиня сериала *ИП Пирогова*. Докладчица приходит к выводу, что *семья, саморазвитие, любовь* и другие ценности – это то, что хочет видеть в комедийно-мелодраматическом сериале определенный зритель (главным образом неработающие молодые мамы с детьми). Оливия Лубовская обратилась к актуальной теме в области переводоведения – к переводу аудио-видеотекста. Для примера были взяты 3 языковых (английский, русский, польский) варианта текста песни из мультфильма *Анастасия*. Автор доклада показала, чем отличается форма от содержания, и каким образом в переводе передается настроение.

Конференцию в целом следует рассматривать в категориях чувств и ценностей современного поколения молодежи. Мероприятие подтвердило, что любовь к науке, желание познать себя и окружающую действительность, увлечение, любопытство и креативность являются важными составляющими ориентирами в жизни авторов статей.

Благодарим от всей души руководство Лодзинского университета за финансовую и материальную поддержку в проведении конференции, сотрудников Института русистики, участников и научных руководителей за принятые приглашения, активное участие в заседаниях, а также за теплые слова в адрес организаторов.